

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 10 (2016)

Симферополь
2016

*Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол №6 от 1 июля 2016 г.)*

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», кандидат политических наук, доцент

Заместитель главного редактора — Е. В. Чайка, кандидат искусствоведения, доцент

Члены редакционной коллегии:

*О. А. Грива, доктор философских наук, профессор (Россия)
М. Демска-Трембач, доктор философии, профессор (Польша)
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент (Россия)
А. В. Ишин, доктор исторических наук, доцент (Россия)
Ю. А. Каленская-Родзай, доктор психологических наук, профессор (Польша)
О. А. Кочнова, кандидат культурологии, доцент (Россия)
Лю Биньцян, доктор искусствоведения, профессор (Китай)
В. В. Майко, доктор исторических наук (Россия)
Е. Н. Маркова, доктор искусствоведения, профессор (Украина)
А. А. Масленников, доктор исторических наук, профессор (Россия)
В. В. Медушевский, доктор искусствоведения, профессор (Россия)
А. А. Непомнящий, доктор исторических наук, профессор (Россия)
В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор (Россия)
Н. И. Платонова, доктор исторических наук (Россия)
В. Ф. Санжаровец, старший научный сотрудник ГБУ РК
«Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия)
М. А. Сова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)
Ю. В. Фёдоров, кандидат философских наук (Россия)
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор (Россия)
С. В. Юрченко, доктор политических наук, профессор (Россия)*

Ответственный секретарь выпуска — Л. В. Блинова

Редактор — Г. Н. Гржибовская

Таврические студии № 10. — Симферополь: ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2016. — 200 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУВОРК «Крымский университет культуры,
искусств и туризма», 2016
© ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник», 2016
© ООО «Антиква», оригинал-макет, 2016

Министерство культуры Республики Крым
ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.
В. И. Вернадского»
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусства и туризма»
ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской
технологический университет»

**Международная
научно-практическая конференция**

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

**190-летию Керченского музея древностей
и 200-летию археологической коллекции
посвящается**

10 — 13 августа 2016 г.

г. Керчь

Дорогой читатель!

Вы держите в руках необычный выпуск журнала «Таврические студии». Это по-прежнему сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора», возрождённой сотрудниками Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника из «небытия» 50-х годов прошлого века.

Миссия конференции всегда была очень важной как в разные годы XX века, так и теперь, уже в XXI столетии. Она «работала» на сбор и увековечение не только археологических сенсаций, но и «плановой» работы историков и археологов, публикацию «добытых» архивных материалов и т.д. Кроме того, столь значимое издание материалов конференции открывает путь молодым учёным, студентам, аспирантам, а также повышает статус самого музея-заповедника, являющегося учредителем и организатором выше означенной конференции.

Так в чём же необычность этого выпуска журнала? А необычность состоит в серьёзной дате — 190-летию Керченского музея древностей и 200-летию одной из самых больших и наиболее значимых его коллекций — археологической.

В юбилейные дни принято подводить итоги деятельности. Они действительно масштабны. Но одним из самых значительных явился скачок во времени от «Музеума» к Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику. Это не только количественные изменения, хотя они также характеризуют

развитие учреждения: новые музейные объекты, новые археологические памятники, серьёзное увеличение фондов и т.д. Главным, пожалуй, является скачок качественный — «взлет» реставрационной, хранительской, издательской, научной, выставочной деятельности. Устоялась система подхода к основным направлениям музейного дела — живого, интересного, трудного, но не покрытого «пылью» невостребованности. Сохранение культурного наследия — как главная Миссия. Научно-исследовательская деятельность — как движение к Истине. Просвещение — как доказательная база и подготовка последователей.

Всё вышеперечисленное имеет серьёзное наполнение — программами, мероприятиями, научными трудами, о чём нужно говорить отдельно, что и будет сделано на нашей конференции. Новый виток развития получила подводная археология в связи со строительством мостового перехода с материковой России на Крымский полуостров. Кроме этого, в 2016 г. на конференции будут представлены доклады о боспорских экспедициях прошлых лет и современности, рассказы о комплексах находок из различных археологических объектов античного Боспора, экскурсии в историю могущественного Боспорского царства, ранее неисследованные материалы архивов и библиотек.

Также на конференции будут подняты вопросы охраны культурного наследия. Проблема по-прежнему стоит во

весь рост не только грабежами черных археологов и военных мародеров, но и продолжающимся захватом заповедных земель, дикими притязаниями на разработки песчаных и прочих карьеров, которые в принципе невозможны на уникальных землях Керченского полуострова.

Рассчитываем на принятие серьезной резолюции по данным вопросам.

Но главную цель, которую мы поставили себе в этом году, и реализацию которой начали в июне 2016 г. на Международном фестивале античного искусства «Боспорские агоны», звучит так:

«Керчь — самый древний город России».

Казалось, весь мир знает об этом. Однако, чтобы официально подтвердить этот статус, мы должны предоставить документальные, материальные и человеческие свидетельства. Пожалуй, главным доказательством может служить вся деятельность научной экспедиции

ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством В.П.Толстикова, 70-летие которой мы праздновали в 2015 г. Но прежде всего открытия 2014-2015 гг., их анализ и археологический контекст позволяют датировать обнаруженные сооружения и культурный слой периодом от последней четверти VII до начала VI вв. до н.э. (между 620 и 590 гг. до н.э.). Этот период и может рассматриваться в качестве даты основания города Керчи, а также служить доказательством того, что он является древнейшим городом на территории России.

Мы надеемся, что мнение ученого сообщества и резолюция конференции будут руководством к действию для властных структур всех уровней. А главное — послужат серьезным трамплином для экономического, культурного, туристического расцвета города, который заслужил это своей героической и древней историей, а еще трудолюбием и патриотизмом живущих здесь особенных людей.

*Генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник»*

Т. В. Умрихина

УДК 902, 904

Д. В. Бейлин

К вопросу об основных направлениях транспортных коммуникаций в первые века н.э.

Вопрос об основных направлениях древних дорог и транспортных коммуникаций Европейского Боспора является наименее изученным. Вероятней всего, система сухопутных дорог сложилась в доантичный период. В античное время приморские города Боспора и их сельскохозяйственная территория были связаны широкой внутренней сетью дорог, по которым шёл обмен товарами между приморскими поселениями и городами и глубинными районами полуострова. Для реконструкции системы древних дорог, помимо прочего, можно использовать крупномасштабные карты XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: Керченский полуостров; Восточный Крым; археологические исследования; древние дороги; основные транспортные коммуникации Европейского Боспора; разведки; погранично-оборонительные сооружения

Вопрос об основных направлениях древних дорог Европейского Боспора не раз поднимался в научной литературе. Пожалуй, каждый из археологов и исследователей древностей Боспора внёс свою лепту в освещение этого вопроса, начиная от чисто теоретических построений и заканчивая непосредственно выявлением на местности древних дорог.

Тем не менее, вопрос о транспортных коммуникациях в Восточном Крыму доантичного, античного и раннесредневекового времени на сегодняшний день

остаётся, в целом, в разряде наименее изученных.

Прежде чем рассматривать вопрос о сети транспортных коммуникаций Европейского Боспора в первые века нашей эры необходимо обратить особое внимание на геологическое строение Восточного Крыма, его рельеф и палеогеографию.

Так, рельеф Керченского полуострова представляет собой всхолмленную равнину с абсолютными высотами до 190 м¹. Небольшие поднятия эллипсо-

¹ Вершина горы Опук — 183,7 м, вершина горы Хрони — 174,6 м, вершина Темир-горы — 154 м, гора Маяк (Пихбопай) — 189,6 м, гора Ссыпанная (Куль-Оба) — 140,7 м, гора Наташина — 177,8 м, городище Савроматий — 174 м и др.

идальной вытянутой формы чередуются с понижениями. В прибрежной зоне расположено много солёных озёр — Акташское, Чокракское, Чурубашское, Тобечикское, Узунларское, Кояшское и другие.

Поверхность Керченской равнины резко отличается по строению рельефа на две части — юго-западную и северо-восточную, граница между которыми проходит по Парпачскому гребню. Он представляет собой увал с пологими (до 10-15°) северными склонами и крутыми (до 20-35°) южными и западными. К югу от Парпачского гребня находится покрытая четвертичными лессовидными суглинками юго-западная равнина с высотами от 25-30 до 100-110 м. В её рельефе выделяются пологие возвышенности и отдельные холмы высотой 100-150 м, разделенные плоскодонными понижениями, занятыми солончаками и подами. К северу и востоку от Парпачского гребня простирается холмисто-грядовая равнина, состоящая из эллиптических в плане известняковых холмов (высотой до 180 м), разделённых понижениями, которые, зачастую, открываются в приморских районах в северном и южном направлениях.

Необходимо кратко охарактеризовать и наиболее представленные здесь формы рельефа: флювиальные, гравитационные и абразионные.

Флювиальные формы рельефа в разных частях Керченского полуострова представлены овражно-балочной сетью. По глубине вреза и строению отложений здесь выделяются балки двух типов — глубокие, длинные, сложно разветвленные, террасированные с озеровидными расширениями в низовьях и относительно короткие молодые балки. Балки первого типа (Качикская, Узунларская и Тобечикская) развиты на Черноморском и Азовском побережьях и являются наиболее крупными древними эрозионными системами полуострова. Они разрезают карангатскую морскую террасу и имеют позднеплейстоценовый возраст (120-12 тыс. лет). Балки второго типа типичны для Юго-

Западной равнины. Их длина не превышает 6-8 км. Они имеют круглые, местами почти отвесные склоны. Плоское дно балок врезано в коренные породы и непосредственно привязано к современному уровню моря.

Широко распространены на полуострове овраги и мелкие эрозионные формы, среди которых выделяются первичные овраги высоких абразионных берегов Чёрного и Азовского морей и вторичные (донные) овраги. Их развитие связано с преобладающими поднятиями Керченского полуострова в современную эпоху и с некоторым падением уровня моря на протяжении последних тысяч лет.

Гравитационные формы рельефа получили широкое распространение на крутых побережьях Керченского полуострова в виде оползней и обвалов. Они приурочены к участкам, сложенных глинами и суглинками, реже встречаются на известняковых берегах и отсутствуют в местах развития мшанковых рифов. Формирование оползневых форм рельефа связано с деятельностью грунтовых вод и наличием водоупорных горизонтов.

Абразионные формы рельефа характерны для морских побережий, где интенсивно проявляются абразионно-аккумулятивные процессы. На протяжении 5-6 тыс. лет сформировались Феодосийский, Казантипский и другие заливы, глубоко врезанные в сушу. Участки морской аккумуляции на побережье Керченского полуострова имеют ограниченное распространение. К ним относятся Чурубашская коса, пересыпи Чурубашского, Тобечикского, Чокракского, Акташского, Качикского, Узунларского и Кояшского озёр [Благоволин. 1962; Подгородецкий. 1988;].

Таким образом, в доантичное и античное время рельеф Восточного Крыма, в целом, был сформирован и резко не отличался от современного. Исключение здесь составляет прибрежная зона, которая в свете новейших данных претерпела существенные изменения в результате колебаний уровня моря в по-

балки имеют следы древних гидротехнических сооружений (дамбы) в виде навала крупных камней, остатков земляных насыпей и пр., не говоря уже о хорошо сохранившихся дамбах средневековой эпохи. По мнению исследователей, на уменьшение водности рек оказал влияние более сухой климат на рубеже II тыс. и I тыс. до н. э. Небольшие речки превратились в сухоречья, а некоторые и вовсе пересохли [Щеглов А. Н. 1978; Кругликова, 1975; Винокуров, 2007].

Так вопросы реконструкции древних транспортных коммуникаций необходимо рассматривать, учитывая формы рельефа Керченского полуострова.

Развитие системы древних дорог следует связывать, в первую очередь, с хозяйственным освоением региона в доантичную и античную эпохи. Исследования последних десятилетий показали наличие в Восточном Крыму большое количество поселений и стоянок эпохи бронзы (археологические разведки А. Л. Ермолина, А. Е. Кислого, Д. В. Бейлина и др.). Точное количество поселений этого времени установить весьма затруднительно, но результаты новейших археологических исследований на полуострове показывают, что в эпоху бронзы Восточный Крым был очень густо заселен. Трудно себе представить, чтобы поселения этого времени не были связаны между собой сетью дорог и были бы расположены вдалеке от основных миграционных магистралей Восточного Крыма, представляя разрозненные в культурном, экономическом и политическом плане структуры.

Античный период в истории Восточного Крыма ознаменовался образованием здесь мощного социально-экономического, военно-политического государственного образования — Боспорского царства, просуществовавшего практически тысячу лет. Развитие крупных и, так называемых, «малых» городов Боспора и организация их сельскохозяйственной территории положило начало развитию широкой внутренней сети дорог, которые связывали приморские города и сельские поселе-

ния, земельные наделы и отдельные усадьбы, населенные пункты и их некрополи. Не вызывает сомнений, что для перемещения на дальние расстояния определенных видов сельхозпродукции и ряда товаров использовался, преимущественно, водный транспорт. Однако, его использование было ограничено периодом навигации в бассейнах Черного и Азовского морей. Так, морское сообщение между городами и прибрежными поселками в зимнее время было весьма затруднительным, а, подчас, и смертельно опасным. В виду этого в зимний период могли широко использоваться сухопутные пути. Преимущественно по ним же шел обмен товарами между приморскими поселениями и городами и глубинными районами полуострова в другие времена года.

Для античного Боспора исследователями выделяется несколько классов дорог:

1. Магистральные дороги, маркированные курганами (большая часть которых в своей основе относится к эпохе бронзы). Пути миграции кочевников в зимнее время (если таковые имели место в античное время).

2. Пути, связывающие античные центры и микрзоны (сельскохозяйственные территории — т. н. хору).

3. Дороги, обеспечивающие сообщение между городом и сельскими поселениями.

4. Сеть дорог, соединяющих поселения с земельными наделами.

В исследовании С. Л. Смекалова выделяются два основных класса дорог. Первый — дороги, по которым проходили **миграционные пути** кочевого населения, и **дальние торговые пути**. Второй — внутренние, **местные**, дороги собственно Боспорского государства. Первые могут быть реконструированы, по большей части, на основании совокупности косвенных признаков: по идущим вдоль них цепочкам курганов, по соответствию линиям водоразделов, по наличию источников воды близ предполагаемой трассы. Местные же дороги, наоборот, выявляются, главным обра-

зом, на основании прямых археологических признаков [Смекалов, 2005].

В период с VI по III в. до н. э. в Восточном Крыму сложилась система дорог, объединявших, так или иначе, все сельскохозяйственные районы и поселения, которые располагались в центральной части полуострова и в районе Азовского побережья с основными крупными центрами Европейского Боспора и с Пантикапеем. Главные магистрали торговых сухопутных путей связывали глубинные части полуострова с традиционными переправами через Керченский пролив в районе населённых пунктов: Жуковка, Осовины и мыса Ак-Бурун. Здесь можно выделить три основных направления:

1. Центральное направление — одна из основных традиционных магистралей, связывающая центральный Крым, Пантикапей и переправы через Керченский пролив. Эта магистраль проходила в районе современного шоссе Керчь-Феодосия с небольшими отклонениями к югу и северу вдоль Парпачского хребта. Трасса эта маркируется не только цепью курганов, но и расположенными вдоль неё поселениями античного времени и первых веков н. э.

2. Южное направление. Эта транспортная артерия проходила по южному берегу Керченского полуострова и связывала античную Феодосию с крупными приморскими поселениями и городами, такими как Киммерик, Китей, Акра, Нимфей.

3. Северное направление связывало Присивашье, т. н. Крымское Приазовье и район переправ через Керченский пролив.

Стабильность существовавших транспортных коммуникаций ярко отражена в частично сохранившейся надписи на плите из белого мрамора, представляющей собой фрагмент документа, определявшего границы некоего земельного участка «... до холма и варварской дороги; от холма и варварской дороги до второго её поворота и до оврага и моря, и от моря к западу до дороги в долине, и от дороги в долине до

сарм...» [КБН, 1965, с. 466-467, №837]. Надпись относится к концу II— первой половине III вв. н. э.

В этом фрагменте надписи чётко засвидетельствованы ориентиры расположения земельного участка, главная из которых — «варварская дорога». Стабильность направления этой дороги, и её трасса не вызывали сомнений и каких-либо разночтений у автора документа. Здесь же упоминается ещё одна дорога, проходящая по долине, т. е. низко расположенной долине или широкой балке. Этот факт весьма интересен тем, что упоминает дорогу в низко расположенном районе местности, который в осенне-весенний сезон может подтопляться. Таким образом, можно полагать, что дороги проходили не только по гребням возвышенностей или приподнятым не подтопляемым районам местности, что само по себе увеличивает возможность реконструкции не только дорог местного значения, но и основных транспортных коммуникаций.

Наиболее ценную информацию о древних дорогах Восточного Крыма содержат крупномасштабные топографические карты XVIII-XIX веков, современные аэрофотоснимки и доступные в настоящее время спутниковые снимки. Так, с помощью геоинформационных технологий последнего времени стало возможным дистанционное изучение вопроса.

При нанесении на топографические карты Керченского полуострова XIX века известных поселений эпохи бронзы, античного времени и первых веков н. э. наблюдается весьма интересная картина. Практически все поселения расположены либо в непосредственной близости от основных обозначенных дорог, либо прямо на трассе существовавших. Также и основная масса позднесредневековых поселений располагалась вблизи поселений эпохи бронзы — античного времени.

Приведём ряд примеров, которые будут касаться поселений первых веков нашей эры: дер. Русский Китай (Либ-

кнехтовка) — укрепленное поселение (городище?), дер. Кош-Кую — укрепленное поселение Тасуново, южная Кош-Кую — Михайловское городище, деревня Качин — городище Савроматий, дер. Маяк Салын, хутор Паша Салын — городище Артезиан, дер. Аджи-Эли — Белинское городище, хутор Конрат — укрепленное поселение, дер. Джанакбат (Джанкой) — городище Андреевка Северная, дер. Чокрак-Бабчик (Малый Бабчик) — укрепленное поселение, дер. Кезы — укрепленное поселение (городище?), дер. Конрама — городище «Багероно Северное (?)», дер. Биюк Тархан — укрепленное поселение «Тархан I» [Бейлин. 2015], дер. Биели — укрепленное поселение «Октябрьское III», дер. Булганак — два укрепленных поселения по обе стороны реки, хутор у южного склона Темир-Горы — укрепленное поселение (городище?) «Темир-Гора I», хутор Солончак — городище Парфений, хутор Хруньи (Баксы) — укрепленное поселение, хутор Баркаров — укрепленное поселение «Маяк I» и др.

Возможно, дороги на картах XIX века нанесены без предельной точности, но это ничуть не меняет общее представление о сухопутной транспортной сети Восточного Крыма в историческое время. Наоборот, возникает некая уверенность в том, что дорожная сеть, отраженная на картах конца XVIII-XIX вв. вполне может соответствовать направлениям, а иногда и конкретным дорогам античного времени [Смекалова, Смекалов, 2005].

Следует обратить особое внимание на военно-стратегическое значение

сухопутных транспортных коммуникаций. Быстрая и оперативная переброска войск и обозов могла осуществляться лишь по «хорошим» дорогам. Более мобильные небольшие отряды всадников и пеших воинов могли, несомненно, обходиться и без дорог, но, представляется, только в том случае, если радиус их действия был невелик. Быстро передвигаться можно было, отчасти, используя вершины хребтов, выходы скальных коржей, земляные оборонительные валы. Упомянув об оборонительных валах, нельзя не обратить внимание и на специальные проезды, устроенные в них. Так, специальные исследования линий оборонительных валов и рвов Восточного Крыма провел А. А. Масленников. Их подробные описания и описание башен и проездов дано в монографии автора [Масленников, 2003]. К примеру, в настоящее время по вершине отдельных участков Узунларского вала проходят участки современных полевых грунтовых дорог.

Таким образом, сопоставление карт конца XVIII-XIX вв. с аэрофотоснимками, спутниковыми снимками, а также нанесение на эту основу памятников как первых веков н. э., так и более ранних, может дать наиболее исчерпывающую картину античных дорог Восточного Крыма. Специальные натурные археологические исследования, сбор подъемного материала и шурфовки помогут не только уточнить знания и представления о системе античных дорог и транспортных коммуникаций, но и на конкретных примерах подтвердить их местоположение.

1. Корпус боспорских надписей / Под. ред.: В. В. Струве (отв. ред.), М. Н. Тихомирова, В. Ф. Гайдукевича, А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, Т. Н. Книпович. Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение; Институт археологии АН СССР, Ленинградское отделение — Москва; Ленинград: Изд-во «Наука», 1965. С. 466-467.

2. Бейлин Д. В. Поселение Тархан I в Восточном Крыму (по результатам разведок 2009-2012 гг.) // Таврические студии. Исторические науки № 7. Симферополь: ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2015. С. 19-27.

3. Благоволлин Н. С. Геоморфология Керченско-Таманской области. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 189 с.

4. Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Т. XXIX-XXX. С. 227-244.

-
5. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum. М., 2005. Т. II.
 6. Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Керчь-Симферополь, 2007, С. 22-39.
 7. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, С. 15-23.
 8. Куликов А. В. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. М. -Магнитогорск. Вып. II. 1995. С. 97-107.
 9. Лесков А. М., Збеневич В. Г. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 году // Археология и история Боспора. Т. 2. Симферополь, 1962. С. 263–270.
 10. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. — Тула: Гриф и К, 2003.
 11. Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. АН УССР. Киев. Наукова думка. 1977. г. 180 с., илл.
 12. Подгородецкий П. Д. Крым: Природа: Справочное издание. Симферополь: Таврия. 1988. –192 с.
 13. Смекалов С. Л. Древние антропогенные структуры Восточного Крыма: Геоинформационный и историко-картографический аспекты // автореферат, 2005.
 14. Смекалова Т. Н. Смекалов С. Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов европейского Боспора (по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок) // Боспорские исследования, том X. С. 27-60.
 15. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука. 1978. С. 13-28.

The question about the main directions of the ancient roads and transport communications of the European Bosphorus is the least studied. Most likely, the system of land roads had been developed in pre-antic period. In ancient times the seaside towns of the Bosphorus and the agricultural area were connected by broad internal road network, which was used for the exchange of goods between the coastal settlements and cities and the interior regions of the peninsula. For the reconstruction of the ancient road system large-scale maps XVIII-XIX centuries, among other things, can be used.

Keywords: Kerch Peninsula; East Crimea; archaeological research; ancient roads; major transport links of the European Bosphorus; exploration; border fortifications

УДК 904

А. М. Бутягин

Боспорский город в системе греко-варварских взаимоотношений в доримскую эпоху

Анализ археологических данных приводит к выводу о том, что города Боспора, практически, не подвергались варварским влияниям, в отличие от аристократической элиты. Такая ситуация требует поиска новых путей изучения греко-варварских взаимоотношений.

Ключевые слова: археология Северного Причерноморья; греко-варварские взаимоотношения; Боспорское царство.

Несмотря на то, что греко-варварские взаимоотношения на Боспоре давно и плодотворно изучаются, в этой области остаётся ещё немало сложных и не до конца выясненных моментов. Одним из таковых является роль боспорских городов в процессе греко-варварских взаимоотношений. Казалось бы, их роль во взаимодействии с окружающими племенами номадов должна была быть ключевой, а раскопки представлять нам их ясные следы и последствия. Однако, при ближайшем рассмотрении картина представляется несколько иной.

Следует сразу же оговориться, что, несмотря на появившееся в последнее десятилетие мнение об отсутствии осо-

бой греко-варварской специфики Боспорского царства (и, соответственно, предшествующих ему образований), автор считает, что отрицать особую специфику Боспора в ряду других греческих колоний Средиземноморья невозможно. Ярким показателем слияния греческих и варварских традиций являются внушительные курганные захоронения аристократии, в которых зримо переплелись, а, порой и слились две культурные традиции.

Также необходимо обозначить, что под «варварами» в системе греко-варварской оппозиции понимаются кочевые, полукочевые и, возможно, земледельческие племена окружающей

Боспор территории, в целом, находившиеся в рамках культуры, которую можно охарактеризовать, как «скифскую». Её основными чертами являются наличие коневодства, специфического набора узды, вооружения, характерного для конного кочевника, курганный обряд погребения для представителей аристократии, а также производство и массовое использование лепной посуды. Несмотря на то, что окружающие Боспор племена обладали своей культурной спецификой, которая часто может быть выявлена археологическими методами, практически все они отвечают вышеперечисленным признакам. Теоретически, из этого ряда должны выпадать синды, которые, как утверждают источники, были земледельцами, а также горные племена тавров. Однако сама трудность археологического выделения синдов уже свидетельствует об их культурном сходстве с окружающими племенами, в первую очередь, меотами. Наличие относительно большого числа керамики кизил-кобинской культуры, традиционно ассоциируемой с таврами не только на Боспоре, но и в Ольвийском регионе, позволяет предполагать, что существовала какая-то группа кизил-кобинской культуры, для которого был характерен полукочевой образ жизни, что также позволяет рассматривать их в рамках представленной «варварской» модели.

Попробуем рассмотреть те особенности развития боспорских городов, которые могут указывать на греко-варварское взаимодействие. В первую очередь, мы будем обращаться к материалам из раскопок городища Мирмекия, как наиболее доступных автору, но, также, в случае необходимости, привлекать материалы и других памятников Боспора.

Для изучения влияний следует исследовать различные категории имеющихся материалов, чтобы проследить где прослеживается то или иное воздействие, а также в каком виде и какой степени. Такими сферами обычно является строительство (формы жилищ и спосо-

бы их постройки), погребальная практика (формы и обряд погребений), материальная культура (одежда и украшения, керамические сосуды, военное дело, ремесло и сельское хозяйство), а также религиозная сфера и памятники искусства. В случае, когда мы имеем дело с боспорским городом, набор наших возможностей чрезвычайно ограничен.

Основной категорией материала, которая может свидетельствовать если не о присутствии на территории памятника варваров, то об интенсивности взаимодействий, является нахождение в слоях и комплексах разного времени обломков лепной керамики. Кроме того, таковыми являются предметы, происхождение или предназначение которых может быть связано с местным негреческим населением. Определённое влияние варварского окружения может отразиться в погребальном обряде и домостроительной традиции.

Варварское влияние усматривалось в двух особенностях, проявляющихся в большинстве памятников Северного Причерноморья. Таковыми являлось земляночное домостроительство на раннем этапе развития и наличие лепной керамики варварских форм в слое памятников, практически на всём протяжении их существования. Рассмотрим эти данные подробнее.

Фактически, наличие земляночного строительства может быть единственным свидетельством влияния на греков местной строительной традиции, так как после повсеместного перехода к сооружению наземных построек они вполне соответствуют нашим представлениям о греческом жилище. Землянки и полуземлянки обнаружены на многих памятниках Боспора. Предполагалось, что на первом этапе существования колоний заимствуется сама форма землянки, или хотя бы «идея» заглубленного домостроительства. Анализ Боспорских землянок (больше всего их открыто именно в Мирмекии) показал, что в их конструкции и интерьере открытого влияния местного населения не прослеживается [Бутягин, 2001, 36-41].

Находка в Пантикапее наземных жилищ начала 6 в. до н. э. [Толстикова, Муратова, 2013, 181-186] также позволяет говорить о том, что никаких заимствований не производилось, а применение земляночного домостроительства было вызвано иными причинами.

Со времени выхода книги К. К. Марченко [Марченко, 1988], изучение лепной керамики стало одним из главнейших направлений при анализе взаимодействий греков с местным населением Северного Причерноморья. Фрагменты лепной посуды найдены, практически, на всех памятниках Боспора на всём протяжении их функционирования. Рассмотрим динамику изменения лепной керамики в общем составе керамического комплекса на примере Мирмекии, так как здесь у автора имеются полные данные по вопросу.

В самом сжатом варианте картина выглядит следующим образом (Рис. 1). На данный момент самыми ранними комплексами, который имеют уверенную датировку, являются ямы, относящиеся ко второй четверти VI в. до н. э. Интересно, что в них наличествует чрезвычайно мало фрагментов лепной керамики (не более 5%) и они довольно невыразительны [Бутягин, 1998, с. 141-144]. Возможно, часть из этих фрагментов вообще происходит из слоёв эпохи поздней бронзы, которые открыты на городище. К середине столетия доля лепной посуды резко возрастает и достигает примерно до 20% от неамфорной керамики. Интересно, что в это время её состав весьма разнообразен, в нём легко различаются формы, которые можно связывать с разными местными культурами, в частности, выделяются сосуды меотских и кизил-кобинских типов. На протяжении второй половины столетия доля лепных фраг-

ментов постепенно снижается, падая почти до 10%. Первоначальное разнообразие типов уменьшается фактически исключительно до горшков типа 1 по К. К. Марченко, которые невыразительны и не несут никакой дополнительной культурной информации (возможно, какая-то их часть выпускалась самими колонистами). В первой трети V в. до н. э., когда Мирмекий покрывается сетью наземной застройки, процент лепной керамики незначительно падает. Число комплексов середины — второй половины V в. до н. э. весьма невелико (поселение было разрушено, и жизнь на нём медленно восстанавливалась), поэтому никаких выводов относительно этого интересного времени сделать невозможно. В IV в. до н. э., когда Мирмекий переживает очередной расцвет, количество фрагментов лепной посуды колеблется в пределах 0-10%, и они обычно невыразительны.

На основании вышеперечисленных данных можно сделать следующие выводы. Для VI в. до н. э. лепная керамика может быть вполне надёжным индикатором для констатирования связи с теми или иными представителями местного населения, позволяя даже детализировать этот процесс, выделяя керамику, связанную с определённой культурой. Низкое количество лепных фрагментов

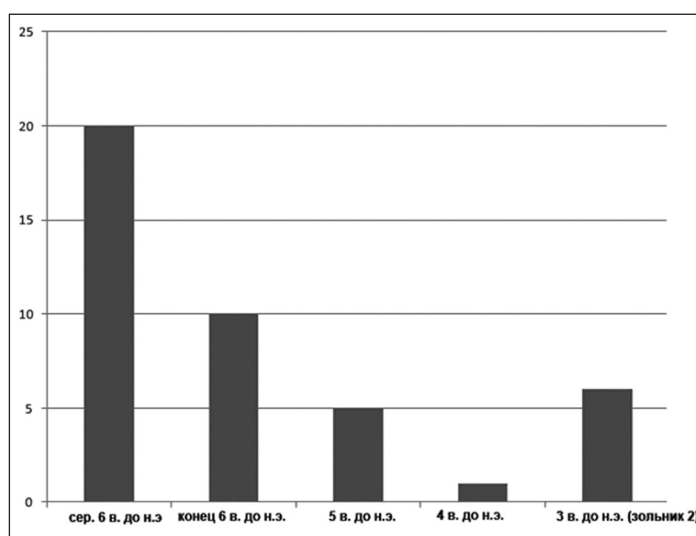

Рис. 1 Хронологические изменения доли фрагментов лепной керамики в общей массе фрагментов керамической посуды на городище Мирмекий.

на самом раннем этапе свидетельствует о том, что первоначально отношения с окружающими племенами были минимальными, но к середине VI в до н. э. они существенно усиливаются. Уменьшение доли лепной посуды следует связывать с быстрой эллинизацией варварского населения, после чего её количество долгое время слишком невелико для каких-либо выводов. Ситуация меняется только в период эллинизма.

Наиболее яркие материалы для характеристики этого периода развития памятника дают раскопки мирмекийских зольников [Butyagin, 2015, 129-130]. Любопытно, что при раскопках т. н. «западного» зольника в районе акрополя количество фрагментов лепной керамики было крайне невелико. В то же время, результаты исследования зольника 2, расположенного в центре поселения, дают до 20% лепных фрагментов от неамфорного материала в отдельных контекстах, в целом, составляя, около 6%. Такая парадоксальная ситуация требует разъяснения. Судя по всему, подавляющее большинство обломков кухонной посуды выбрасывалось именно в зольник 2, на специально огороженное пространство. В то же время «западный» зольник являлся обыкновенной «стихийной» свалкой, куда подобная керамика попадала редко [Бутягин, Каспаров, 2007, с. 133-134]. Подавляющее большинство лепных сосудов из зольника 2 — обломки лепных кастрюль и горшков. При плохой сохранности фрагментов их порой трудно отделить от обломков кружальных кастрюль или сосудов, подправленных на гончарном круге. Причиной этому является одинаковая глина, из которой изготовлены сосуды. Мне кажется, что можно, с осторожностью предположить, что как лепные, так и кружальные кастрюли, использовались в эллинистический период греческим населением Мирмекии и не могут нести никакой информации о наличии в городе варваров или о торговых отношениях с ними.

Таким образом, те материалы, на которых варварское влияние, как ка-

залось, фиксируется довольно чётко, в действительности либо не демонстрируют его, либо демонстрируют только на определённом хронологическом этапе (обычно, раннем), после чего перестают быть надёжным индикатором процесса культурного взаимодействия.

Нет никаких сомнений, что на территории Боспорских городов выпускались различные предметы, предназначенные для варварского окружения, однако выпуск предметов вооружения и украшений, предназначенный на продажу, сам по себе не является свидетельством какого-либо влияния местных культур.

Вопрос о массовом применении варварского вооружения боспорскими греками тесно связан и с проблемой погребений с оружием на некрополях различных поселений. В настоящее время, как представляется автору, дискуссия о причинах появления оружия в составе боспорских погребений далеко не закончена. Серия статей Н. И Сударева и А. А. Завойкина [Завойкин, Сударев, 2006а,б] предлагает однозначно воспринимать их, как греков, воспринявший местный состав вооружения (в который входил лук, копье и меч скифского типа), а также восстановившие древний обряд погребения с оружием (или заимствовали его у местного населения). В случае, если вывод авторов верен, то мы имеем уникальный пример глубочайшей варваризации, совершенно нехарактерный для всего развития боспорского города в VI-V вв. до н. э. Получается, что местное население оказало огромное влияние на военное дело рядовых боспорян, а также, вероятно, на погребальный обряд (но только в части положения оружия в могилу) и более ни на какие другие смежные сферы.

Действительно, в слоях городов известны находки железных мечей скифского типа (в частности, одна из них была сделана в Мирмекии в полу дома второй четверти V в. до н. э.), но также наличествуют и находки мечей греческих типов и деталей амуниции [Толстиков, Муратова, 2013, рис. 2]. В то же время, их практически нет в погребени-

ях с оружием. Автор склонен считать, что в связи с бедственным положением греков перед усиливающимся натиском кочевых номадов, во 2-й пол. VI в. до н. э. — середине V в. до н. э. в городах произошла большая инфильтрация варварских воинов. Они полностью эллинизируются к концу V в. до н. э., что приводит к почти полному исчезновению подобных погребений из городских грунтовых некрополей. Впрочем, это только предположение, требующее дополнительных доказательств. В любом случае, вопрос влияния варваров на военную и погребальную практику населения городов также находится под вопросом.

В одной сфере влияние местной культуры не может отрицаться. На данный момент на Боспоре зафиксированы только находки местных типов узды. Некоторые из них происходят из слоёв городищ, некоторые найдены в погребениях. По всей вероятности, боспорские греки пользовались только степными лошадьми, приобретая их вместе с уздой. Впрочем, использование коня в бою было характерно, в первую очередь, для аристократии, что видно в захоронениях в курганах, которые находятся вне рамок этой заметки.

В художественной сфере и сфере культа мы также не можем отметить сколько-нибудь заметного влияния окружающих варваров на население греческих городов. Немногочисленные предметы варварского облика чрезвычайно редки (в Мирмекии наличествует всего один такой предмет — костяная пластина с головой волка, относящаяся, видимо, ко второй половине V в. до н. э.), и не могут свидетельствовать о каком-либо массовом изменении вкусов городского населения. То же относится и к городским святилищам, которые вполне соответствуют греческим канонам.

На основании этой картины можно сделать следующие выводы. Единственным типом находок, который до некоторой степени позволяет судить о присутствии варваров в боспорских городах, является лепная посуда, да и

то не позднее рубежа VI-V вв. до н. э.. В целом, видны только следы греко-варварской торговли, а также, может быть, влияния в военной сфере.

Такая ситуация не может не вызывать удивления в сравнении с тем, что мы видим при анализе богатых аристократических погребений, где, начиная с IV в. до н. э., наличествуют одновременно греческие и варварские черты, а также результаты слияния этих традиций [Бутягин, 2009, с. 111-113]. Кажется, что аристократическая культура Боспорского царства не могла не воздействовать на культуру городов, чего, однако, совершенно не наблюдается.

Приходится констатировать, что в настоящее время методы, принятые для анализа греко-варварских взаимоотношений не в состоянии адекватно отразить эту картину на всём протяжении процесса, хотя сохраняют своё значение в определённых хронологических диапазонах (например, анализ лепной керамики может быть применён для позднеархаического времени, но ничего не даёт для классического и эллинистического времени). Необходимо искать новые методы, которые позволили бы нам более рельефно представить роль варваров в боспорском городе VI-I вв. до н. э.

В то же время, такая картина может быть связана с тем, что греческий город, будучи весьма прочной культурной структурой, всегда в высшей степени сопротивлялся внешнему культурному воздействию, «перемалывая» любое внешнее воздействие варварских племён. В связи с этим, попадавшие в городское сообщество варвары быстро растворялись в нём, теряя видимую нам культурную специфику. Таким образом, роль города в системе греко-варварского взаимодействия заключалась в сохранении греческих традиций и поддержании активных связей с метрополией и между греческими городами Причерноморья. В то же время, аристократия, опираясь на эту надёжную опору, могла позволить себе более серьёзные культурные заимствования у элиты варварского окружения.

-
1. Бутягин А. М. Варвары на поселениях архаического Боспора: по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия // «Поселения: среда, культура, социум». Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 141-144.
 2. Бутягин А. М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы научной конференции. Часть 1. СПб., 2001. С. 36-41.
 3. Бутягин А. М. К проблеме формирования искусства античного Боспора IV–III в. до н. э.: искусство города и искусство кургана) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. с. 111-113.
 4. Бутягин А. М., Каспаров А. К. Костные остатки животных из «Западного зольника» Мирмекия // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть 1. СПб., 2007. с. 133-141.
 5. Завойкин А. А., Сударев Н. И.: Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // Древности Боспора, Вып. 9, 2006а год, М., С. 101–151.
 6. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II // Древности Боспора, Вып. 10, 2006б год, М., 263–303.
 7. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии (по материалам лепной керамики). Л., 1988.
 8. Толстиков В. П., Муратова М. Б. К проблеме пространственного развития пантикапейской апойки в первой половине VI — первой половине V в. до н. э. //ВДИ, 2013, №1, 176-193.
 9. Butyagin A. Excavations at Myrmekion in 2006-2013 //HYPERBOREUS Vol. 21 2015 Fasc. 1 p. 127-134.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории

The analysis of archaeological data brings in a conclusion that the towns of Bosporos were practically not exposed to barbarous influences, unlike aristocratic elite. Such situation demands to look for new ways of studying of Greek-barbarous relationship.

Keywords: *Archaeology of the Northern Black Sea coast; the Greek-Barbarian relations; the Bosporus kingdom*

УДК 902.034

В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьев

Подводные археологические исследования Акры в 2015 г.

Античное городище Акра располагается под водой в Восточном Крыму в акватории Керченского пролива. Самыми ранними выявленными подводными исследованиями являются слои IV в. до н.э. К северу от оборонительной стены, в 2015 г., был исследован квартал раннеэллинистической жилой застройки. Учитывая, что стены всех сооружений параллельны и перпендикулярны трассе оборонительной стены, планировка и топография города имела чётко выраженную квартальную систему застройки. При расчистке песчаных отложений на этом участке обнаружена золотая серьга с окончанием в виде головы льва.

Ключевые слова: подводная археология; античный город Акра; золотая серьга

Античное городище Акра располагается к югу от с. Набережное Ленинского района Республики Крым в прилегающей прибрежной акватории Керченского пролива [1, 2, 3, 6, 7]. Длительное время проблема локализации городища не могла быть решена по причине разночтений в письменных источниках, упоминавших Акру на берегу Боспора Киммерийского между Нимфеем и Китеем (Strabo XI. 2. 8:32; Pliny IV. 86: 183; Arr. 513-522; Ps. Arr. 282). Лишь в начале 1980-х гг., после многочисленных находок античных монет на песчаной косе между озером Яньш и проливом и обнаружения под водой остатков каменных строений, вопрос о локализации был решён.

В 1982 г. сотрудник Керченского музея В. Н. Холодков провёл первые раскопки на пересыпи и предположил, что городище затоплено водами Керченского пролива. В 1983 — 1985 гг. К. К. Шилик при подводных разведках зафиксировал оборонительные стены, башни, цистерну, установил прямоугольные очертания городища и определил его площадь в 3,5 га. В 1994 — 1997, 2001 гг. Акру исследовала экспедиция под руководством А. В. Куликова. Исследования прибрежной полосы выявили жилую застройку римского времени. С 2011 г. в Акре работает совместная подводная экспедиция Черноморского центра подводных исследований и Государственного Эрмитажа.

Рис. 1. Общий вид на Акру с востока

Занимаемая городищем территория, вероятно, имела трапециевидную форму площадью около 3,5 га, которая в настоящее время почти полностью скрыта морем, за исключением небольшого западного участка на песчаной косе, отделившей устье древней реки, превратившейся в современное озеро Яныш, от Керченского пролива (рис. 1). Древний мыс с городищем впоследствии был отгорожен оборонительной стеной, которая пересекла его поперёк. Такое стратегическое положение, по-видимому, обусловило название городка, которое, помимо распространенной трактовки — «возвышенность», может быть переведено как «укрепление».

В ходе Нимфейской трансгрессии Черного моря, начавшейся в конце I тыс. до н. э., древний город постепенно оказался на глубине 4,50 м. Особенности тектонических и волновых процессов в этой части Керченского пролива [4, 5] привели к тому, что часть культурных слоёв древнего города не была полностью размыва, и фундаменты некоторых построек оказались не разрушены, а лишь частично занесены морским песком.

Акра была основана в результате процесса внутренней колонизации Бо-

спора в начале V в. до н. э. Именно этим временем датированы некоторые строительные комплексы на т. н. хоре Акры, на поселении Заветное-5. На самой же Акре до сих пор слои этого времени не были изучены.

Самыми ранними выявленными подводными исследованиями являются слои IV в. до н. э. К этому времени относится сразу несколько изученных объектов. В первую очередь, это оборонительная стена города. Она визуалью прослеживается на протяжении 150 м до глубин 2,5 м. Ширина стены составляет 2 м, а сама она возвышается над морским дном на 1-2 ряда камней. Во время проведённых раскопок восточный фас стены был открыт на высоту до 1,6 м. Характер слоя, а также анализ находок из него однозначно свидетельствуют, что данный слой сохранился *in situ*. Скорее всего, мощная оборонительная стена помогла уберечь культурные напластования IV в. до н. э. и более ранние от размыва.

В 30 м от уреза воды к внешнему фасу оборонительной стены примыкала башня. Все её стены опирались на большие деревянные балки, сложенные в конструкции в виде клеток. Стены

сложены из хорошо обработанных рустованных блоков, сформировавших как внешние, так и внутренние фасы стен. Исследованная башня защищала северную часть юго-западной оборонительной стены Акры и была пристроена к ней с внешней стороны во второй половине IV в. до н. э. При расчистке внешнего фаса стены башни найден прекрасно сохранившийся эллинистический деревянный гребень с резным орнаментом.

Самым мористым объектом, обнаруженным в Акре, является цистерна, обнаруженная в 1983 г. на глубине 3 м в 170 м от берега, маркируя дневную поверхность того периода. Она была обложена камнями, а в кладке присутствовали деревянные детали. В слое заполнения колодца найдены фрагменты амфор, столовой посуды, обломок свинцового якорного штока, деревянные детали, обработанные на токарном станке, куски древесины и 7 клейменных гераклейских амфор IV в. до н. э.

К северу от оборонительной стены на протяжении последних лет был исследован квартал раннеэллинистической жилой застройки. Учитывая, что стены всех сооружений параллельны и перпендикулярны трассе оборонительной стены, планировка и топография города имели чётко выраженную квартальную систему застройки. При расчистке песчаных отложений на этом участке была обнаружена золотая серьга с окончанием в виде головы льва.

Напластования эллинистического времени оказались наиболее подвержены штормовому размыву на малых глубинах. Строительные остатки и слои римского времени изучались в 1990-х гг. на песчаной пересыпи. Тогда было открыто три домовладения. По достижению уровня грунтовых вод работы были остановлены. В первые века н. э. застройка вышла за границы ранней оборонительной стены, вероятно, по причине постепенного подъёма вод.

Археологические исследования 2015 г. велись в подводной части древнего города и преследовали цель со-

ставления ситуационного плана памятника, изучения его фортификационных сооружений и городской застройки посредством подводных археологических раскопок и разведки. В ходе работ участок древнего города площадью около 400 кв. м был расчищен от песчаных наносов и картографирован, а также проведены раскопки в шурфе 1/2011 площадью 4 кв. м, заложенном у юго-западной оборонительной стены. Археологические раскопки велись с помощью гидроэжекторов, присоединенных к мотопомпам посредством рукавов, выводивших извлекаемый грунт в боксы с мелкоячеистой сетью для сбора мелких находок. Графическая и фотофиксация проводились с использованием обычных измерительных приспособлений, а также жестких металлических рамок размерами 2 x 2 м. Инструментальная фиксация археологических объектов и их картографирование проведены с помощью тахеометра.

На пляже и в зоне прибоя найдено большое количество античной керамики, вымытой морем и выброшенной на берег уже в сильно окатанном виде. В непосредственной близости от берега обнаружены каменный каток для обмола пшеницы XIX в. и каменная база колонны античного времени.

При раскопках в шурфе 1/2011 прослежены хорошо сохранившиеся культурные напластования второй полови-

Рис. 2. Золотая серьга из подводных исследований Акры

ны IV в. до н. э., при разборке которых найдены многочисленные керамические материалы, в том числе обломки аттической чернолаковой керамики и фрагменты амфорной тары Синопы, Гераклеи, Фасоса и Хиоса с клеймами, а также керамическое пряслице с магической надписью первой половины IV в. до н. э. Отдельно следует отметить, что в непереотложенных культурных напластованиях Акры, ввиду отсутствия доступа кислорода в глинистые и суглинистые слои, нередки находки фрагментов дерева, веток и некоторых деревянных изделий. Так, при разборке культурного слоя было найдено несколько фрагментов древесины и угля, а также деревянная фрагментированная накладка с двумя отверстиями для крепления и следами от круглых шляпок гвоздей.

Археологические раскопки в шурфе были остановлены на глубине 1,80 м по причине начавшихся штормов, которые к моменту окончания экспедиции вновь перекрыли шурф наносным слоем песка и морской травы.

Основным результатом подводных археологических исследований 2015 г. стало открытие трёх строительных комплексов, представлявших собой остатки, как минимум, трёх городских домов, входивших в состав жилого. От построек сохранились цоколи четырнадцати стен, сложенные из камней разных размеров по двухлицевой постелистой иррегулярной или приближающейся к двухслойной системе. После расчистки кладки возвышались над дном на высоту двух рядов, на 0,25 м. В составе находок из слоя песчаных наносов преобладали фрагменты амфорной тары раннеэллинистического времени, также встречались фрагменты черепицы боспорского производства и обломки чер-

нолаковой аттической посуды. Кроме того, обнаружено несколько металлических изделий, среди которых следует отметить свинцовое грузило. Возле одной из кладок найдена золотая серьга с витой дужкой и полый головкой льва IV в. до н. э., вероятно, сделанная в одной из мастерских Пантикапея (рис. 2).

Характер взаиморасположения строительных комплексов позволяет отнести их к одному из городских кварталов Акры раннеэллинистического периода, который, судя по ориентации стен зданий, входил в общую систему городской застройки и фортификационных сооружений, в частности с юго-западной оборонительной стеной. В центре участка в 2012 г. была открыта вымостка № 1, площадью более 20 кв. м, сложенная из крупных подтёсанных каменных плит с более мелкими камнями между ними, которая могла входить в состав одного из строительных комплексов. В следующем полевом сезоне планируется продолжить расчистку цоколей стен с целью выяснения планировки квартала и типологии строительных комплексов.

В ходе топографической съёмки городища и прилегающей к нему территории были нанесены участки работ 2011–2014 гг. и обнаруженные в 2015 г. археологические объекты.

Постоянные волновые процессы в прибрежной зоне и абразионные разрушения береговой линии в значительной степени влияют на сохранность этого памятника археологии, нынешнее его состояние — неудовлетворительное.

По окончании работ все исследованные участки были законсервированы, археологические находки переданы в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

-
1. Вахонеев В. В. Новейшие подводные археологические исследования в Ольвии и Акре // Изучение памятников морской археологии. № 7. СПб., 2013. С. 83-100.
 2. Вахонеев В. В., Соловьев С. Л. Подводные археологические исследования Акры (2011–2012 гг.) // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 171-175
 3. Вахонеев В. В., Соловьев С. Л., Стэнсэл П. Подводные археологические исследования на Акре // Археологічні дослідження в Україні в 2011 р. Київ, 2012. С. 23-24.
 4. Куликов А. В. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. М. –Магнитогорск, 1995. С. 97–107.
 5. Никонов А. А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // Изучение памятников морской археологии. № 3. СПб., 1998. С. 88–92.
 6. Соловьёв С. Л., Вахонеев В. В. Подводные археологические исследования античного города Акра в 2011–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 4. СПб., 2014. С. 367–378.
 7. Solovyev S., Vakhonieiev V. Underwater Archaeological Project at the Ancient City Akra 2011–2012 (Eastern Crimea) // Proceedings of the 17th Symposium on Mediterranean Archaeology (Moscow, 25–27 April). Oxford, 2015. P. 183–196.

The ancient city of Akra is located under the water in East Crimea in Kerch Strait. The earliest remains which were found today is the layers of the IV cent. BC. Several of studied objects dated this time. To the north of the defensive wall in 2016 it has been studied early Hellenistic quarter of residential development. As the walls of buildings are parallel and perpendicular to the track of the defensive wall, the layout and the topography of the city had a pronounced quarterly system development. During of sand deposits clearing in this place was found a gold earring with the end in the form of a lion's head.

Key words: *underwater archaeology; the ancient city of Akra; golden earring*

УДК 902 «652» (47775)

М. Ю. Вахтина

Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН)¹

В статье рассматриваются украшения из женского захоронения знаменитого кургана Карагодеуашх, раскопанного Е. Д. Фелицыным в 1888 г. в Кубанской области. Гробница кургана, содержащая мужское и женское захоронения, датируется 340-315 гг. до н.э. В составе «богатого» и разнообразного инвентаря женского погребения было обнаружено большое количество украшений — золотая пластина от головного убора, золотые серьги, ожерелья, кольца, нашивные бляшки, бусы. Набор украшений из женской гробницы является очень важным для интерпретации комплекса и его датировки. Его изучение позволяет наиболее полно реконструировать особенности погребального обряда и выявить основные культурные связи синдо-меотской аристократии в конце скифской эпохи.

Ключевые слова: курган Карагодеуашх; Боспор; гробница; комплекс; украшения; культурные контакты

Знаменитая гробница в кургане Карагодеуашх близ ст. Крымская, исследованная Е. Д. Фелицыным в 1888 г., относится к замечательным памятникам туземного населения Северного Причерноморья скифской эпохи. В 1894 г. под насыпью кургана находилась каменная гробница, состоящая из трёх погребальных камер, расположенных по линии запад-восток, и галереи [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 7-8]. Комплексы погребений были изданы А. С. Лаппо-Данилевским и В. К. Мальмбергом в 1894 г. на основе отчёта о раскопках Е. Д. Фелицына [НА

ИИМК РАН, ф. 1, д. 16/1886]. До сих пор эта работа является единственным исследованием, в котором подробно рассмотрены конструкция гробницы, погребальный обряд и инвентарь. Гробница кургана содержала захоронения (мужское и женское), принадлежавшие представителям сидо-меотской аристократии. Анализ вещевого комплекса, в том числе, находок античной керамики, позволяет датировать курган временем ок. 340-315 гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 277]; в хронологическом плане он сопоставим с комплексами скифских «царских» гробниц степного Придне-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 15-31-10151а (ц).

провья (Чертомлык, Огуз) и «богатых» захоронений Боспора (Куль-Оба).

В настоящей статье мы кратко рассмотрим набор украшений из женского погребения, обнаруженного в западной камере гробницы. В этом обзоре за пределами нашего внимания останется самая известная вещь, найденная в составе женского захоронения, — треугольная золотая пластина, украшавшая головной убор погребённой. Ритуальный характер сцен, изображенных на пластине, не вызывает сомнения у исследователей. Это замечательное произведение постоянно привлекает внимание специалистов [Манцевич, 1964; Бессонова, 1993, с. 107-111; Савостина 1995; Вахтина, 1999; Шауб, 2007, с. 84-85; 100-101]. Отметим только, что в круге изделий греко-скифской торевтики, в композиции которых присутствуют женские изображения, эта вещь является самой сложной композиционно (и, вероятно, семантически).

Изучение всего набора украшений, найденных в женском погребении, возможно, поможет приблизиться к пониманию семантики изображений на пластине, а также наиболее полно реконструировать сложный погребальный обряд, отражающий религиозные представления элиты туземного общества.

Западная погребальная камера кургана Карагодеуашх содержала захоронение женщины, лежавшей головой на восток. Около её черепа находилась золотая треугольная пластина, золотые серьги, рядом лежали 16 золотых бляшек в виде фигурок птиц и 50 круглых бляшек с горгонеями, принадлежавших, по всей вероятности, к украшениям головного убора или же покрывала [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 8-9]. В области шеи костяка была найдена золотая шейная гривна и бусы с амфоровидными подвесками и украшением посередине. Рядом находились золотая цепочка с львиными головка-

ми на концах и второе ожерелье, более скромного облика. На запястьях погребённой были браслеты, завершающиеся на концах изображениями гиппокампов; на одном из пальцев правой руки был надет перстень с изображением на щитке женщины, играющей на лире. В области костяка были также обнаружены серебряная (сильно пострадавшая от времени) круглая бляшка с женской головой и золотая выпуклая круглая бляшка с изображением розетки. В правой части камеры находились амфора, серебряный и глиняный сосуды (не сохранились), рядом были найдены бусы и стеклянные медальоны-вставки [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 8-9; 154-159]. В состав вещевого комплекса этого захоронения входили также два бронзовых зеркала, из которых сохранилось лишь одно [Билимович, 1976, с. 44, рис. 12, кат. 49; Галанина, Алексеев, 2010, с. 174, рис. 5] и светильник (не сохранился), а также обломки других вещей [Фелицин, 1891, л. 146]. В центральной части камеры были найдены остатки колесницы и кости двух или трёх лошадей с удилами.

В составе женского комплекса Карагодеуашха было обнаружено большое количество греческих изделий, к этим изделиям принадлежит и большинство украшений. В то же время в обряде, костюме и инвентаре погребённой женщины присутствовали выразительные «варварские» элементы. К ним относятся головной убор, к которому принадлежали знаменитая треугольная пластина [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 32-33], золотая шейная гривна. Яркой туземной чертой обряда является помещение в камеру колесницы и лошадей². Кратко рассмотрим наиболее интересные украшения, обнаруженные в составе погребения.

Золотые плоские браслеты с несходящимися концами, украшенными изображениями гиппокампов (рис. 1, 1, 3). Хотя изображения этих фанта-

² Кажется, это — единственный зафиксированный для IV в. до н.э. случай обнаружения погребальной колесницы непосредственно в камере. В скифских курганах повозки с лошадьми находили либо в дромосе, либо в специальной камере [Бессонова, 1982, с. 103-104].

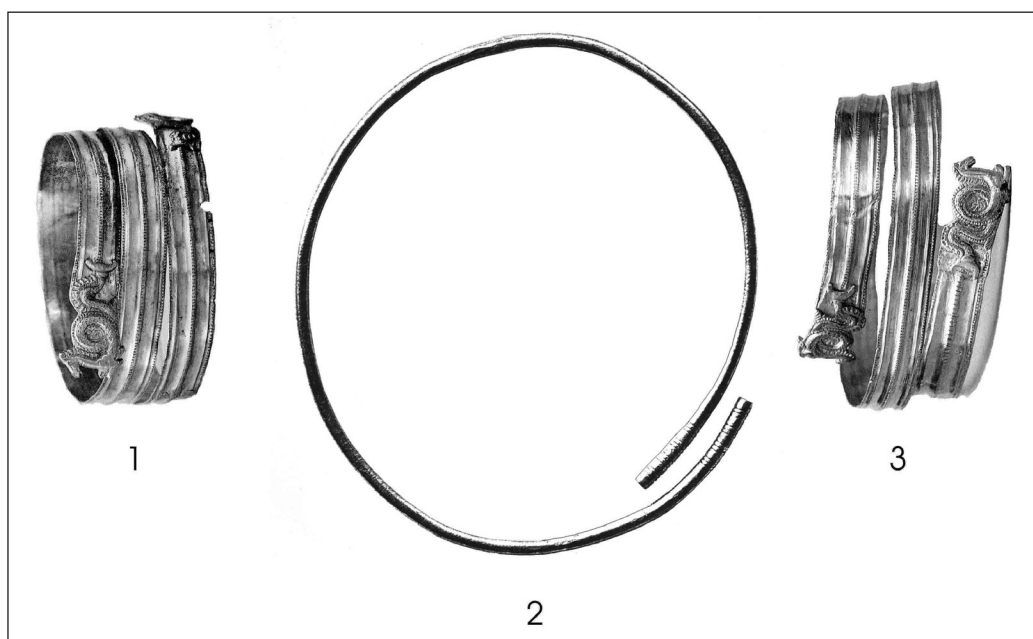

Рис. 1. Золотые украшения из женской гробницы кургана Карагодеуаша (по негативам НА ИИМК РАН О.2427/39; П-35769). 1, 3 — браслеты; 2 — шейная гривна.

стических существ достаточно часто встречаются в греческом искусстве, трудно привести близкие аналогии образам, представленным на браслетах из Карагодеуаша. Наибольшее сходство можно увидеть на изображениях на предметах торевтики из кургана Куль-Оба — выступе ножен меча [Алексеев, 2012, с. 178-179] и нашивных бляшках [Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 207].

Золотая шейная гривна в виде обруча с несомкнутыми концами, украшенными горизонтальными насечками (рис. 1, 2). Согласно классификации В. Г. Петренко, она близка экземплярам, выделенным ею в отдел 4, которые наиболее широко были распространены во второй половине IV в. до н. э. [Петренко, 1978, с. 41-45]. Гривна относится к кругу украшений, характерных для варварского мира и свидетельствует, наряду с другими вещами и элементами обряда, о высоком социальном статусе погребённой женщины.

Два золотых ожерелья. Ожерелье из золотых бусин (овальных, округлых и в виде пальметок) с двумя рядами амфоровидных подвесок и букранием в центральной части (рис. 2, 9) не имеет близких аналогий. Э. Якобсон полагает, что наибольшее сходство с ожерельем из

Карагодеуаша демонстрирует ожерелье из некрополя Тарента, хранящееся в Британском музее [Jacobson, 1995, p. 135]. Р. Хиггинс датировал ожерелье из Тарента 400-350 гг. до н. э. [Higgins, 1971. P. 127. Fig. 28], а Д. Уильямс и Д. Огден — 350-330 гг. до н. э. [1995, с. 189].

Отдаленные аналогии бусинам-пальметкам можно увидеть в декоре ожерелий из некрополя Пантикапея [Калашник, 2014, с. 78] и гробниц III и IV Нимфейского некрополя [Vickers, 1979, pl. XI, a, b]. Орнамент в виде рядов амфоровидных подвесок сближает ожерелье из Карагодеуаша с «роскошными» парадными ожерельями, происходящими из других «царских» захоронений Северного Причерноморья — Куль-Обы [Грач, 1986. С. 168. Рис. 5, 8], Большой Близницы [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986. Pl. 230] и Феодосии [Голстой, Кондаков, 1889. С. 61. Рис. 82]. На всех перечисленных экземплярах подвески прикреплены к другой основе — тесьме, сплетенной из тонких золотых нитей. Ожерелья с амфоровидными подвесками известны и в Греции [Уильямс, Огден, 1995, кат. 22, 64, 68].

В греческом мире встречаются и украшения с подвесками-букраниями [Higgins, 1971. Pl. 26], причем наи-

большую близость с букранием из Карагодеуашха демонстрирует подвеска, изготовленная в Восточной Греции и датированная временем ок. 400 г. до н. э. [Hoffman, Davidson, 1966. P. 237. Fig. 97].

Второе ожерелье, более скромного облика (рис. 2, 7), принадлежит к известному по находкам в Греции типу украшений с подвесками «в виде буквых орешков» [Уильямс, Огден, 1995, кат. 30, 53] или «копьевидными» [Калашник, 2014, с. 116]. В Северном Причерноморье ожерелья этого типа, датирующиеся 330-300 гг. до н. э., были найдены в кургане Большая Близница на Тамани [Уильямс, Огден, с. 191, кат. 123] и Павловском кургане близ Керчи [Калашник, 2014, с. 116]. Ещё одно подобное ожерелье было обнаружено в одной из могил

некрополя Мессембрии, относящейся к концу IV — началу III вв. до н. э. [Kiyashkina et al., 2012, cat. 66].

Золотые серьги из женской гробницы (рис. 2, 6) относятся к типу подвесок, известных по находкам в Греции и Южной Италии [Уильямс, Огден, 1995, кат. 49, 50, 176, 177]. В основе его — дисковидный щиток и прикрепленная к нему перевернутая пирамидка, верхнюю плоскость которой часто украшали дополнительные изображения. На серьгах из Карагодеуашха здесь помещены фигурки птиц. В Северном Причерноморье к этому типу, кроме подвесок из Карагодеуашха, принадлежат серьги из кургана Большая Близница, пирамидки которых украшены фигурками танцующих варваров или амазо-

Рис. 2. Украшения из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по негативам НА ИИМК РАН II-13120; II-35780, II-35781; III-12926/29). 1, 3, 4, 6, 7-9, 12-14 — золото; 11 — серебро; 2, 5, 10, 15 — стеклянная паста.

нок [Власова, 2010, с. 221, рис. 45]. Д. Уильямс и Д. Огден датируют серьги из Большой Близницы 330-300 гг. до н. э. [Уильямс, Огден, 1995, кат. 116], к этому времени, по-видимому, относятся и серьги из Карагодеуашха.

В гробнице также были обнаружены золотые нашивные бляшки, по-видимому, служившие украшениями погребального покрывала.

Круглые бляшки-горгонеионы (рис. 2, 12, 13) принадлежат к типу, достаточно широко распространенному в скифскую эпоху как на территории Приднепровья, так и в Прикубанье. Приведём здесь в качестве аналогии бляшки из кургана Чертомлык [Алексеев, 1986, кат. 20, 22, 22, 25; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 212, 17-20, 26, 34], Куль-Обы [Копейкина, 1986, кат. 12, 13, 14], кургане близ ст. Ивановская [Анфимов, 2011, с. 137]. Эти комплексы относятся к той же хронологической группе, что и курган Карагодеуашх.

Бляшки в виде птиц (рис. 2, 3, 4), напротив, достаточно редки. А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг отмечали, что в погребении были обнаружены бляшки двух типов. Эти изображения очень важны для семантической интерпретации комплекса. Исследователи часто видят в них изображения голубей [см., напр., Шауб, 2007, с. 101]. А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг полагали, что на бляшках могли быть представлены хищные птицы [1894, с. 67], что мы считаем более вероятным. Возможно, стоит в этой связи вспомнить о том, что целый ряд изображений хищных птиц происходит из знаменитых архаических храмов Греции, посвящённых женским божествам [Вахтина, 2000, с. 67]. Начиная с классического времени образ хищной птицы, похоже, полностью исчезает из круга образов, связанных с женскими божествами Эллады.

Золотой перстень. На его щитке выгравировано изображение сидящей женщины, играющей на арфе (рис. 2, 1). По сюжету и стилю оно близко изображениям на античных геммах класси-

ческого и эллинистического времени, представляющих мужские и женские персонажи, играющие на щипковых струнных инструментах (см., напр. Boardman, 1970, cat. 472, 517, 600, 964). Этот сюжет можно встретить на резных камнях, изготовленных знаменитым Дексаменом Хиосским [Неверов, 1973, с. 56]. Полагают, что из его мастерской вышел стеклянный скарабеоид с изображением сидящего юноши, играющего на тригоне, найденный в погребении «богатой скифянки» в кургане Темир-Гора близ Керчи [Неверов, 1976, с. 57, рис. 4; Яковенко, с. 143, рис. 3]. Изображение на золотом перстне из Карагодеуашха, отличающееся высокими художественными достоинствами, изысканной передачей деталей, несомненно, также является произведением талантливого мастера.

В погребении были обнаружены **четыре стеклянных скарабеоида** [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 158-159], служившие вставками для перстней. На одном из них изображена женщина в шлеме, со щитом и копьем (рис. 2, 10). Вероятно, как полагали А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг, здесь представлена Афина. Аналогии изображению можно найти в круге античных гемм [Boardman, 1970, cat. 486, 599], сходство с богиней на скарабеоиде из Карагодеуашха демонстрирует и изображение на щитке золотого перстня италийского производства [Ibid., cat. 765].

На втором скарабеоиде представлен воин в боевом облачении, в шлеме и со щитом в правой руке (рис. 2, 2). Поза его не совсем обычна — возможно, воин исполняет боевой танец. На другой вставке изображена голова воина в шлеме, обращенная вправо (рис. 2, 15).

Четвёртый из найденных скарабеоидов украшен изображением льва, стоящего на задних лапах (рис. 2, 5). Характер изображения позволяет отнести эту вещь к группе гемм так называемого греко-персидского стиля, для которой характерно художественное влияние восточного (прежде всего, персидско-

го и ассирийского) искусства. Манера передачи фигуры животного сходна с изображениями в «классическом дворцовом стиле»; находки перстней, украшенных в этом стиле, происходят, в основном, из Малой Азии, хотя известны они и в Греции [Boardman, 1970, p. 305-307]. Ряд экземпляров был найден в Северном Причерноморье. Изображения львов, сходные с изображением этого животного на стеклянной вставке из Карагодеуашха, можно видеть на перстне-печати из халцедона, обнаруженном в склепе III кургана Большая Близница на Тамани [Неверов, 2010, с. 270, рис. 12], вставке перстня из гробницы 4 некрополя Нимфея [Boardman, cat. 838], и на печати, происходящей из северопричерноморского региона [Ibid., cat. 823].

Женскую головку, представленную на **серебряной круглой бляшке** (рис. 2, 11), А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг считали изображением Афродиты [1894, с. 157]. Однако, гирлянда из листьев (виноградная лоза?), украшающая её волосы, по-видимому, позволяет отнести этот образ к персонажам дионисийского круга. Скорее всего, это изображение менады. Возможно, эта вещь не относится к украшениям, а представляет собой бляшку-омфалос, помещённую на внутренней поверхности дна серебряного сосуда. В описании находок из женской гробницы упоминается такой сосуд — его остатки были обнаружены в «правой половине камеры» рядом с амфорой [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 8]. Скорее, всего, это была чаша, так как рядом с амфорами в курганах туземной аристократии часто помещали сосуды для питья. Возможно, бляшка служила декором сосуда. Изображения сатиров в венках известны на серебряных сосудах из Македонии, одно из них представлено на килике последней четверти IV в. до н. э. из гробницы в Вергине [Zimi, 2011, cat. 70].

Назначение **полусферической бляхи** (рис. 2, 14) с растительным орнаментом [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 161] остается неясным.

Шею погребённой женщины украшали низки из сердоликовых, гешировых, стеклянных и костяных **бусин**, 150 экз. которые были обнаружены во время раскопок [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 8], сохранилась лишь небольшая их часть [Галанина, Алексеев, 2010, с. 171-172, рис. 3].

Погребальный инвентарь женского захоронения, «богатый» и разнообразный, отражает основные векторы связей синдо-меотской аристократии на протяжении финального этапа скифской эпохи в степях Северного Причерноморья, прежде всего, связи с элитой Боспорского государства. По его материалам можно судить и о культурных контактах, характерных для Боспора этого времени, например, о восприятии «западных», македонских традиций, и влиянии искусства Ахеменидского Ирана.

В целом, материалы из женского погребения Карагодеуашха представляются крайне интересными при рассмотрении всего круга сложных вопросов, связанных с пониманием роли женщины в религиозно-мистических представлениях варварского общества. Соотнесение обряда и инвентаря женского погребения с комплексом мужского захоронения кургана даёт дополнительные возможности для датировки и интерпретации гробницы [Виноградов, 1993].

Комплексы погребений Карагодеуашха ещё не до конца оценены исследователями и, как и многие памятники из раскопок Императорской археологической комиссии, ждут полной и полноценной публикации.

1. Алексеев А. Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыцкого кургана // *Античная торевтика*. Л., 1986. С. 64-74.
2. Алексеев А. Ю. *Хронография Европейской Скифии*. СПб., 2003. 416 с.
3. Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012. 271 с.
4. Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991. 410 с.
5. Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 2011. 263 с.
6. Бессонова С. С. О скифских повозках // *Древности степной Скифии*. Киев, 1982. С. 102-117.
7. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1993. 137 с.
8. Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // *ТГЭ*, 1976, т. XVII. С. 32-66.
9. Вахтина М. Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. СПб, 1999. С. 204-208.
10. Вахтина М. Ю. Келермесское зеркало, сектор б: лиса, медведь и птица // *Stratum plus*, 2000, п. 3. С. 52-71.
11. Вахтина М. Ю. О композиции на золотой треугольной пластине из женского погребения кургана Карагодеуашх // *Материалы V Кубанской археологической конференции*. Краснодар, 2009. С. 39-43.
12. Виноградов Ю. А. О ритонах кургана Карагодеуашх // *ПАВ*. 1993. Вып. 6. С. 66-71.
13. Власова Е. В. Древности эллинические и местные // *Античное наследие Кубани*. М., 2010. Т. III. С. 198-263.
14. Грач Н. Л. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба (две реконструкции). *Античная торевтика*. Л., 1986. С. 75-90.
15. Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Древности скифской эпохи Прикубанья // *Античное наследие Кубани*. М., 2010. Т. III. С. 170-196.
16. Калашник Ю. П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб., 2014. 279 с.
17. Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // *Античная торевтика*. Л., 1986. С. 28-63.
18. Лаппо-Данилевским А. С., Мальмберг В. К. Древности Южной России. Курганы Карагодеуашх // *МАР № 13*, СПб., 1894. 192 с.
19. Манцевич А. П. О пластине из кургана Карагодеуашх // *АСГЭ*. 1964. № 6. С. 128-138.
20. Неверов О. Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // *Памятники античного прикладного искусства*. Л., 1973. С. 51-61.
21. Неверов О. Я. Глиптика // *Античное наследие Кубани*. М., 2010. Т. III. С. 265-2274.
22. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. // *САИ*, М., 1978, вып. Д4-5. 145 с.
23. Савостина Е. А. Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // *Историко-археологический альманах*. Армавир-Москва. 1995. Вып. 1. С. 110-119.
24. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб, 1889. Вып. 1. 117 с.
25. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н. э. СПб., 1995. 272 с.
26. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII — IV вв. до н. э.). СПб. 2007. 484 с.
27. Яковенко Э. В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // *Скифы и сарматы*. Киев, 1977. С. 140-145.
28. Boardman J. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London, 1970. 458 p.
29. Higgins R. A. *Greek and Roman Jewellery*. London, 1971. 243 p.
30. Hoffmann H., Davidson P. E. *Greek Gold. Jewellery from the Age of Alexander*. Boston, 1966. 315 p.
31. Kiyashkina P., Bozkova A., Marvakov T., Ushev D., Delev P. *A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar*. Nessebar, 2012. 192 p.
32. Jacobson E. *The Art of the Scythians*. Leiden-New-York-Koln. 1995. 215 p.
33. Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. *Scythian Art*. Leningrad, 1986. 183 p.
34. Vickers M. *Scythian Treasures in Oxford*. Oxford, 1979. 56 p.
35. Zimi E. *Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia*. Oxford, 2011. 308 p.

Архивные материалы

Фелицын Е. Д. Отчёт о раскопках в Кубанской области // Об археологических раскопках Е.Д.Фелицына в Кубанской области. НА ИИМК РАН, ф. 1, д. 16/1886.

Список сокращений

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

МАР — Материалы по археологии России.

ИАК — Известия Императорской археологической комиссии.

ПАВ — Петербургский археологический вестник.

НА ИИМК РАН — Научный архив ИИМК РАН

САИ — Свод археологических источников.

ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.

The article deals with the complex of the ornaments from the woman's grave of the Karagodeuashkh barrow, excavated in 1888 by E. Felitzin in Kuban area. The barrow contained man's and woman's burials, can be dated to ca. 340-315 BC. In the woman's grave "rich" and various inventory has been discovered. Among the burial goods were the triangle plate belonged to the head-dress, golden ear-rings, necklaces, plaques, beads. The set of the adornments from the female vault is very important for the interpretation of the complex in whole and for its dating. The study of the ornaments allows to reconstruct in full measure the peculiarities of the burial ritual and to reveal the main cultural contacts of the Syndo-Maeotian aristocracy during the final stage of Scythian epoch.

Keywords: Karagodeuashkh barrow; Bosporos; vault; complex; adornments; cultural contacts

УДК 902, 904

Ю. А. Виноградов

Изучение молотильного тока на поселении Артющенко-1 в 2015 г.

*В 2015 г. было продолжено изучение молотильного тока на античном поселении Артющенко-1 на Таманском полуострове. Он представлял собой площадку, покрытую слоем глины толщиной 5 см, которая датируется II–III вв. н.э. Исследованная площадь составляет около 80 кв. м. Во время изучения этой площадки было обнаружено большое количество обгоревших зёрен злаковых. Весьма необычно, что здесь доминируют зёрна плёчатой пшеницы (*Triticum monocossum*). Этот сорт пшеницы на Боспоре никогда специально не культивировался.*

Ключевые слова: Боспор Киммерийский; Таманский полуостров; сельские поселения; зёрна злаковых

Античное поселение Артющенко-1 является одним из важных объектов изучения Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН [см.: Виноградов, 2013; Vinogradov, Lebedeva, 2005; Vinogradov, 2015]. В 2012 г. здесь были открыты остатки необычной конструкции, интерпретированной как молотильный ток [Виноградов, 2015; Vinogradov, 2015, р. 159]. Эта конструкция, относящаяся к II–III вв. н. э., представляет собой глинобитную площадку толщиной 5 см, на которой было обнаружено большое количество обгоревших зёрен злаковых растений, 97% которых, по определению

Г. А. Пашкевич, приходится на пшеницу-однозернянку (*Triticum monocossum*) [см.: Виноградов, 2016].

Молотильный ток стал главным объектом изучения во время археологических работ на поселении в 2015 г. Глинобитную площадку в этом сезоне удалось выявить на площади 42 кв. м, а её общая исследованная площадь составляет почти 80 кв. м. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что размеры этой конструкции до сих пор остаются не известными. Площадка «уходит», в северный и западный борта раскопа. По существу, в результате двухлетних исследований удалось выявить лишь её юго-восточный угол.

В 2015 г. в северо-западной части раскопа было установлено, что под верхней глинобитной площадкой залегает ещё одна (более ранняя) площадка (толщина — до 8 см), отделённая от верхней сероватым культурным слоем толщиной 10-11 см. Эта площадка изучена на площади всего лишь 2.50 × 1.60 м, но она тоже «уходит» в северный и западный борта раскопа. Под ней (непосредственно над материком) залегает сероватый культурный слой толщиной около 10 см.

Сразу следует обратить внимание, что обгоревшие зерновки злаковых растений были обнаружены на обеих площадках, а также в прослойке, разделяющей их, и, наконец, в слое, подстилающем раннюю площадку. Определение этих находок было произведено И. Г. Чухиной — старшим научным сотрудником Отдела агроботаники и сохранения *in situ* генетических ресурсов растений Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный исследовательский центр Всероссийский институт генетики ресурсов растений имени Н. И. Вавилова (ВИР)»¹.

Для изучения было взято 13 проб, 5 из которых — скопления зерновок и 8 — образцы грунта. Отбор карпоботанического материала из образцов грунта проводили ручной сортировкой с использованием набора сит с различным диаметром ячеек (0,2 — 0,5 — 1 — 2 — 3 — 5 мм). В результате по каждому из образцов получены следующие результаты:

1. Квадрат XVII, повехность тока

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 17

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 2

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 110

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 2

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 9905

Vicia sativa — Вика посевная — 1

2. Квадрат XVII, образец грунта 1

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 1

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 18

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 2

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка (зерновки) — 88

3. Квадрат XVII, образец грунта 2

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка (зерновки) — 23

4. Квадрат XVII, образец грунта 3

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 1

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 2

5. Квадрат XVII, образец грунта 4

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 1

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 2

Apiaceae — Зонтичные (вид не определён) — 1

6. Полуземлянка XVIII, юго-восточный угол

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 7

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 1

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 137

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 2

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 7049

Apiaceae — Зонтичные (вид не определён) — 3

7. Полуземлянка XVIII, образец грунта 1

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 124

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 185

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 607

¹ Выражаю И. Г. Чухиной сердечную благодарность за проделанную ею работу.

8. Полуземлянка XVIII, юго-восточный угол. Образец грунта 2

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 56

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 71

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 1684

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 9

9. Квадрат XIX, верхняя площадка тока

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 17

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 7

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 101

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 1095

Triticum durum — Пшеница твёрдая (?) — 4

Onopodium acanthium — Татарник — 2

10. Квадрат XIX, культурный слой под верхней площадкой.

Образец грунта

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 1

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 7

11. Квадрат XIX, нижняя площадка тока

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 448

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 9

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 17

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 11

Triticum durum — Пшеница твёрдая (?) — 2

Onopodium acanthium — Татарник — 1

12. Квадрат XIX, культурный слой под нижней площадкой тока

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 14

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 6

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба (зерновки) — 14

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 185

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 40

Triticum durum — Пшеница твёрдая (?) — 2

Onopodium acanthium — Татарник — 1

13. Квадрат XIX, культурный слой под нижней площадкой тока. Образец грунта

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 3

ИТОГО:

Hordeum vulgare — Ячмень обыкновенный (плёнчатый) — 506

Triticum aestivum/compactum — Пшеница мягкая/карликовая — 26

Triticum dicoccum — Пшеница двухзернянка, полба (зерновки) — 577

Triticum dicoccum — Пшеница-двухзернянка, полба («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 262

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка, (зерновки) — 20516

Triticum monococcum — Пшеница-однозернянка («вилочки» — остатки колосковых чешуй) — 9

Triticum durum — Пшеница твёрдая (?) — 8

Соотношение зерновок/«вилочек» — 21633/271

Apiaceae — Зонтичные (вид не определён) — 4

Onopodium acanthium — Татарник — 4

Vicia sativa — Вика посевная — 1

Все дикие виды — 9

По существу, во всех образцах было выявлено преобладание плёнчатой пшеницы-однозернянки (*Triticum monococcum*). Лишь на ранней площадке (образец № 11) доминирует плёнчатый ячмень (*Hordeum vulgare*). Однако в общем массиве зерновок злаковых, даже с учётом образца № 11, на долю пшеницы-однозернянки (*Triticum monococcum*) приходится 95 %, что вполне соответствует результатам, полученным Г. А. Пашкевич в 2012 г. Столь высокая цифра находок зерновок этой культуры представляется в высшей степени необычной. Дело в том, что в греческих

колониях Северного Причерноморья, в том числе и на Боспоре Киммерийском, очень рано сложился набор злаковых, в котором доминировали две культуры: голозёрная пшеница (*Triticum aestivum* L.) и плёнчатый ячмень (*Hordeum vulgare*), что подтверждается большим количеством анализов, проведённых на материалах различных археологических памятников [см.: Янушевич, 1986, с. 46; Пашкевич, 1990, с. 116; 1995, с. 98; 2004, с. 136; 2016, с. 288; Крыжицкий, Щеглов, 1991, с. 51; Виноградов, 2005]. Этот набор выявлен и на поселении Артющенко–1, при этом как в комплексах времени архаики, так и первых веков н. э. [Пашкевич, 2016, с. 221-223]. Пшеница-однозернянка никогда на Боспоре специально не культивировалась.

И. Г. Чухина, комментируя результаты своих определений, сделала следующее заключение:

«В результате разборки всех образцов было выделено 21633 зерновки (обломки зерновок не подсчитывались) и 271 «вилочка» (остатки колосковых чешуй) культурных злаков, а также 9 семян и плодов диких видов (сорняков).

Почти во всех пробах преобладают зерновки пшеницы-однозернянки (*Triticum monocossum*). В древности ареал возделывания однозернянки охватывал Переднюю Азию, Закавказье, Средиземноморье (северное побережье),

Северное Причерноморье, Балканский п-ов, п-ов Крым. *Triticum monocossum* отличается большой выносливостью, засухоустойчивостью, даёт хорошее по качеству зерно, но характеризуется низкими урожаями. Она может возделываться на самых бедных почвах. Из-за низкой продуктивности однозернянка повсеместно вытеснялась более урожайной мягкой пшеницей и продолжала существовать только в качестве примеси к мягкой пшенице и полбе. Чистые посеы односемянки в первой половине 20 века ещё сохранялись в Крыму, Закавказье и некоторых средиземноморских странах. ... Отдельные зерновки однозернянки, отобранные из проб, очень напоминают зерновки ряда разновидностей *Triticum monocossum*, имеющих крымское происхождение. Но для подтверждения этого предположения необходимы дополнительные сравнительные морфологические исследования».

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что доминирование зерновок пшеницы-однозернянки практически во всех пробах представляется в высшей степени любопытным, но, в то же время, и загадочным. Ясно одно — изучение молотильного тока поселения Артющенко–1 необходимо продолжить при малейшей возможности.

1. Виноградов Ю. А. К изучению зёрен культурных растений, найденных в Мирмекии // ХС. Вып. XIV. 2005. С. 94-98.

2. Виноградов Ю. А. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // ПИФК. 2013. № 2. С. 233-241.

3. Виноградов Ю. А. Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко–1 (Таманский полуостров) // Таврические студии. № 7. 2015. С. 43-45.

4. Крыжицкий С. Д., Щеглов О. Н. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 46-65.

5. Пашкевич Г. А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений ольвийской сельской округи // Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990. С. 114-119.

6. Пашкевич Г. О. Палеоботаничні матеріали з розкопок Ольвії // Археологія. 1995. № 3. С. 97-108.

7. Пашкевич Г. О. Про склад рослин, вирощувааних на початку грецької колонізації Північного Причорномор'я // Вогнищеніка. Николаев, 2004. С. 131-138.

8. Пашкевич Г. А. Археоботанические исследования Боспора // БИ. Вып. 32. 2016. С. 205-299.

9. Янушевич Э. В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинёв, 1986. 92 с.

10. Vinogradov Yu. A. Excavations at the settlement of Artyushchenko I (Bugazskoe) on the Taman peninsula // *Hyperboreus. Studia classica*. Vol. 21. Fasc. 1. 2015. P. 157-160.

11. Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // *Hyperboreus*. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316-319.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования. Керчь

ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск

ХС — Херсонесский сборник. Севастополь

*Investigations of the threshing-floor were continued at the classical-time agricultural settlement Artyushchenko-1 on Taman peninsula in 2015. It was an area covered with the layer of clay (5cm thick). This threshing-floor belongs to the 2nd — 3rd centuries AD. The square of investigated is about 80 m². A lot of charred grains of cereals were found during investigation of the area, but it's very unordinary that grains of bearded wheat (**Triticum monococcum**) were the most numerous here. This kind of wheat was never cultivated in Cimmerian Bosphorus.*

Key words: Cimmerian Bosphorus; Taman Peninsula; agricultural settlements; grains of cereals

УДК 902.26, 528.2/.5

Н. И. Винокуров, А. П. Пугин

Топографические работы 2015 г. на археологическом памятнике Багерово-Северное

В статье на примере работ на античном памятнике Багерово-Северное описываются методика и технология топографо-геодезических работ, обеспечивающие возможности объединения в единой координатной среде разнородных и разновременных картографических материалов, планов и схем. Результат работ представляется в виде цифровой топографической модели археологического памятника, которая позволяет формировать и выпускать планы разного назначения, содержания и масштаба, продолжать наполнение ЦММ результатами последующих археологических исследований.

Ключевые слова: Багерово-Северное; Тарона; городище; некрополь; топографический план; системы координат; трансформирование растра; цифровая модель местности; Боспор; ГИС-технологии

Многослойное античное городище «Багерово-Северное» находится в двух километрах к северу от окраины пгт. Багерово, на господствующем над местностью древнем береговом клифе (рис. 1). С севера, востока и юга склоны клифа довольно резко опускаются в обширную долину Карамского (Бабчикского) урочища, с понижением в северо-восточном направлении, к Чокракскому озеру. С южной стороны примыкает относительно пологая равнина, отделенная от клифа заплывшим древним рвом, сильно поврежденным позднейшими перекопами, свалкой и современной дорогой.

Городище имеет площадь не менее 7–10 га. Его поверхность террасирова-

на. «Верхний город» занимает фактически три центральных всхолмления, с крутизной склонов до 45°, и имеет небольшую площадь около 0,6–1,1 га. Здесь размещалась, по всей видимости, наиболее важная часть поселения, хорошо защищенная природой и человеком. Ниже, на 10–30 м., расположен «средний город», площадью не менее 3–5 га. Он также защищен резким перепадом берегового уступа и сооруженной по его краю крепостной стеной с квадратными в плане башнями, камни которых в ряде мест выступают на поверхность. Толщина основания некоторых из них достигала двух и более метров. Здесь находятся, по крайней мере, три золь-

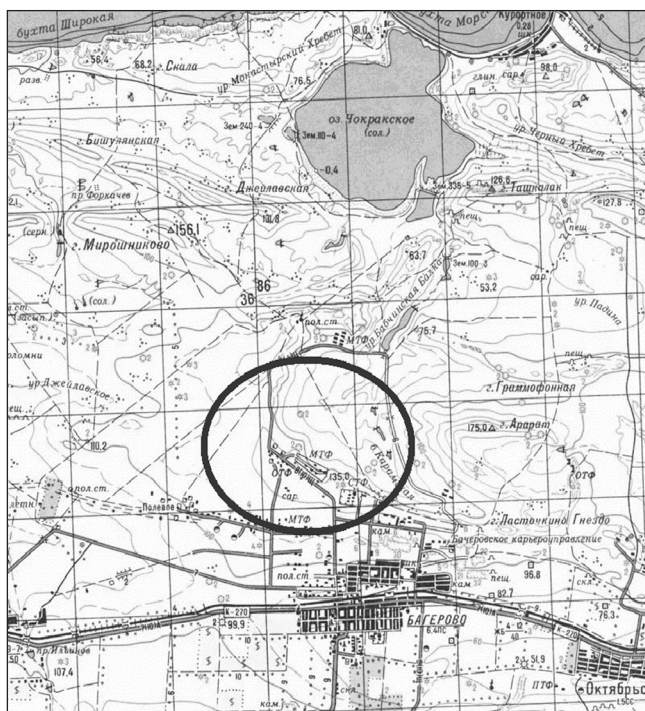

Рис. 1. Местоположение памятника Багерovo-Северное

ника, представляющие собой типичные для городищ первых веков нашей эры большие конусовидные насыпи. На территории среднего города прослежены многочисленные остатки выступающих на поверхность каменных стен различных построек и выявлены по глубоким провалам несколько ям и водосборных цистерн с оштукатуренными бортами. На третьей террасе расположен «нижний город», поверхность которого также террасирована. По всей видимости, он был укреплен [Масленников, 1998, с. 116–118, Винокуров, 1998, с. 25–27].

Городище найдено д. и н. А. А. Масленниковым в 1986 г. во время разведки ВКАЭ ИА АН СССР. Тогда же был снят первый примерный топографический план объекта, собран подъемный материал первых веков н. э. Небольшие раскопки велись в 1988 и 1991 гг. Артезианским отрядом ВКАЭ, под руководством Н. И. Винокурова. Работы продолжились российско-крымской Артезианской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ и МПГУ в 1997–1999 гг., 2002–2003 гг. под руководством д. и н. Н. И. Винокурова. [Винокуров, 1998, с. 25–27; 2012, с. 64–78].

Крепость «Багерovo-Северное», возможно, древняя Тарона [Зубарев, с. 272], упомянутая у древнего географа Клавдия Птолемея, контролировала несколько важнейших экономических долин Босфора, тяготеющих к обширной Карамской балке. Городище замыкало выход из урочища Артезиан на востоке и защищало проход из него в центральные, богатые и хорошо населенные, зоны Босфора, выходящие к городу Зенонову Херсонесу, расположенному на Азовском побережье, и столице Боспора — Пантикапею. Первостепенное стратегическое значение городища Багерovo-Северное очевидно. В ходе его раскопок были получены важные результаты,

включая самый ранний (для изучаемого района) материал античного времени, который датируется VI–V вв. до н. э., частично открыты: форт, мощные крепостные стены, святилище, несколько хозяйственно-жилых помещений. Площадь раскопок здесь сравнительно невелика, выявленные объекты не доследованы, но находки довольно представительны, особенно это касается керамических материалов первых веков нашей эры. Некрополь поселения, очень сильно разрушенный современными грабителями, детально не исследовался [Винокуров, 2012, с. 64–78].

Багерovo-Северное в период правления царей Асандра и Аспурга было включено в систему оборонительных коммуникаций Европейского Боспора и входило в одну из линий боспорского «лимеса», которая связывала в один укрепленный район пространства от мыса Зюк (Зенонова Херсонеса) к Тобечикскому озеру и далее: до городища Кыз-Аул на Черном море вместе с другими крепостями-городищами (Маяк (Либхнехтовка), Тасуново, Михайловка, Чурубашский маяк, Огоньки 1 и др.)¹. В непосредственной близости от горо-

дищ проходил, как показали разведки и раскопки А. Л. Ермолина [2010, с. 130 и сл.], довольно внушительный ров (иногда со стенами) и вал. Проезды и доминирующие высоты в этой линии фиксировались каменными башнями. Одна из них располагалась в непосредственной близости от городища Багерово-Северное северо-восточнее и позволяла визуально контролировать важные в стратегическом смысле высоты и подступы к Чокракскому озеру и Зенонову Херсонесу [Ермолин, 2010, с. 130 и сл.].

Исследованный культурный слой городища Багерово-Северное, мощностью от 0,65 до 1,20–1,70 м, разделяется на два горизонта: античный первой половины IV в. до н. э. — IV в. н. э. и салтовский VIII–IX вв. Культурный слой городища поврежден котлованами домов, блиндажами, траншеями, ячейками под зенитные орудия, воронками. Правильность чередования его напластований значительно нарушена. Его мощность в бортах перекопов различна — от 0,70 до 2,10 м. Уцелевшие строительные остатки фрагментарны и маловыразительны.

Севернее и западнее городища, в древнем береговом уступе, выходит водоносный горизонт. Отсюда следовали в сторону центральной части городища несколько линий подземных водоводов монументальной конструкции. Они напоминали по устройству подземный акведук, открытый в 2000 г. во время разведок ААЭ около городища Тасуново. Акведук перекрывали античные ямы, античный и раннесредневековый некрополь с грунтовыми могилами и каменными склепами², активно разграбляемый в последние годы мародерами. На северной окраине городища сохранился античный колодец глубиной около 5 м, пригодный для использования. У подножья клифа, за западной окраи-

ной городища, расположены развалины татарского поселения XVIII — середины XX в., к которому подступает современная пашня. Здесь были найдены пятна культурного слоя с керамическим материалом V–IV вв. до н. э. и первых веков н. э.

Багерово-Северное представляет собой очень интересный и необычный памятник, который нужно и должно исследовать широкими площадями, проводить необходимые реставрационные работы, музеефицировать в рамках Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника и охранять. Особенно перспективным представляется изучение фортификации, некрополя, центральной части и зольников городища. Этого требуют и планируемые строительные работы в районе бывшего военного аэродрома, в том числе связанные с развитием инфраструктуры транспортного перехода через Керченский пролив, необходимость защиты от постоянно ведущихся грабительских раскопок и хищнических перекопов. В связи с этим, принято решение создать цифровую модель памятника, подготовить комплект документов, объединяющих в единой координатной среде ранее произведенные результаты топографо-геодезических работ и обеспечивающих предстоящие археологические исследования.

Эти работы выполнены авторами в декабре 2015 г. в рамках проекта Экспедиции CREDO.

Топографо-геодезическая изученность объекта

1. На объекте в 2001 г. выполнена тахеометрическая съемка в М 1:500, с высотой сечения рельефа 0,5 м. Результаты представлены в виде растровых файлов в границах шести стандартных планшетов (250x250 м). Система координат условная, система высот условная. В этих же материалах приводятся

¹ Не исключено, что прообразы этих линий обороны возникли уже при Митридате Евпаторе Дионисе (см. подробнее: Ермолин, 2010, с. 130 и сл.).

² Следует отметить, что в выбросе из одного разграбленного каменного склепа, аналогичного по конструкции склепам некрополя городища Артезиан, найдены стенки красноглиняных кувшинов или амфор и краснолаковых мисок, железные гвозди от гроба, обломки рукояти и изогнутого лезвия массивного одностороннего меча (к.о. 69/2002) с отпечатками дерева от ножен.

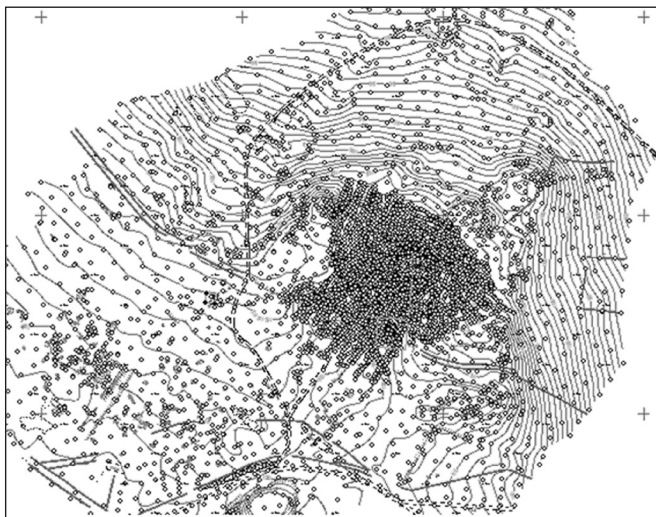

Рис. 2. Иллюстрация плотности пикетов при съемке 2008 г.

сведения о точках долговременного закрепления. Качество съемки, за исключением выявленных локальных погрешностей, высокое³.

2. В 2007 г. силами волонтеров компании Навгеоком (г. Москва)⁴ выполнена съемка строительных остатков раскопов 1 и 2, а также части склепа некрополя. Определены координаты и высоты сохранившихся реперов, заложенных при съемке 2001 г., определен ряд дополнительных реперов, закрепленных деревянными кольями. Метод съемки — спутниковая, в режиме RTK. Базовый пункт располагался в районе лагеря Артезианской АЭ на пункте Табір (Лагерь). Система координат — СК63, система высот — Балтийская (БСВ77). Результаты представлены в виде проектов программного продукта Trimble Geomatic Office, из которых можно получить наборы точек вида Pn, X, Y, Z и линии связи закоординированных точек в формате DXF. Кодирование снимаемых объектов не производилось, абрисы не создавались, информация о точках съемки включена в имена точек.

3. В 2008 году силами волонтеров компании Навгеоком (г. Москва) выполнена детальная съемка рельефа в

центральной части объекта — на городище. Метод съемки — спутниковая, в режиме RTK. База располагалась на rp21, координаты которого определены в работе 2007 г. Система координат — СК63, система высот — Балтийская (БСВ77). Результаты представлены в виде проекта программного продукта Trimble Business Center, из которого можно получить наборы точек вида Pn, X, Y, Z. Кодирование снимаемых объектов не производилось, абрисы

не использовались. Высокая плотность пикетов (см. рис. 2, расстояние между пикетами — 1,5–5 м) позволяет создать подробную цифровую модель рельефа. Следует иметь в виду, что на выпущенных в настоящей работе чертежах для зрительного восприятия отключено до 90% отображение отметок пикетов.

4. На участок местности получен спутниковый снимок высокого разрешения. Съемка от 10 ноября 2013 г., без снежного и растительного покрова, с весьма удачным освещением, позволяющим выявлять мелкие детали рельефа. Система координат — WGS84.

5. Для контроля изменений ситуации на 2015 г., фиксации дорожной сети и нетвердых контуров с помощью ПП SAS-Планета получены современные спутниковые снимки картографических серверов YANDEX и GOOGLE в СК WGS84[SASGIS].

6. Планы строительных остатков памятника, составленные на основе отчетных материалов ААЭ, также включены в работу.

Порядок работы

С использованием программы ТРАНСКОР [ТРАНСКОР] определены параметры связи координат и высот ус-

³ Топографические работы выполнил геодезист КФ ИА НАН Украины В. В. Семёнов.

⁴ См. подробнее: Винокуров Н. И., Мызин Д. А., Пархалин И. Н., 2008. Опыт использования профессиональной GPS-аппаратуры для дистанционного исследования антропогенных структур в Крымском Приазовье: http://www.navgeocom.ru/projects/crimean_priazovie/index.htm.; http://www.geoprofi.ru/technology/Article_4269_10.aspx/.

ловной СК съёмки 2001 года и СК63. Для этого использовались координаты и высоты пунктов из материалов съёмки 2001 г. и их определения в СК63 из материалов работы 2007 г.

С использованием программы ТРАНСФОРМ [ТРАНСФОРМ] растровые файлы планшетов съёмки 2001 г. трансформированы в общий растровый файл в СК63, используемый затем в качестве подложки.

В программе ТОПОПЛАН [ТОПОПЛАН] проведена векторизация съёмки 2001 г. В эти же слои подгружены текстовые файлы координат и высот точек съёмки 2007-2008 гг. На этих данных в ТОПОПЛАНе создана цифровая модель рельефа объекта.

С помощью программы ТРАНСКОР опорные точки на спутниковых снимках в СК WGS84 пересчитаны в СК63 и программой ТРАНСФОРМ растры снимков предварительно трансформированы в СК63. Дополнительные сдвиги, вызванные погрешностями привязки снимков в WGS84 и неточностью гостовских параметров связи WGS84 и СК42 [ГОСТ 32453-2013], устранены по имеющимся на съёмке твердым контурам. По этим материалам уточнена цифровая модель ситуации.

Для использования в последующих археологических исследованиях, по материалам съёмок 2001, 2007, 2008 гг., создан сводный каталог пунктов опорной сети с приведением сведений в условной СК и СК63, оценкой вероятности сохранности пунктов.

На рис. 3 приведён фрагмент центральной части памятника с нанесением пунктов опорной сети.

Представленные результаты

Результаты настоящей работы представлены в виде набора проектов цифровой модели местности (ЦММ) в формате CREDO. Такое представление весьма эффективно, так как позволяет по необходимости любые фрагменты ЦММ можно выпустить на чертёж в любом (растровом, векторном) формате, в нужном (в данном случае от 1:50 до 1:10000) масштабе, с любым, выбираемым из слоев и проектов, содержанием — составом данных, любой высотой сечения рельефа. Использование вьювера CREDO позволяет проводить необходимый исследователю анализ, совмещая и накладывая доступные картографические материалы. Кроме того, ЦММ служит точной пространственной основой для компьютерной реконструкции памятника. Соответственно,

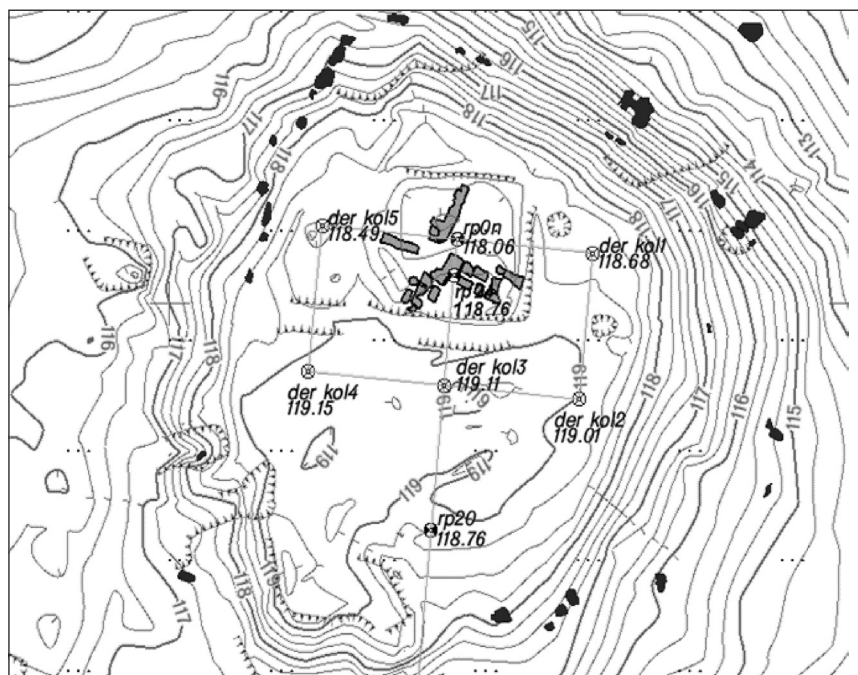

Рис. 3. Фрагмент плана памятника (Цитадель) с нанесением пунктов опоры

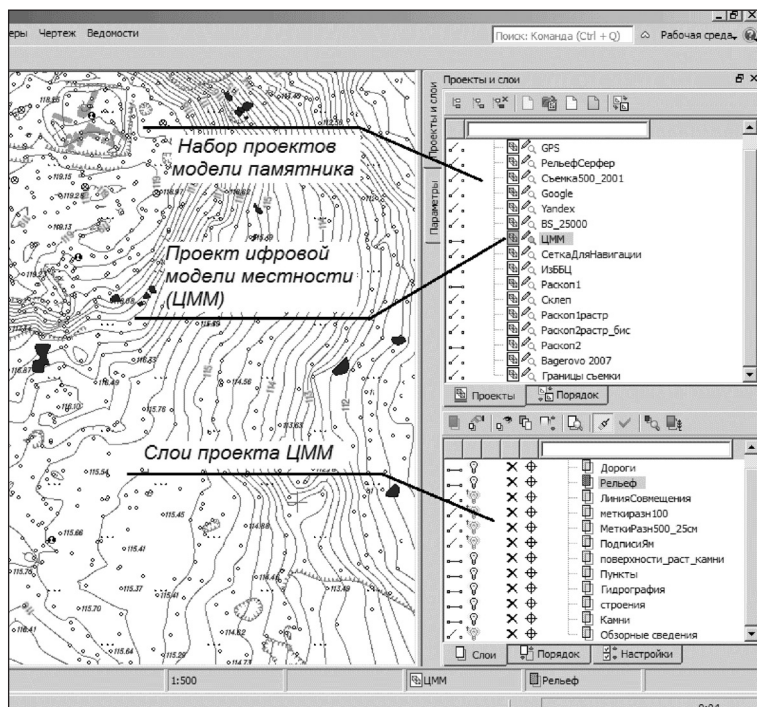

Рис.4. Структура данных (проектов и слоев) ЦММ памятника Багерово-Северное

в представляемой работе в растровом виде созданы подготовленные к печати растры чертежей:

1. Топографический план М 1:500 с высотой сечения рельефа 0,5 м на 2-х совмещаемых листах формата А1.
2. Топографический план центральной части памятника с детальным отображением рельефа М 1:500, высота сечения рельефа 0,25 м, формат чертежа А2.
3. Планы раскопов с включением планов строительных остатков в М 1:100, форматы чертежей А2.
4. Обзорный план объекта в М 1:2000, формат чертежа А3.

Таким образом, полученные материалы могут:

- Служить топографической основой документов установления границ ОКН, земельных определений и отчуждений, проектирования музеефикации памятника.
- Использоваться для ведения текущих планов раскопов, создания архитектурных планов и отчетных

археологических материалов,

- Служить топологической основой интерпретации археологических исследований, компьютерной реконструкции памятника.

Значение проведенной работы сейчас резко возросло, так как ожидается высокая интенсивность археологических исследований в связи с проводимыми грандиозными строительными работами Керченского транспортного перехода, реконструкцией транспортных

автомобильных и железнодорожных магистралей в Восточном Крыму.

Важным является и то, что ЦММ памятника, его топографический анализ служат вкладом в воссоздание общей картины развития локальных природно-географических зон Карамского (Бабчикского) и Артезианского (Салынского) урочищ и примыкающих к ним территорий Крымского Приазовья, будут способствовать реконструкции антропогенного воздействия на окружающий природный ландшафт на протяжении всего четвертичного периода, включая последние столетия и даже десятилетия.

Кроме того, на наш взгляд, актуальной задачей, которая пока решается фрагментарно на отдельных памятниках Восточного Крыма, является создание единой археологической геоинформационной системы (ГИС) Европейского Боспора. Проведенная работа — только одна из составных частей такой ГИС.

-
1. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. — М., 1998. 241 с.
 2. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). 2012. Издательство: Lap Lambert academic publishing. Германия. 632 с.
 3. Винокуров Н. И., Мызин Д. А., Пархалин И. Н. Опыт использования профессиональной GPS-аппаратуры для дистанционного исследования антропогенных структур в Крымском Приазовье // Геопрофи. № 3. 2009. С. 47–51. — 72 с.
 4. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 504 с.
 5. Ермолин А. Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ №14. М.: ИД «Триумф-Принт», 2010. — 772 с.
 6. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены, М.: «ИНДРИК», 1998, 304 с.

The article shows the example of work held on the Bagerovo_Nord complex (city-site and necropolis) and describes the methodology and technology of field and office land activities that provides opportunities for integrating heterogeneous and multi-temporal cartographic materials, plans and schemes. The methodology allows to combine scattered reports and publications on spatial data (that have been studied for many years the objects of archaeological research), to store and analyze such data in a single coordinate environment and to provide further quality investigations.

Keywords: *Bagerovo-Severnoye; Tarona; settlement; necropolis; topographical plan; coordinate system; raster transforming; digital terrain model; the Bosphorus; GIS technology*

УДК 902.2

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарев

Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан

В статье проанализированы одиночные грунтовые захоронения, которые были раскопаны на салтово-маяцком поселении, на античном городище Артезиан. Такие захоронения выявлены на многих поселениях и городищах степного и лесостепного массива салтово-маяцкой культуры. По мнению исследователей, они имели ритуальный характер и совершались в силу различных, возможно, иногда тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера.

Ключевые слова: *городище Артезиан; салтово-маяцкое поселение; Керченский полуостров; грунтовые погребения*

За последние десятилетия на археологическую карту Керченского полуострова было нанесено более двух десятков салтово-маяцких могильников, при этом, ни одного грунтового могильника, характерных для степного массива салтово-маяцкой культуры, зафиксировать, пока не удалось [Майко, Пономарёв, 2013, с. 97–106; ср.: Плетнёва, 1981, с. 9–10; Швецов, 1991, с. 117; Савченко, 1986, с. 97]. Немногие найденные на Керченском полуострове грунтовые захоронения, большей частью, были совершены на плитово-грунтовых могильниках Эльтиген-1 и Героевка-2 [Пономарёв, 2004, с. 451–455; Пономарёв, 2011, с. 287–295]. Но особый интерес

представляют грунтовые погребения, совершенные в силу каких-то причин на поселениях, не на специально отведенной для «мёртвых» территории, а среди «живых» соплеменников.

Четыре таких необычных погребения были обнаружены на салтово-маяцком поселении, расположившемся на античном городище Артезиан, три из них открыты на раскопах I и III в центральной его части, одно — на раскопе II в южной части [Винокуров, 2011, с. 56–63; Винокуров, 2004, с. 63–64].

Погребение 9, совершенное в неглубокой овальной яме, обнаружено в северо-западной части раскопа I (рис. 1, 1). В могиле выявлено захоро-

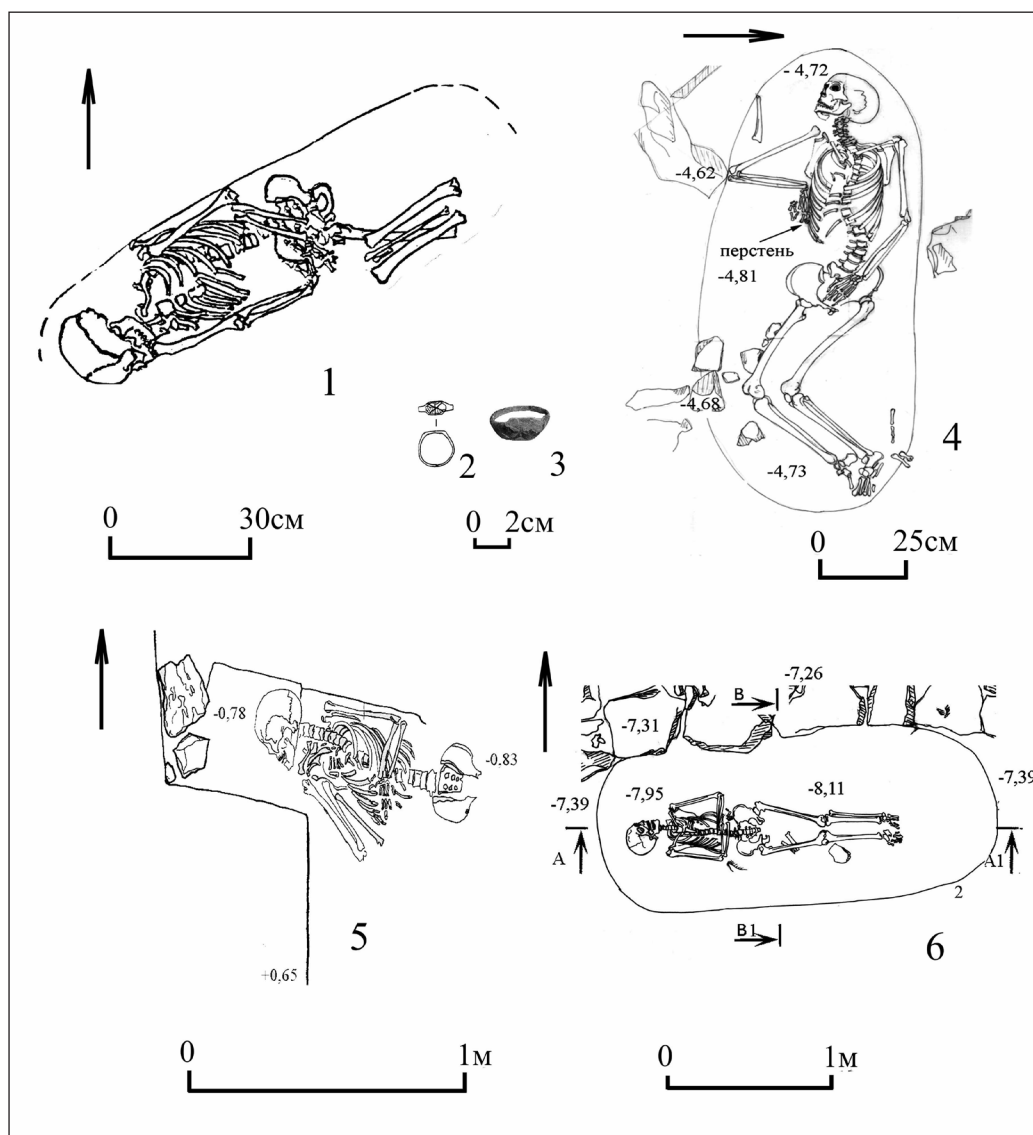

Рис.1. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан: 1 — могила 9; 2-3 — перстень из могилы 14; 4 — могила 14; 5 — могила 16; 6 — могила 15

нение подростка 8–10 лет, уложенного в скорченном положении, головой на ЗЮЗ, на правом боку с завалом на спину, вплотную к стенке могилы. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть согнута под прямым углом, фалангами пальцев по направлению к тазовым костям. В верхней проксимальной части плечевой кости зафиксированы следы перелома и неправильного сращения. Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть на тазовой и правой бедренной кости. Кости голеней находились не в сочленении с бедренными костями. Видимо, спустя какое-то время после погребения, они были намеренно смещены и уложены параллельно друг к

другу поверх правой бедренной кости. При этом, одна из больших берцовых костей была повернута проксимальным эпифизом в противоположном направлении. Здесь же находились отдельные кости плюсны.

Погребальный инвентарь в могиле обнаружен не был, а в заполнении могильной ямы и котлована перекопа, в который она была врезана, было найдено лишь несколько обломков причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. Учитывая широкие рамки их бытования, датировать погребение 9 в узких пределах не удалось.

Погребение 14 обнаружено в северо-западном углу раскопа III (рис. 1, 4).

Совершено оно в грунтовой яме, выкопанной в частично засыпанном на тот момент котловане брошенной хозяйственной полуземлянки, функционировавшей не позднее первой половины IX в. Погребённая в могиле женщина, в возрасте около 35 лет, уложена на спине с небольшим разворотом на правый бок, головой на запад. Скелет по всей длине обложен бутовыми камнями. Верхние конечности погребённой согнуты в локтевых суставах, нижние конечности согнуты в коленях и развернуты на юг. На среднем пальце правой руки найдено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо с плоским щитком и выгравированным изображением солярного символа в виде многолучевой звезды (рис. 1, 2, 3). В заполнении могилы, помимо фрагментов ойнохой скалистинского типа и причерноморских бороздчатых амфор, найдены обломки высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, позволяющие датировать захоронение не ранее второй половины IX в.

Погребение 15 обнаружено на раскопе II к востоку от котлована полуземлянки 9 и к югу от однокамерной заглубленной постройки 15, южной стеной которой оно и было частично перекрыто (рис. 1, 6). Однако ответить на вопрос, намеренно ли жилище возвели над могилой, или же на тот момент она утратила какие-либо признаки на поверхности и была забыта, уже невозможно.

В могиле расчищен скелет мужчины 30–40 лет в вытянутом положении на спине, головой на ЗЮЗ. Верхние его конечности согнуты в локтевых суставах, при этом правая рука перекрывала левую руку. Нижние конечности вытянуты параллельно друг другу и немного сведены в коленях. На дне могильной ямы, вдоль её бортов и вокруг погребенного были уложены необработанные камни. К сожалению, захоронение оказалось безынвентарным, но учитывая стратиграфические данные, могилу 15 и расположенную к западу от нее полуземлянку 9 следует отнести к первому

хронологическому периоду и датировать не позднее первой половины IX в.

Погребение 16 обнаружено в северо-восточном углу раскопа III (рис. 1, 5). В могиле расчищен скелет молодой женщины, уложенной на спине, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Верхние её конечности согнуты в локтевых суставах. Положение нижних конечностей выяснить не удалось, так как их кости были смещены и частично уничтожены более поздним перекопом. На нижней челюсти с правой стороны обнаружена прижизненная травма, нанесённая предметом с узким режущим краем (острием лезвия или наконечником стрелы?). Под головой погребённой зачищены прослойка темно-серого грунта и несколько бутовых камней. В золистом слое этого своеобразного «изголовья» было обнаружено несколько стеклянных бусин. Отсутствие каких-либо датирующих находок в могиле, а также внятного стратиграфического контекста на прилегающем участке раскопа, не позволили определить с узкими хронологическими рамками погребения.

Таким образом, в пределах исследованной территории поселения, составившей около 6600 кв. м, обнаружено четыре разновременных индивидуальных захоронения. Одно из них было совершено в котловане засыпанной полуземлянки, а остальные три — рядом с постройками и ритуальными комплексами, причем с последними они вполне могли быть взаимосвязаны. В могилах расчищены скелеты подростка 8–10 лет, мужчины 30–40 лет и двух женщин в возрасте до 35 лет. Они уложены головой на запад, с небольшими сезонными отклонениями к югу и северу и в разнообразных позах — в скорченном положении или на спине, иногда с небольшим разворотом на бок, с вытянутыми или согнутыми нижними конечностями. Большим разнообразием отличается и положение верхних конечностей. В двух могилах отмечено нарушение целостности скелета. Но, если в погребении 16 он был частично разрушен более поздним перекопом,

то состояние костей нижних конечностей подростка в могиле 9 указывает на ритуальные действия, связанные с обрядом обезвреживания погребённого, следы которого прослежены на многих праболгарских и аланских могильниках салтовского времени, в том числе и на Керченском полуострове [Флеров, 2007, с. 185; Флеров, 1989, с. 177–185; Флеров, 1993, с. 45–46, 54; Аксёнов, 2002, с. 98–113; Пономарёв, 2004, с. 451–462].

За исключением бронзового перстня и нескольких стеклянных бусин, найденных в женских захоронениях, другого погребального инвентаря в могилах не оказалось. С учётом стратиграфической ситуации и нескольких фрагментов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, попавших в засыпь могильных ям, установить время совершения удалось только для погребений 14 и 15, датированных, соответственно, не ранее второй половины IX в. и не позднее первой половины IX в.

Помимо городища Артезиан, на Керченском полуострове подобные грунтовые захоронения, в том числе и со следами обезвреживания погребённого, были зафиксированы только на двух салтово-маяцких поселениях — Осовины-I и Героевка-6 [Зинько, Пономарёв, 2007, с. 192–194, рис. 9; Зинько, Пономарёв, 2008, с. 426, рис. 9; 10]. На поселении Осовины-I раскопаны три могилы. В могиле 1 был погребён ребенок в возрасте 10–12 лет, уложенный на левом боку, головой на юго-запад. В могиле 2 — подросток 16 лет, находившийся в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. При этом череп в погребении отсутствовал, хотя разрушено или ограблено оно не было. И, наконец, в могиле 3 погребён мужчина, изначально уложенный на спине головой на ЗЮЗ. Спустя какое-то время после захоронения кости верхней части его скелета были смещены к черепу и уложены друг на друга. Кости нижних конечностей, за исключением стоп, сохранились в анатомическом порядке [Зинько, Пономарёв, 2007, с. 192–194,

рис. 9]. Таким образом, из трёх, обнаруженных на поселении Осовины-I захоронений, в двух были прослежены следы постпогребальных обрядов, к числу которых относилось повторное вскрытие могилы с частичным разрушением скелетов или удалением отдельных костей, в том числе черепа.

Ещё одна грунтовая могила обнаружена в восточной части поселения Героевка-6. Погребённый в ней мужчина в возрасте до 25 лет уложен в вытянутом положении на спине, головой на восток. Его сопровождал многочисленный, хотя и не богатый погребальный инвентарь: кинжал, нож, кремни, оселок и другие мелкие предметы. После смерти, может быть, ещё на птоματοлогической стадии, у него отчленили ступни, иными словами, над телом был совершен обряд обезвреживания, направленный на обездвиживание покойника [Зинько, Пономарёв, 2008, с. 426, рис. 9; 10; ср.: Флеров, 1989, с. 183; Аксёнов, 2009, с. 96–97].

За пределами Крыма погребения, совершенные на территории поселений, зафиксированы на многих памятниках степного и лесостепного ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе Недвиговском, Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселениях Мохнач-II, Нетайловка-2, у с. Жовтневое и ст. Богоявленской. Совершались они в жилых и хозяйственных постройках, в производственных помещениях (гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с культовыми, жилыми и хозяйственными сооружениями. При этом, отличались не только местом совершения захоронения, но и конструкцией погребальных сооружений, составом погребального инвентаря (или его полным отсутствием), позой и ориентировкой погребённых и степенью сохранности их скелета.

Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяс-

нить влиянием различных факторов, в том числе этнической и семейной принадлежности, половозрастной градацией погребённых, их социальным статусом, и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения. Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах и на территории поселений были связаны с традициями, сложившимися в рамках сложной системы идеологических представлений того времени. В основной своей массе они, видимо, имели ритуальный характер и совершались в силу различных, возможно, иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [Плетнёва, 1989, с. 67; Плетнёва, Красильников, 1990, с. 106; Плетнёва, 2000, с. 90–92; Винников, Афанасьев, 1991, с. 137–138; Албегова, Гусаков, 2001, с. 127; Колода, 2011, с. 269–270; Колода, 2012–2013, с. 111–112]. Но каких именно, этот вопрос наверняка будет постоянно оставаться предметом острых дискуссий. Более-менее уверенно можно говорить лишь о том, что погребённый на поселении, и, тем более, в жилище, человек наделялся после смерти, или был наделен ещё при жизни, каким-то особым статусом или положительными, с точки зрения соплеменников, сакральными возможностями, а также личными и общественными качествами. Именно такой человек, будь-то ребенок, мужчина или женщина, причем любой возрастной группы, «удостаивался чести» быть погребённым среди «живых». После смерти, исполняя доверенное ему «последнее обязательство» перед общиной, он должен был обеспечить её защиту от негативного воздействия потусторонних сил или послужить неким передаточным звеном между божествами и миром «живых». Примерно в этом же ключе и рассматриваются многие погребения. Так, к примеру, захоронение, совершенное у порога одного из помещений «ка-

раван-сарая» Саркельского городища, С. А. Плетнёва рассматривала в качестве своеобразной жертвы-«оберега» (или закладной жертвы) для его обитателей [Плетнёва, 2000, с. 90]. По мнению З. Х. Албеговой и М. Г. Гусакова, погребённые в катакомбах у постройки 21 (святилища) на Маяцком поселении могли способствовать «росту и развитию посевов» [Албегова, Гусаков, 2001, с. 127]. В. В. Колода, в свою очередь, предлагает рассматривать захоронения в заброшенных ямах-зернохранилищах (или в ямах, имитирующих их по форме) как культовые комплексы, сооруженные «с целью получения определенных благ от божеств» или направленные на «преодоление неблагоприятных условий для сельского хозяйства и обеспечение питания для населения городища в необходимых для жизни объемах» [Колода, 2011, с. 269–270]. В тех же случаях, когда захоронения совершались в заброшенных гончарных или металлургических мастерских, они, по мнению исследователей, могли выступать в качестве искупительной жертвы, призванной обезопасить живых соплеменников от вредоносного воздействия потусторонних сил — покровителей умершего ремесленника, производство которого было связано с использованием огненной стихии и поэтому считавшегося «обладателем волшебной силы» [Плетнёва, 2000, с. 91–92, рис. 66; Плетнёва, Красильников, 1990, с. 106; Красильников, 1976, с. 277–278, рис. 6].

Впрочем, нельзя исключать и совершенно неизвестные нам мотивации и факторы. Тем более, как совершенно справедливо отметила С. А. Плетнёва, «причины изолированности» этих необычных погребений следует искать применительно к каждому из них отдельно [Плетнёва, 2006, с. 10]. При таком подходе ответы на многие из вопросов могут быть получены только в отдалённой перспективе, а пока что, как верно отметил В. В. Колода, проблема изучения погребальных комплексов на территории салтово-маяцких поселений находится пока ещё «на стадии на-

копления материала и индивидуального анализа» и как отдельная научная тема, пока ещё глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2011, с. 269; Колода, 2012–2013, с. 111].

1. Аксёнов В. С. Обряд обезвреживания погребённых в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 3. 2002. С. 98-114.
2. Аксёнов В. С. Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червоная Гусаровка // ХА. 8. 2009. С. 89-102.
3. Албегова З. Х., Гусаков М. Г. Культурное назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований / Труды отдела охранных раскопок ИА РАН. М., 2001. С. 122-131.
4. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж, 1991. 192 с.
5. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004. С. 55-87.
6. Винокуров Н. И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. XII Боспорские чтения. Керчь, 2011. С. 55-67.
7. Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. XIII. 2007. С. 183-196.
8. Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., 2008. С. 420-440.
9. Колода В. В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков, 2011. С. 261-272.
10. Колода В. В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // ХА. 11. 2012–2013. С. 106-115.
11. Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 3. 1976. С. 267-278.
12. Майко В. В., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие некрополи Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. Харків, 2013. С. 97-106, 182-185.
13. Плетнёва С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София, 1981. С. 9-19.
14. Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989. 288 с.
15. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, 2000. 240 с.
16. Плетнёва С. А. Древнерусский город у кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006. 242 с.
17. Плетнёва С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990. С. 92-139.
18. Пономарёв Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. V. 2004. С. 445-475.
19. Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовой могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. XII Боспорские чтения. Керчь, 2011. С. 287-295.
20. Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М., 1986. С. 70-101.
21. Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребённых у праболгар (предварительное сообщение) // Проблемы на прабългарската история и култура. Втора международна среща по прабългарската археология, Шумен, 1986. Вип. 1. София, 1989. С. 177-186.
22. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Маяцкий могильник) / Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. Вып. 1. Волгоград, 1993. 142 с.

23. Флеров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. / Труды Клин-Ярской экспедиции III. М., 2007. 370 с.

24. Швецов М. Л. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. Трета международна среща по прабългарската археология, Шумен, 1990. Вип. 2. София, 1991. С. 109-123.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования, Симферополь-Керчь

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь

РА — Российская археология, Москва

СА — Советская археология, Москва

ХА — Хазарский альманах, Киев-Харьков

The article analyzes the single ground burials that have been excavated in the Saltovo-Mayak settlement, located on the ancient fortified settlement of Artesian. Such burials found in many settlements and sites of the steppe and forest-steppe array Saltovo-Mayak culture. According to researchers, they had a ritual character and were made due to various, possibly, sometimes closely related, cultural and religious reasons, political, social, economic or social nature.

Keywords: fortified settlement Artesian; Saltovo-Mayak settlement; Kerch Peninsula; burials ground

УДК. 9.904.

Е. В. Власова

Серебряные изделия из кургана Куль-Оба

В состав погребального инвентаря кургана Куль-Оба входили серебряные сосуды. Среди них два рога, четыре кубка с шаровидным туловом, фиала и два килика, один из которых был покрыт серебряной с позолотой крышкой. Сосуды — разные по стилю; в них есть черты греческие, восточные. За время использования после поломки они чинились и переделывались. Серебряные вещи из Куль-Обы представляют собой определённый набор дорогой ритуальной посуды

Ключевые слова: курган Куль-Оба; погребальный инвентарь; ритуальная посуда

В кургане Куль-Оба было найдено несколько изделий из серебра. Согласно отчёту Поля Дюбрюкса, недалеко от входа, у северной стены гробницы находилась позолоченная серебряная ёмкость диаметром 10,5 вершков /46,7 см/, поставленная на бронзовую ножку; в ней лежали серебряные сосуды: круглый горшок без ручки, разбитый кубок или чаша и два рога для питья, конец одного из которых украшен головой барана; в стоящей недалеко другой серебряной ёмкости с двумя ручками диаметром 11,5 вершков /51 см/ размещались серебряный сосуд с позолоченными барельефами в виде водоплавающих птиц, охотящихся за рыбой,

аналогичный по форме серебряный сосуд с барельефами, изображающими напавшего на кабана льва и удушающего оленя грифона, ещё подобный сосуд с рельефом и серебряный сосуд с крышкой и надписью ΕΡΜΕΩ по краю [Дюбрюкс. I, 2010. С. 169, 180-181; Gavignet, Ramos, Schiltz, 2000. P. 348]. В «Ведомости главнейшим вещам, найденным в древней гробнице близ Керчи 22 сентября 1830 г.», написанной на основе составленной П. Дюбрюксом и П. И. Лангом описи и подписанной И. А. Стемпковским, упомянуты «2 серебряных рога, из коих один с изображением овна. Серебряных ваз 4, из коих 3 с изображениями позолоченными.

Серебряных чаш 3» [Дюбрюкс. I, 2010. С. 207]. В рапорте командира 2-го батальона Воронежского пехотного полка майора Семенцова, солдаты которого добывали камень на Куль-Обе, упомянуты «два рога серебряные с серебряным на них изображением животных, служащие в древние времена победителю бокалом», два серебряных кубка с золотым украшением, серебряный кубок и кубок «из электрометра» [Дюбрюкс. I, 2010. С. 208]. Д. В. Карейша в письме к издателю «Одесского Вестника» в числе серебряных вещей называет «2 рога для питья: один из них с изображением головы овна; небольшая вещь, наподобие скипетра; 4 вазы, из коих три шарообразные с позолоченными изображениями разных птиц и животных, отменных рисунков, и 3 чаши» [Дюбрюкс. I, 2010. С. 210]. В составленной им описи вещам, найденным в древней гробнице близ Керчи и отправленным в Санкт-Петербург, указаны «серебряная ваза с позолоченными изображениями львов и грифонов, терзающих оленя, кабана и прочих», «серебряная ваза с золотыми изображениями птиц, ловящих рыб», «серебряная ваза с изображением льва и тигра, терзающих оленя», «серебряная ваза без всяких изображений», «серебряная чаша с отпавшею ручкою и дном и надписью ΕΡΜΕΩ, к ней крышка с позолоченными фигурами», «одна такая же серебряная чаша», «серебряная чаша с полосками», «серебряный рог с изображением овна», «большой серебряный рог без всяких изображений» [Дюбрюкс. I, 2010. С. 210-211]. В описании открытия склепа в кургане Куль-Оба Д. В. Карейша отметил, что «в головах покойницы... отыскан ещё серебряный скипетр», а с правой стороны мужского остова под помостом — «... серебряная чашечка с полосками, имевшая форму курильницы и два такого же металла рога для питья; один из них с изображением на конце головы овна», с левой стороны мужского скелета и «в трёх больших бронзовых сосудах, находившихся у изголовья» — «серебряные вазы с по-

золоченными изображениями львов и грифонов, терзающих оленя и овна, и водяных птиц, ловящих рыб; одна такая же ваза, и с подобными же украшениями, но без позолоты, а другая без всяких оттисков, равно как и две чашечки, с отпаявшимися ручками и доньшками. На боку одной из них ясно видны греческие литеры ΕΡΜΕΩ» [Дюбрюкс. I, 2010. С. 216].

Из всех упомянутых в документах серебряных вещей до нас дошли два рога для питья, четыре сосуда с шаровидным туловом, на трёх из которых есть изображения, фиала, два сосуда типа киликов, один из которых с крышкой.

У рога для питья с наконечником в виде полуфигуры лежащего барана с подогнутыми ногами /инв. № К-О.104. Выс. 12,3 см. Рис. 1/ край слегка отогнут наружу. Тулово, изогнутое почти под прямым углом, покрыто горизонтальными каннелюрами. Наконечник спаян из двух частей. Рога и ныне утраченные уши были сделаны отдельно и вставлены в отверстия в голове, и припаяны. Шерсть животного обозначена врезанными кружками с точкой внутри, нанесенными чеканом. Исследования в Лаборатории научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа показали, что вся наружная поверхность сосуда была позолочена химическим путем, т. е. с помощью ртутной амальгамы. К настоящему моменту позолота утрачена [Власова, 1999. С. 163-164].

Существуют различные точки зрения относительно датировки и места изготовления сосуда. Его относят к работам переднеазиатских, ахеменидских, скифских, греческих мастеров, а датировка его колеблется от первой половины V в. до н. э. до первой половины IV в. до н. э. [Власова, 1999. С. 163].

Возможно, создатель рога использовал в качестве образца ахеменидские рога-ритоны небольшого размера с крупными наконечниками в виде полуфигуры лежащего животного с подогнутыми ногами, такие, как, например, серебряный ритон с наконечником в

виде полуфигуры быка из музея Цинциннати, серебряный ритон с наконечником в виде полуфигуры козла из коллекции Н. Шиммеля, хранящейся в музее Метрополитен, серебряный ритон с наконечником в виде полуфигуры лани из Лувра. Близок также кульбоскому рогу по конструкции и пропорциям серебряный с позолотой ритон с наконечником в виде полуфигуры быка, найденный в Болгарии, который считают подражанием ахеменидским ритонам. Относительно датировки выше упомянутых ахеменидских ритонов нет единого мнения. Их датируют VI — IV вв. до н. э. [Власова, 1999. С. 163-164].

Хотя наконечник сосуда создан под влиянием иранских образцов, голова животного смотрится реалистично. Подобным образом трактованы головы баранов у аттических краснофигурных рогов для питья V в. до н. э. [Hoffmann, 1962. Pl. II, fig. 1. Pl. XIV, fig. 2. Pl. XXIV, fig. 4].

Отсутствие прямых аналогий не позволяет установить точное время изготовления кульбоского сосуда. По-видимому, рог следует датировать концом V — первой половиной IV в. до н. э. Местом его изготовления могла быть и Греция, и Малая Азия, и Северное Причерноморье.

Второй рог / инв. № К-О. 105 Выс. 2,8 см, дл. 29 см. Рис. 1/ имеет другие пропорции и конструкцию. Его конусовидное гладкое тулово со слегка отогнутым наружу краем резко изогнуто. Оно состоит из двух частей, на стыке которых напаяны узкое гладкое кольцо, а поверх него — кольцо рубчатой проволоки. На длинную и узкую нижнюю часть сосуда надета золотая втулка с маленьким наконечником в виде

Рис.1. К-О. 104

головки льва с оскаленной пастью. Головка спаяна из двух половин. Она трактована довольно схематично, без акцентирования деталей. Четыре кольца двойной плетеной проволоки делят втулку на три части; на двух из них напаян орнамент из спиралей в виде

Рис.1. К-О. 105

латинской буквы S. Часть орнамента утрачена, сохранившаяся — потерта; очевидно, сосудом интенсивно пользовались [Власова, 1999. С. 164-166].

Аналогичные данному рогу по конструкции, пропорциям, размеру и стилю серебряные сосуды с маленьким наконечником в виде головки животного были найдены в курганах второй половины IV в. до н. э.: в женском погребении Мордвиновского кургана №1, в Мاستюгинском кургане №29/21, в детском погребении кургана Толстая Могила, в кургане Соболева могила, в кургане №1 у с. Дуровка. Основываясь на датировках курганов, можно прийти к заключению, что найденные в них сосуды были изготовлены в течение небольшого временного периода. Возможно, сосуды из Соболевой Могилы и Дуровки сделаны несколько позже, чем остальные. Примечательно, что у рогов именно из этих двух курганов орнаментирована верхняя часть тулова. На наш взгляд, местом изготовления этой группы сосудов следует считать Северное Причерноморье [Власова, 1999. С. 164-166], но существуют и другие мнения. Так, А. И. Пузикова считает сосуд из Дуровки греческим [Пузикова, 1966. С. 88; Пузикова, 1995. С. 6], а А. И. Мелюкова сосуд из Мастюгинского кургана — фракийским [Мелюкова, 1989. С. 113], хотя для этого нет никаких оснований. Отсутствие находок аналогичных сосудов в других регионах и тот факт, что все 6 сосудов найдены в скифских курганах, как нам кажется, свидетельствуют именно в пользу Северного Причерноморья. Повидимому, и каменные изваяния, на которых изображены рога для питья этого типа [Ольховский, Евдокимов, 1994. №4, 63. Рис. 2 ж, з], также следует датировать второй половиной IV в. до н. э.

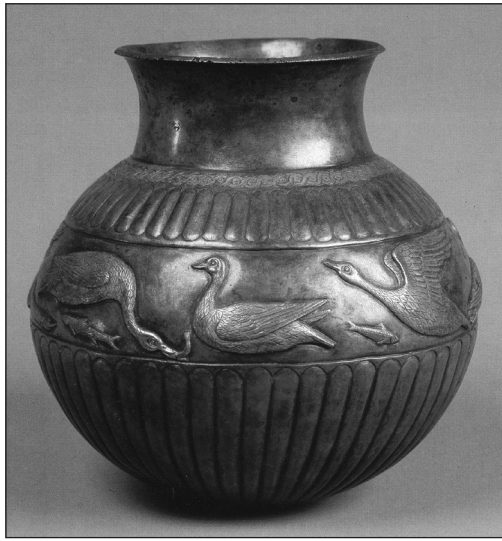
Кульобские сосуды с шаровидным туловом неоднократно издавались. Они подробно исследованы Н. Л. Грач [Грач, 1984. С. 100-109]. Большое внимание им уделила Е. Ф. Королькова [Королькова, 2003. С. 42-49]. Форма этих сосудов — шаровидное тулово без

поддона с коротким цилиндрическим горлом со слегка отогнутым венчиком. Гладкому неорнаментированному сосуду /инв. № К-О. 99. Выс. 12,3 см, дм. 12,1 см. Рис. 2/ Н. Л. Грач находит аналогии по форме среди серебряной утвари из мужского погребения Елизаветинского кургана №8 и земляного склепа Зеленского кургана [Грач, 1984. С. 101]. Остальные три сосуда имеют на тулове фризы с рельефными изображениями. На одном сосуде — фриз с плавающими в профиль утками в процессе ловли и съедания рыб, который обрамлен с двух сторон широкими полосами с выпуклыми лепестками и узкими поясками с орнаментом плетенки; на дне — сложная восьмилепестковая розетка с трилистниками; фигурный фриз и плетенка верхнего пояса позолочены /инв. № К-О. 96. Выс. 12,9 см. Рис. 2/. Аналогичный сосуд находился в кургане Патиниоти [Тункина, 2002. С. 548. Рис. 147; Дюбрюкс. II, 2010. С. 81-83. Рис. 189-192], но его первоначально приняли за булаву [Тункина, 2002. С. 549; Дюбрюкс. II, 2010. С. 81. Рис. 189Н. Подпись к рисунку].

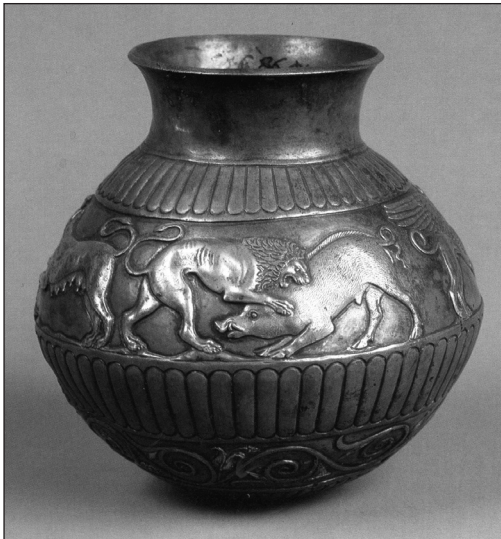
На двух других сосудах — сцены борьбы зверей. На тулове одного / инв. № К-О. 97. Выс. 10,6 см/ — несколько поясов: верхний, из лепестков, обрамлен гладкими линиями; средний — широкий рельефный позолоченный с изображениями трёх сцен борьбы животных в профиль (два грифона нападают на горного козла, лев и львица нападают на оленя, лев терзает кабана); ниже — пояс из лепестков и пояс, украшенный рельефной гирляндой цветов; на дне — многолепестковая розетка с небольшой четырнадцатилепестковой розеткой в центре. На тулове другого /инв. № К-О. 98. Выс. 10,1 см. Рис. 2/ в профиль изображены лев и львица, терзающие оленя; позади льва — пантера, но морды оленя и льва переданы в профиль, а морды львицы и пантеры — в фас; фигура оленя сильно растянута; над фризом — узкий поясок с рельефной плетёнкой; нижняя часть заполнена лепестками, образующими розетку с

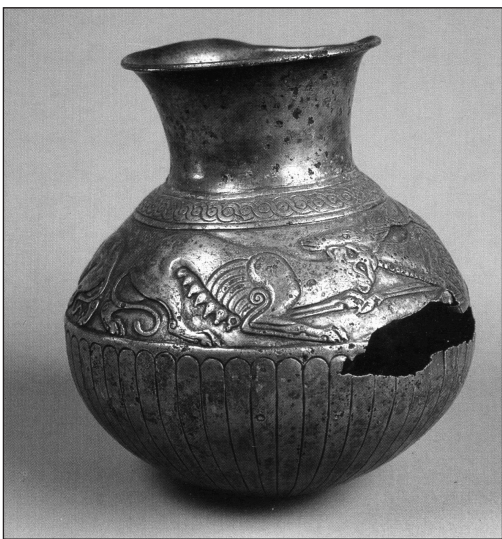
K-O. 99

K-O. 96

K-O. 97

K-O. 98

Рис.2. K-O. 103

гладким центром — дном. По мнению Н. Л. Грач, последний сосуд «был изготовлен под воздействием древних скифо-восточных традиций», декор другого, также как и сосуда с утками, «выполнен в реалистической манере греческого искусства поздней классики», т. е. они были изготовлены в мастерских разных районах Причерноморья. Одна мастерская могла находиться в Пантикапее, другая — на Северном Кавказе [Грач, 1984. С. 101-108].

Подобного рода сосуды найдены в других погребальных комплексах, но они разнятся по силуэту (особенно это касается горла), размерам и орнаментике. Сложилась определённая модель их интерпретации [Мелюкова, 1979. С. 186-194]. Считают, что такие сосуды из драгоценных металлов были ритуальной посудой и что их форма происходит от архаической местной керамики, в том числе скифской с резным орнаментом [Ростовцев, 1914. С. 83; Грач, 1984. С. 100-101; Рябова, 1986. С. 139], но А. И. Мелюкова полагает, что большой хронологический разрыв (200 лет) между этими сосудами «не позволяет считать окончательно решённым вопрос о зависимости металлических кубков от местных глиняных» [Мелюкова, 1979. С. 188].

М. И. Ростовцев этот тип сосудов сравнивал с арибаллами и связывал с великой скифской богиней [Ростовцев, 1914. С. 83]. Т. М. Кузнецова отождествляет его с сосудом *ἀγγυς*, упоминающимся Геродотом в контексте ритуальных действий, связанных с Аресом, и отмечает, что изображения на этих сосудах (сцены терзания, ловля рыб утками) связаны с «символикой смерти», что «определяет и сами эти сосуды как символы смерти, как символы жертвенного акта» и полагает, что такие сосуды, вероятно, использовались в ритуальных жертвоприношениях [Кузнецова, 1988. С. 20-22].

У фиалы /инв. № К-О. 103. Выс. 5,9 см, дм. 13 см. Рис. 2/ нижняя часть, близкая к полусфере, украшена выпуклыми лепестками-каннелюрами, схо-

дящимися к доньшку, вдавленному внутрь и образующему омфал. Доньшко ограничено от лепестков двумя врезанными концентрическими кругами. Стенки верхней части изогнуты, гладкий венчик отогнут наружу [Дюбрюкс, 2010. II. С. 106. Рис. 230]. Кульобская фиала перекликается с фиалой из Хоминой Могилы [Мозолевский, 1973. С. 231. Рис. 37. С. 234. Рис. 39], фиалой из Владимировки и фиалами, найденными во Фракии, что свидетельствует, по мнению А. И. Мелюковой, об их изготовлении «в одних и тех же мастерских, которые работали прежде всего на фракийских заказчиков» [Мелюкова, 1979. С. 185-186. Рис. 42]. Но у фиалы из Хоминой Могилы каннелюры расположены двумя поясами, и есть пояски с орнаментом; орнамент есть и у фиалы из Владимировки, и венчик её более вывернут.

В Хоминой Могиле также найден килик [Мозолевский, 1973. С. 231. Рис. 37. С. 234. Рис. 39], вызывающий ассоциацию с двумя кульобскими сосудами. От одного из них / инв. № К-О. 102. Дм. 9,7 см, выс. 4,4 см. Рис. 3/ сохранилось только тулово в виде чаши, а ручки и поддон утрачены. Сохранность другого / Инв. № К-О. 100. Выс. с ручкой 5,9 см; диаметр 9,3 см. Рис. 3/ несколько лучше. Он представляет собой чашу на низкой профилированной ножке с надписью по краю. На стенках сосуда — следы крепления двух ручек. Сохранилась только одна с основаниями в форме гладких удлинённых листков. Первоначально ручки были крупнее, чем найденная, о чем свидетельствуют сохранившиеся на стенках сосуда оттиски их оснований: 2,5x1,25 см. Основания найденной ручки: 2,15x1,2 см. Очевидно, при поломке сосуда для починки использовали ручку другого сосуда — килика. Сохранность сосуда не очень хорошая: на тулове три сквозные пробоины, край слегка и неравномерно загнут внутрь. На внешней стороне дна царапины; некоторые из них можно принять за буквы *, *; они нанесены очень тонко, в разных местах. В центре на внутренней стороне

K-O. 102

K-O. 100

Рис.3. K-O. 101

чаши — следы небольшого круга, часть которого покрыта патиной; возможно, здесь было накладное украшение. По форме наиболее близки нашему серебряному сосуду чернолаковые сосуды 400-375 гг. до н. э. типа, называемого stemless [Sparkes, Talcott. 1970. I, P. 271 513-517. II. Fig. 5 513, 515]. Они имеют низкую ножку с изгибами, углубленную и плавно изогнутую чашу и ручки, напоминающие ручки киликов. Т. е. у них есть черты, близкие чашам, скифосам, киликам, канфарам. Надпись на сосуде ΕΡΜΕΩ — редкая эпически-ионийская форма родительного падежа имени ΕΡΜΗΣ («Гермес»), т. е. надпись означает «(сосуд) Гермеса». По-видимому, надпись была нанесена на сосуд во второй-третьей четверти IV в. до н. э. [Власова, 2003. С. 63-66].

Сосуд был накрыт серебряной с позолотой пластиной / Инв. № К-О. 101. Дм. 9,2 см. Рис. 3/. Она представляет собой небольшой плоский диск, край которого загнут перпендикулярно пластине на 0,2 см. Наружная поверхность украшена гравированным позолоченным орнаментом: три круга по краю; в центре — шестнадцатилепестковая розетка, вписанная в круг, обозначенный двумя линиями; вокруг неё — восемь пальметок с вершинами, обращёнными вверх и вниз; основания пальметок опираются на волюты, соединённые между

собой дугами. Пластина датируется IV в. до н. э., относя к периоду поздней классики. [АХС, 1985. С. 18 № 9]. Вероятно, пластина, ставшая крышкой кульобского сосуда для питья, была первоначально крышкой пиксиды; затем (после поломки) нижняя часть её была обрезана, и она стала использоваться по-другому. С абсолютно таким же рисунком сосуда не известны, но отдельные орнаментальные детали (розетки в центре рисунка, пальметки на дугах, зигзагообразные волюты) встречаются в краснофигурной и чернолаковой керамике V в. до н. э. Пальметки с зигзагообразными волютами есть на золотых накладных пластинах, украшающих рог для питья V в. до н. э. с наконечником в виде полуфигуры Пегаса из Уляпского кургана №4 [Власова, 2003. С. 65-67].

По мнению Е. Ф. Корольковой, с конца V в. до н. э. и на протяжении всего IV в. до н. э. для скифских элитных погребальных памятников характерен определённый набор драгоценной ритуальной посуды: рог для питья, чаша с двумя горизонтальными ручками, сосуд с шаровидным туловом. Чаша с двумя горизонтальными ручками может заменяться античным серебряным киликом [Королькова, 2003. С. 42]. Исходя из этого, кульобские вещи можно рассматривать как набор дорогой ритуальной посуды.

1. Античное художественное серебро. Каталог выставки. Спб., 1985. 64 с.
2. Власова Е. В. Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба // АВ №6. СПб., 1999, С. 163-164.
3. Власова Е. В. Серебряный сосуд из кургана Куль-Оба // СГЭ. LX. СПб., 2003. С. 63-67.
4. Грач Н. Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. XXIV. = Культура и искусство античного мира. 6. Л., 1984. С. 100-109.
5. Дюбрюкс Поль. Собрание сочинений. I — II. СПб., 2010. 728 с. и 312 с.
6. Королькова Е. Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 36. СПб., 2003. С. 28-59.
7. Кузнецова Т. М. Скифские ритуальные сосуды // КСИА. 194. 1988. С. 17-21.
8. Мелюкова А. И. Деревянная и металлическая посуда // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 110-113.
9. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. 256 с.
10. Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 187-234.
11. Ольховский, В. С., Евдокимов, Г. Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М., 1994. 186 с.
12. Пузикова А. И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. 107. 1966. С. 80-91.

-
13. Пузикова А. И. Скифы среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М., 1995. 135 с.
14. Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 34. СПб., 1914. 91 с.
15. Рябова В. А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. С. 138-149.
16. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
17. Gavignet J. -P., Ramos E., Schiltz V. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // JS. Juillet-Décembre 2000. P. 323-374.
18. Hoffmann H. Attic red-figured rhyta. Mainz, 1962.
19. Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. I-II // AA. XII. Princeton, 1970. 382 and 472 p.

Список сокращений

АВ — Археологические вести

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АХС — Античное художественное серебро. СПб., 1985.

КСИА — Краткие Сообщения Института Археологии

МАР — Материалы по Археологии России

ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа

СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа

JS — Journal des Savantes

SA — Piotrovsky B., Galanina L., Grach. Scythian Art. L., 1986.

Among the funerary objects of the Kul-Oba Barrow there are several silver vessels: two horn-vessels, four spherical goblets, a phiala and two kylixes-stemlesses, one of them covered by a silver gilded plate. According to their style the vessels are different; there are Greek and Oriental traces. According to their life, there were various changes of their appearance. The Kul-Oba silver objects represent a certain set of expensive ritual vessels.

Keywords: *Kul-Oba Barrow; burial inventory; ritual utensils*

УДК 904

В. А. Горончаровский

К вопросу об этногенезе синдов (по материалам Боспорских курганов)¹

Среди гипотез относительно этногенеза синдов активно разрабатывается версия о том, что этот этнос возник в результате слияния местного и пришлого кавказского населения. А.М. Новичихин считает отражением этого процесса появление практики сооружения каменных ящичков с округлой обкладкой-кромлехом. Другой тип синдских погребальных сооружений — подкурганые сырцовые склепы с деревянным перекрытием — он связывает с греческим влиянием. Между тем, присутствие таких конструкций в курганах кочевников заволжских степей в VI — первой половине V в. до н.э. позволяет поставить вопрос об ираноязычном компоненте в составе населения Синдики.

Ключевые слова: синды; курганы; сырцовые склепы; этногенез

Историография вопроса об этногенезе синдов, недавно подробно рассмотренная А. М. Новичихиным, насчитывает уже более ста пятидесяти лет [Новичихин, 2014, с. 110-121]. За этот период было выдвинуто несколько основных гипотез относительно происхождения данного этноса: 1) индоарийская; 2) меотская; 3) иранская; 4) синкретическая. Выдвинутое О. Н. Трубочёвым, вслед за П. Кречмером, предположение об индоарийской принадлежности синдов [Kretschmer, 1943, s. 35-42; Трубочёв, 1976, с. 39-63; он же, 1978, с. 34-42] не выдерживает

критики и должно быть отброшено как не имеющее подтверждения в археологических материалах [Грантовский, Раевский, 1984, с. 47-66]. Рассматривая возможность отнесения синдов к числу меотских племен, следует иметь в виду одно существенное обстоятельство: сам этноним «меоты» у античных авторов, безусловно, был собирательным и его следует воспринимать скорее как обозначение народов, населявших восточное побережье Меотиды. Поэтому среди них могли быть представители различных этнических групп, говорящих как на севе-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

рокавказских, так и на иранских языках. Согласно иранской версии, синды были скифским племенем или выходцами с территории Ирана.

Наиболее детально в последнее время разрабатывается версия о том, что синды представляли собой синкретическое этническое образование, возникшее в результате слияния местного и пришлого кавказского населения. Для обоснования этой концепции А. М. Новичихин даёт последовательную картину эволюции варварских погребальных сооружений VI-V вв. до н. э. в районе современной Анапы, где, по его мнению, и происходил этот процесс. В частности, для первой половины VI в. до н. э. характерны площадки под округлыми каменными закладами, иногда окружёнными по периметру круглыми камнями. Их сменяют «погребения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окружённые каменными кромлехами». Около середины VI в. до н. э. появляются погребения в каменных ящиках, в предшествующий период распространённые на черноморском побережье, от Новороссийска до Туапсе. В V в. до н. э., по мнению А. М. Новичихина, происходит формирование новой этнокультурной общности и слияние двух погребальных традиций в виде появления практики сооружения каменных ящиков с округлой обкладкой-кромлехом, и этот тип погребальных конструкций становится преобладающим в Синдики² [Новичихин, 2014, с. 116-117]. Хотя ранее он более осторожно подходил к решению этой проблемы [Новичихин, 2010, с. 250-252].

Представляется, что более конструктивной в данном отношении является позиция Е. М. Алексеевой, сформулированная ею в рецензии на коллективную

монографию «Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет». В частности, она отмечает широкий ареал специфического облика т. н. «каменных» некрополей и их отсутствие на территории Таманского полуострова, включавшегося древними авторами в Синдику, что «заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских» [Алексеева, 2012, с. 173-177]. С её точки зрения, высказанной в свое время более конкретно, в носителях этой погребальной традиции следует видеть ближайших соседей синдов — керкетов и торетов [Алексеева, 1991, с. 35; она же, 2000, с. 162], и в этом с ней вполне можно согласиться. Таких же взглядов придерживаются и современные исследователи полуострова Абрау [Малышев, Гольева, Спиридонова и др., 2014, с. 101, рис. 5].

Недавние исследования Н. И. Сударева в Анапском районе Краснодарского края позволили расширить зону распространения ранних «каменных» некрополей вглубь от морского побережья. Впрочем, следует отметить их немногочисленность и отсутствие на данный момент развернутой публикации полученных материалов, что не позволяет в полной мере оценить их значение для этногенеза синдов.

Обращает на себя внимание рядовой характер погребений «каменных некрополей», которые по конструктивным особенностям и составу погребального инвентаря разительным образом отличаются от другой группы захоронений, определенно имевших отношение к синдам, по крайней мере, к элите синдского общества.³ Наиболее известные из них связаны с Семибратними курганами, раскопанными В. Г. Тизенгаузеном в

² Стронниками связи «каменных» некрополей района Анапы с историческими синдами были и другие учёные [Крушкол, 1971, с. 88-90; Масленников, 1981, с. 18; Кругликова, 1987, с. 12].

³ Первым исследователем, связавшим эти курганы с династией синдских царей или представителями высшей местной знати в статье «О государстве синдов» была В.И. Мошинская [Мошинская, 1946, с. 205]. Типично синдской разновидностью погребальных сооружений считали их и многие другие учёные [Гайдукевич, 1949, с. 47-50; Коровина, 1957, с. 177-178; Анфимов, 1987, с. 92-98; Блаватская, 1959, с. 156; Силантьева, 1967, с. 47-48; Артамонов, 1974, с. 63, 121; Ильинская, Тереножкин, с. 1983, с. 80-81, 213-219; Алексеева, 1997, с. 30-31; Власова, 2001, с. 129-130; Виноградов, 2005, с. 252-254; Горончаровский, 2014. С. 553 сл.]. Такая, давно сложившаяся, точка зрения редко подвергалась сомнению [см., напр.: Смирнов, 1966, с. 79-80].

1875-1876 и 1878 гг. Самые ранние комплексы имели под курганными насыпями возведенные над материком сырцовые склепы с деревянным перекрытием (СК 2,4,5)⁴ и сопровождающие конские захоронения. А. М. Новичихин видит в появлении такого рода конструкций греческое влияние.⁵ При этом, он ссылается на применение сырцового кирпича для сооружения гробниц на территории Греции и в Северном Причерноморье (некрополи Ольвии, поселения Панское I и Нимфея) [Козуб, 1974, 12, рис. 2,3; Рогов, 1982, с. 45-50; Ольховский, 1991, с. 49, 152]. Надо сказать, что эти примеры никоим образом нельзя признать удачными, поскольку они несопоставимы с СК либо конструктивно, либо в отношении датировки. В Ольвии, как впрочем, и в Пантикапее, для VI-V вв. до н. э. сырцовые склепы отсутствуют, да и могильные ямы, стенки которых облицованы сырцовыми кирпичами, — единичные случаи [Кастанаян, 1959, с. 258,276]. В Нимфее известен только один подкурганый сырцовый склеп середины V в. до н. э. [Силантьева, 1959, с. 14], но его греческая принадлежность под вопросом. Что касается соответствующих погребальных сооружений на Панском I площадью 4,5-10 м², то они датируются временем не ранее IV в. до н. э. [Рогов, 1982, с. 49]. К тому же периоду относятся и два сырцовых склепа площадью около 6 м² из некрополя Кеп [Сокольский, 1965, с. 116; он же, 1969, с. 88].

Вполне очевидно, что для греческих полисов Северного Причерноморья классической эпохи подкурганные сырцовые склепы представляют собой уникальное и достаточно позднее явление, не связанное с возникновением определенной погребальной традиции на территории Синдики. К тому же, самые ранние склепы синдской знати (около середины V в. до н. э.) не пред-

ставляют собой более масштабную версию типа могильной ямы со стенками из сырцовых кирпичей: они возводились на материке (СК 2, курганы 1852 г. близ Фанагории). Следовательно, истоки этой традиции нужно искать не в греческой культурной среде. В скифских курганах между Дунаем и Доном [Ольховский, 1991, с. 17]⁶ и «царских» курганах Восточного Прикубанья VI в. до н. э. такой тип погребальной камеры также отсутствует. С другой стороны, обычай захоронения умершего в просторной наземной погребальной камере, возведенной из сырцового кирпича, в X-VIII вв. до н. э. имел широкое распространение в Приаралье. В частности, он характерен для могильника племенных вождей в Северном Тагискене [Итина, 1992, с. 31-37]. Для более позднего времени использование перекрытых деревянными крышами мавзолеев из сырцового кирпича зафиксировано в курганных могильниках VI — первой половины V в. до н. э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье [Мышкин, Скарбовенко, 2010, с. 93]. Часть населения этого региона могла сместиться в западном направлении около 530 г. до н. э. под давлением новой кочевой волны с востока («скифы царские»), положившей начало среднескифской культуре [Виноградов, 2001, с. 124-125; Масленников, 2001, с. 315; Алексеев, 2003, с. 208-210, 397, рис. 24]. В этом случае синдов следует рассматривать как небольшую группу азиатских кочевников, отличных от скифов, но на определенном этапе находившихся под их сильным политическим и культурным влиянием. К рубежу VI — V вв. до н. э. они, очевидно, заняли географическую нишу в Нижнем Прикубанье и обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полуседлых варварских племен. Если принять эту точку зрения, то, с известными коррективами,

⁴ Здесь и далее для обозначения отдельных Семибратних курганов будет применяться сокращение СК.

⁵ Сходных взглядов придерживается Н.И. Сударев, в личной беседе на XVI Боспорских чтениях (Керчь, 18-22 мая 2015 г.) заявивший, что такого типа погребальные комплексы являются слишком сложными сооружениями для синдов и могли быть возведены греками из расположенного всего в 3-х км к юго-востоку Лабриса.

⁶ Единственный пример подобного рода в монографии В.С. Ольховского — это уже упоминавшийся нимфейский подкурганый сырцовый склеп, скифскую принадлежность которого можно оспорить.

наиболее предпочтительной оказывается иранская версия этногенеза синдов.

Видимо, не случайно в античной литературной традиции синды фигурируют как «издавна враждовавшие со скифами» [Лус. Тох. 55 (пер. С. Ю. Сапрыкина)], которые, по сообщению Геродота, на повозках пересекали Керченский пролив по льду, что можно трактовать как военные походы или сезонные перекочевки на зимние пастбища [Виноградов, 2005, с. 214-215]. Судя по всему, царские скифы относили синдов к числу тех, кого считали своими «рабами», т. е. брали с них дань. Геродот, повествуя о привязанном к району Боспора Киммерийского конфликте пришедших из Азии скифов с «немалым войском» потомков рабов, этнически их никак не идентифицирует [Нер. IV. 2-3]. С другой стороны, в «Аргонавтике» Гая Валерия Флакка, скорее всего, пользовавшегося более ранними источниками, есть такие строки: «Устремляются и выродившиеся синды и скучивают отряды, ещё ныне боящиеся ударов бичей вследствие преступления предков» (пер. В. В. Латышева) [Val. Flacc. VI. 85], а у Аммиана Марцеллина упоминаются «синды, после несчастья своих господ в Азии овладевшие их женами и имуществом» (пер. В. В. Латышева) [Amm. Marc. XXII. 8. 41].

Ю. А. Виноградов, рассматривая проблему варварских миграций в истории Боспора Киммерийского, отметил, что период связанной с ними дестабилизации в степях Северного Причерноморья, «как можно полагать, охватывал приблизительно 25-30 лет» [Виноградов, 2014, с. 70]. Именно такой промежуток времени отделяет предполагаемую дату появления синдов в Нижнем Прикубанье от начала налаживания контактов с боспорскими эллинами, когда не ранее самого начала V в. до н. э. в центре Синдики был основан город Лабрис (Семибратнее

городище). Скорее всего, на первых порах он имел статус эмпория под варварским протекторатом [ср.: Hansen, 1997, p. 29; ср.: Цецхладзе, 1999, с. 198-199], где на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами [ср.: Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 248-252]. Лабрис с наибольшим правом может претендовать на роль упомянутой Страбоном царской резиденции синдов [Strab. XI. 2. 10], что объясняет исключительное богатство расположенных рядом курганов.⁷ Конечно, такое близкое соседство не могло не оказать влияния на погребальную обрядность синдской элиты, но проявилось это далеко не сразу.

Среди Семибратних курганов выделяются три, последовательно сменяющие друг друга, группы: 1) СК 2 и СК 4 — сырцовые склепы, возведённые над материком и перекрытые деревянными брусками (в пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать тринадцати)⁸; 2) СК 5 и СК 6 — каменные гробницы, впущенные в угол сырцовых склепов (в первом случае расположен на материке, во втором — врезан в материк) с захоронениями коней в отдельных отсеках; 3) СК 1, СК 3 и СК 7 — каменные гробницы вытянутой формы, впущенные в материк, рядом сырцовые склепы с конскими костяками.

Греческое влияние на синдскую погребальную обрядность определенно прослеживается с последней четверти V в. до н. э. Своеобразной иллюстрацией в этом отношении является СК 6, где меняется привычная конструкция погребального сооружения⁹ и происходят изменения в наборе престижных предметов погребального инвентаря. Из их числа выпадают рога для питья вина, тогда как оружие, серебряные сосуды греческой работы и художественная бронза по-прежнему

⁷ Более подробно о комплексах Семибратних курганов см.: Горончаровский, 2014, с. 553-618.

⁸ По количеству конских захоронений Семибратние курганы соответствуют уровню самых выдающихся погребальных комплексов Скифии V-IV вв. до н. э., например, в курганах Козел и Чертомлык найдено по 11 конских костяков, в Александропольском — 16, что лишним раз подчеркивает кочевой образ жизни синдской аристократии.

⁹ На этом этапе в сооружении кургана могли принимать участие граждане Лабриса.

сохраняют свой статус. Безусловным новшеством является ношение золотых перстней, которых на костях пальцев рук погребённого было три. Обращают на себя внимание и находки в склепе трёх пластин из слоновой кости с изображениями на мифологические сюжеты и орнаментальными мотивами от шкатулок средиземноморского происхождения, а также точёных ножек типичной греческой клине. Впрочем, как справедливо заметил Ю. В. Андреев применительно к скифским курганам: «Находки золотых и серебряных изделий греческой работы, греческой керамики и т. п. предметов в курганах... и могильниках иного типа сами по себе ещё не могут свидетельствовать о далеко зашедшей эллинизации населения» [Андреев, 2010, с. 624]. В этом

отношении стоит отметить, что роль греческой керамики в погребальном инвентаре СК 6 и других курганов синдской знати была довольно незначительной. Похоже, что её художественные достоинства не имели никакого значения. Единственная более или менее интересная в этом отношении краснофигурная пелика с дионисийскими персонажами происходит из СК 1, где был обнаружен самый ранний на Боспоре оштукатуренный склеп размерами 6,4×3,6м.

Выявленную тенденцию в развитии конструкции погребальных сооружений элиты синдского общества можно проследить и на примере захоронений, не имевших прямого отношения к «царскому» роду и рассеянных на довольно большой территории к западу от Лабриса.

1. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н. э. СПб., 2003. 416 с.
2. Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. 144 с.
3. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997. 560 с.
4. Алексеева Е. М. Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. 8. 2000. С. 160-169.
5. Алексеева Е. М. Рец.: Население архаической Синдикы. По материалам некрополя у хут. Рассвет. Под ред. А. А. Малышева. М. 2010 (Некрополи Черноморья. III). 272 с. // ВДИ. 4. 2012. С. 173-177.
6. Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // Ю. В. Андреев. В ожидании греческого чуда. СПб., 2010. Нестор-История. С. 609-627.
7. Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. 232 с.
8. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н. э. М., 1959. 160 с.
9. Бондаренко М. Е. Синды. М., 2012. 152 с.
10. Виноградов Ю. А. Две Скифии и скифы царские // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. II. СПб., 2001. С. 124-127.
11. Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб., 2005. С. 211-296.
12. Виноградов Ю. А. Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 64-75.
13. Власова Е. В. Семибратние курганы // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 127-132.
14. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. -Л., 1949. 624 с.
15. Горончаровский В. А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. XXX. 2014. С. 553-618.
16. Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 47-66.
17. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э. Киев, 1983. 380 с.
18. Итина М. И. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31-47.
19. Каменецкий И. С. К датировке Семибратнего городища // МАК. 3. 2003. С. 67-76.
20. Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 69. 1959. С. 257-295.
21. Козуб Ю. И. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н. э. Киев, 1974.
22. Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 2. 1957. С. 174-187.
23. Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М., 1971. 252 с.
24. Малышев А. А., Гольева А. А., Спиридонова А. А., Алешинская А. С., Кочнова М. Д. Опыт реконструкции палеоландшафта приморской части полуострова Абрау (Краснодар-

ский край): по материалам отложений в устье Лобановой щели // Археология, этнография и антропология Евразии. 4(60). 2014. С. 92-105.

25. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. 354 с.

26. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н. э. М., 1981. 125 с.

27. Масленников А. А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нём // ДБ. 4. 2001. С. 291-323.

28. Мошинская В. И. О государстве синдов // ВДИ. 3. 1946. С. 203-208.

29. Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. XV. 2010. С. 87-100.

30. Новичихин А. М. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. М., 2010. С. 191-203.

31. Новичихин А. М. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Нальчик, 2014. С. 110-121.

32. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991. 256 с.

а. Рогов Е. Я. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. Вып. 182. 1985. С. 45-50.

33. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 69. 1959. С. 5-107.

34. Силантьева Л. Ф. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // ТД науч. сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1967. С. 46-48.

а. Сокольский Н. И. Раскопки в Кёпах в 1962 г. // КСИА. Вып. 103. 1965. С. 108-118.

35. Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. 200 с.

36. Трубачев О. Н. О синдах и их языке // ВЯ. 4. 1976. С. 39-63.

37. Трубачев О. Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 4. 1978. С. 34-42.

38. Цецхладзе Г. Р. О полисном статусе городов античного Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М., 1999. С. 193-200.

39. Hansen M. N. A Typology of Dependent Poleis // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre. 4 1997. P. 29-37.

40. Kretschmer P. Inder am Kuban // Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil. -hist. Klasse. Anzeiger. 80. 1943. S. 35-42.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.

БЧ — Боспорские чтения. Керчь.

БФ — Боспорский феномен. СПб.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

ДБ — Древности Боспора. М.

ДБК — Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

МАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.

ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.

СА — Советская археология. М.

Among the hypotheses about the ethnogenesis of Sindians a version of origin of this ethnic group in the merger of local and migrant Caucasian population is more actively developed. A.M. Novichikhin regards the emergence of structures of stone boxes with rounded plate-cromlech as a reflection of this process. He connects such type of Sindian burial structures as raw crypts with wooden roof under mounds with Greek influence. Meanwhile the presence of these structures in nomad barrows of the Trans-Volga steppes in the 6th — the first half of the 5th century BC allows to raise the question of Iranian component in the structure of population of Sindice.

Keywords: Sindians; barrows; raw crypts; ethnogenesis

УДК. 902

Е. В. Грицик

Хозяйственные комплексы Порфмия (по материалам раскопок 2012-2013 гг.)

За все время исследований Порфмия было сделано немало ярких открытий, позволяющих охарактеризовать памятник в разные периоды его существования. Однако, комплексы классического времени представлены на городище весьма скудно. Благодаря исследованиям в 2012-2013 гг., в восточной части памятника были открыты две хозяйственные ямы второй половины IV в. до н.э., которые дополняют ряд комплексов классического времени и восполняют историю развития Порфмия в указанный период.

Ключевые слова: Порфмий; Крым; классический период; хозяйственные ямы; амфоры

Античное городище Порфмий расположено недалеко от побережья Керченского пролива к северо-востоку от современного г. Керчи, Республики Крым. Начало систематических исследований памятника было положено в 1953 г., когда на городище начал работать отряд Боспорской археологической экспедиции ЛОИА (ныне ИИМК) РАН, и, с некоторыми перерывами продолжается до настоящего момента. За всё время исследований было сделано немало ярких открытий, позволяющих охарактеризовать памятник в разные периоды его существования.

На основании результатов, полученных во время археологического из-

учения Порфмия, можно уверенно говорить, что городище было основано приблизительно в середине VI в. до н. э. и продолжало свое существование до середины I в. до н. э. [Кастанаян, 1983, с. 162]. В восточной и юго-восточной частях городища были выявлены строительные остатки второй половины VI — первой трети V в. до н. э., представленные следами древнейших фортификационных сооружений и жилыми постройками [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45; Вахтина, 2009, с. 94]. Другой, хорошо изученный, период приходится на III-I вв. до н. э., когда произошла полная перестройка и перепланировка города, и Порфмий стал

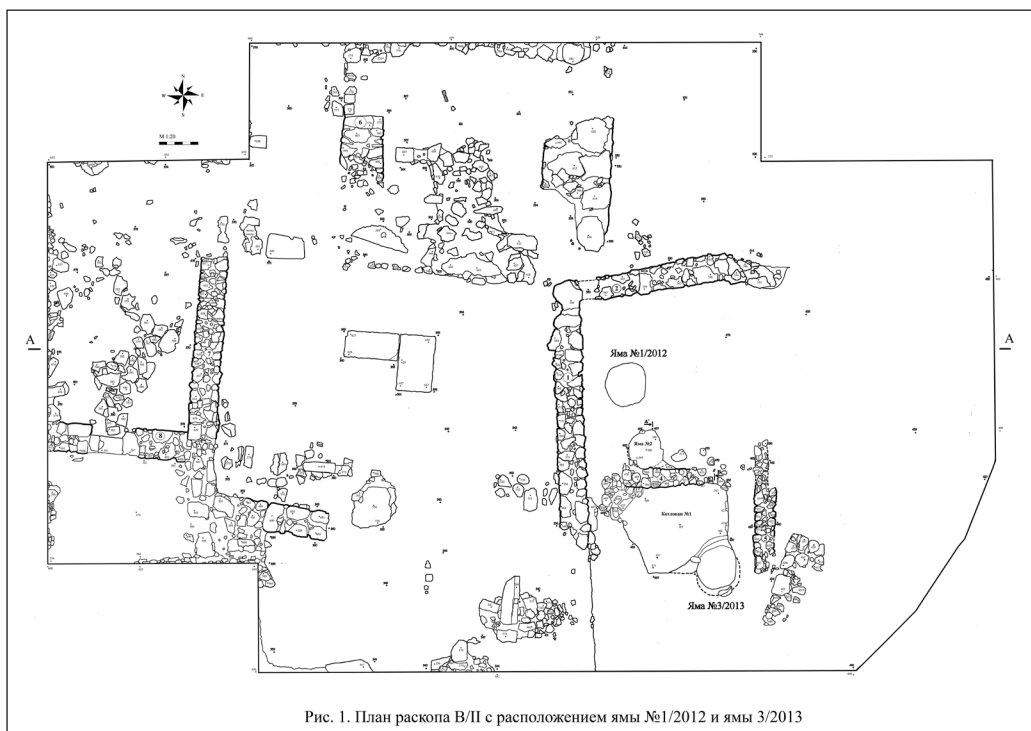

Рис. 1. План раскопа В/II с расположением ямы №1/2012 и ямы 3/2013

укреплённой эллинистической крепостью с сетью жилых кварталов [Кастанаян, 1983, с. 162-168].

Однако, несмотря на длительные и тщательные исследования, комплексы классического времени представлены весьма скудно. В 1968 г. в северо-западной части городища была открыта хозяйственная яма №8 [НА РО ИИМК РАН, ф. 35, 1968, №100, лл. 13-14], датирующаяся 80-60 гг. IV в. до н. э. [Кастанаян, 1972, с. 78; Монахов, 1999, с. 297-299]. К этому же времени относится и яма №5, исследованная в 1987 г. в восточной части Порфмия [Монахов, 1999, с. 260-263]. Слой классического времени был также изучен за пределами восточной архаической оборонительной стены. Несмотря на то, что на данном участке не обнаружено никаких строительных остатков, слой был насыщен материалом IV в. до н. э. Предположительно, данные напластования являются результатом сброса строительного мусора в ходе глобальной перепланировки города и образования эллинистической крепости [Вахтина, 2009, с. 100]. Учитывая столь малочисленные сведения о Порфмии классического времени, особенно важны любые

комплексы данного периода, которые удаётся изучить.

Благодаря исследованиям в 2012-2013 гг. в восточной части памятника были открыты две хозяйственные ямы, датирующиеся IV в. до н. э. (рис. 1). Яма №1/2012 имеет грушевидную в разрезе форму с диаметром устья 1.20 м и глубиной до 2.50 м. Заполнение ямы было насыщено археологическим материалом. Большую его часть составляли фрагменты амфорной тары, среди которых довольно часто встречались сохранившиеся целиком горла и тулова амфор. Здесь уверенно определяются такие центры, как Фасос, Хиос, Менда, Синопа, Гераклея, Книд и Пепарет, датирующиеся в пределах IV в. до н. э. [Монахов, 2003, табл. 12 1; 101 2; 44 7; 48 1; 89 7,8; 69 1]. Среди столовой керамики можно отметить группу чернолаковых сосудов, в которой присутствуют фрагменты краев и донцев канфаров, киликов, чаш, а также археологически целая солонка второй половины IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, fig. 6 612; 7 661; 8 806; 9 949] (рис. 2). Прямые аналогии находят фрагмент тулова канфара и несколько донцев со штампованным орнаментом, которые

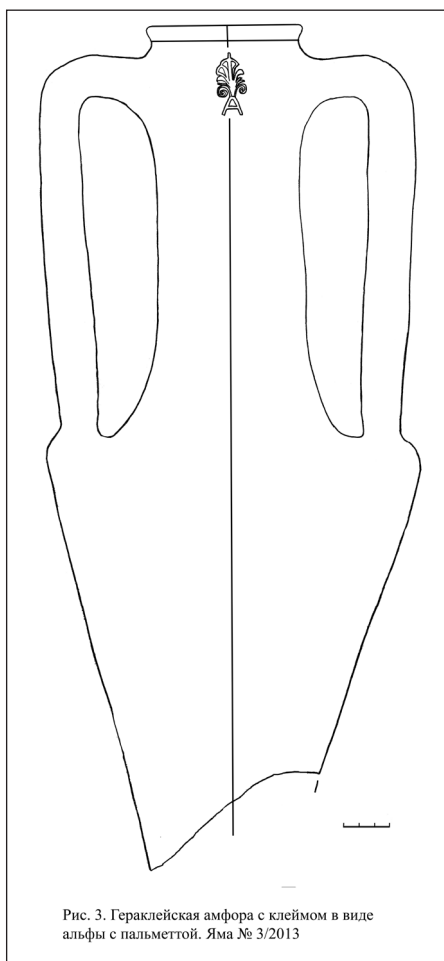

Рис. 3. Гераклейская амфора с клеймом в виде альфы с пальметтой. Яма № 3/2013

относятся к последней четверти IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, fig. 7 704; Pl. 56 664].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение столовой керамики из заполнения ямы. Примечательным является тот факт, что на долю красноглиняной и лепной керамики приходится практически одинаковый процент находок — 36,5% и 35% соответственно.

В верхнем слое заполнения ямы было найдено два бронзовых перстня. На одном из них частично сохранилось изображение крыла, второй перстень не поддается восстановлению. Также обнаружены несколько фрагментов терракот, керамическое пирамидальное грузило и фрагменты железных ножей.

Судя по найденному материалу, яма №1/2012 функционировала во второй половине IV в. до н. э., возможно, около последней четверти столетия, и была засыпана на рубеже IV-III вв. до н. э.

Хозяйственная яма №3/2013 была обнаружена недалеко от ямы №1/2012 (рис. 1). Она имела округлую форму, слегка расширяющуюся около дна. Диаметр её устья составлял 1.10 м,

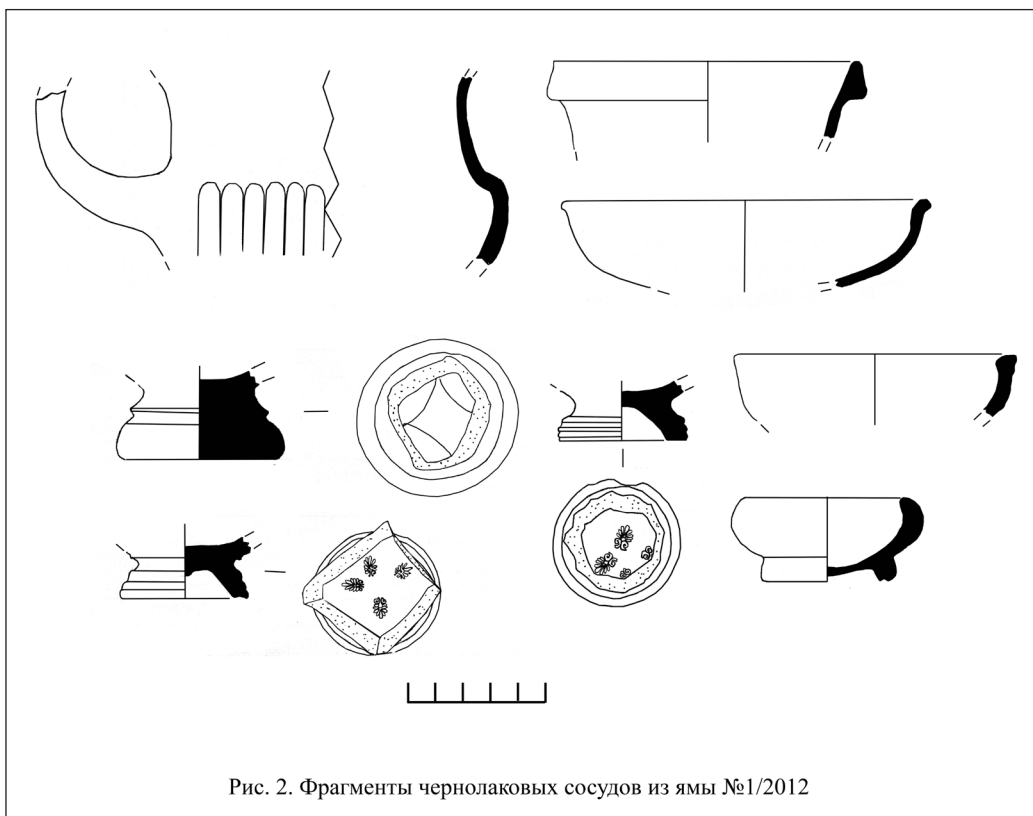

Рис. 2. Фрагменты чернолаковых сосудов из ямы №1/2012

глубина 0.7 м. Яма №3 частично прорезала более ранний комплекс, представляющий собой четырёхугольный котлован, в результате чего её северо-западная стенка была разрушена. В заполнении ямы было найдено большое количество керамики, в частности, амфорных фрагментов, среди которых преобладают крупные обломки хиосских амфор первой — третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов, 2003, табл. 12, 1-3]. Отдельно следует отметить горло гераклейской амфоры с клеймом в виде буквы «А» и пальметтой на горле (рис. 3). Амфоры с пальметтой, но

без альфы, были найдены на Елизаветовском городище [Брашинский, 1980, с. 180, №540] и на Китее [Молев, 2010, с. 262, №60]. Горло, найденное на Порфмии, может быть датировано второй половиной IV в. до н. э. [Монахов, 2003, табл. 95 1-4].

Рассмотренные выше ямы дополняют ряд комплексов классического времени, исследованных на городище Порфмий. Возможно, дальнейшие работы на памятнике помогут открыть ещё не изученные культурные остатки данного периода и восполнить историю развития Порфмия в классическое время.

-
1. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
 2. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Ещё раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского// Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. I. С. 41-45.
 3. Вахтина М. Ю. Порфмий — греческий город у переправы через Киммерийский Боспор// Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2009. Вып. 22. С. 91-126.
 4. Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмия в 1968 г.// КСИА. 1972. Вып. 130. С. 78-80.
 5. Кастанаян Е. Г. Порфмий// Etudes et Travaux. 13. Warszawa. 1983. С. 162-168.
 6. Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, 2010.
 7. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.
 8. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор. Каталог-определитель. Москва-Саратов, 2003.
 9. Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th cent. B. C.// Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, 1970.

Список сокращений

КСИА — Краткие сообщения института археологии

For all the time of researches of Porthmion many bright discoveries, allowing to characterize a settlement during the different periods of its existence, were made. However, complexes of classical time are presented on the ancient settlement very poorly. Thanks to researches in 2012-2013 in east part of a Porthmion were discovered two household pits of the second half of the 4th century BC, which supplement a number of complexes of classical time and fill history of development of Porthmion during the specified period.

Keywords: Porthmion; Crimea; the classical period; household pits; amphorae

УДК 902.2:929

Т. В. Дианова

Некоторые факты из биографии М. И. Скубетова (По материалам архива Херсонесского заповедника)

В статье рассмотрена деятельность М. И. Скубетова — соратника и помощника основателя Херсонесского музея К. К. Косцюшко-Валюжинича, действительного члена Таврической Учёной Архивной Комиссии, автора первого сводного плана Херсонесского городища и планов Херсонеса и его некрополей. Отмечена роль М. И. Скубетова в деле систематизации археологического материала по христианским древностям для археологической карты Крыма.

Ключевые слова: чертёжник; художник; некрополь; Херсонес Таврический

Херсонесскому музею на заре его становления крупно повезло с заведующим — К. К. Косцюшко-Валюжиничем и бессменным его помощником Мартином Ивановичем Скубетовым — оба были преданы Херсонесу и своему делу.

Мартин (Мартын) Иванович Скубетов (Скубентов) (рис. 1) родился 12 апреля 1872 г. в небогатой семье николаевского мещанина. Вот свидетельство, выданное дьяконом Василием Болгаровым: «Тысяча восемьсот семьдесят пятого года августа двенадцатого дня, мы нижеподписавшиеся священнослужители херсонесской епархии г. Николаева, греческой Святоиколаевской церкви собствен-

норучным подписем и приложением церковной печати, свидетельствуем в том, что в метрической книге приходской нашей церкви за 1872 г. в первой части под № 14 записан [неразборчиво] следующего содержания:

Тысяча восемьсот семьдесят второго года апреля двенадцатого рожденья, а девятнадцатого крещён сын Мартин. Родители его николаевский мещанин Иван Иванов Скубентов и законная жена его Наталья Алексеева дочь православного исповедания» [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 47]. Следует отметить, что имя Наталья в данном документе исправлено на имя Марфа. Но на том же документе имеется приписка

самого М. Скубетова: *«мать моя Наталья Алексеевна, а в метрической записи означено Марфа и исправлено сыном по справке документов в мец. [анской] Николаевской управе. [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 47].*

В 17 лет М. И. Скубетов получает аттестат, выданный Советом Николаевской портовой Ремесленной школы *«на основании правил, высочайше утвержденных 15 января 1873 г.»* [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 49] (рис. 2). Согласно этому аттестату, М. Скубетов по окончании школы выпущен по кузнечному делу в мастерские 1-го разряда, прошел курс наук в школе по программе и получил следующие отметки: черчение, рисование, чистописание, технология, поведение — отлично; закон божий, русский язык и мастерство — хорошо, а геометрия и арифметика — удовлетворительно. Несмотря на столь неутешительные отметки по точным наукам, это не помешало М. Скубетову в дальнейшем стать отличным художником, рисовальщиком и чертёжником. Отличался трудолюбием и техническими познаниями, безукоризненным поведением и добросовестно исполнял все возлагаемые на него сложные поручения, требовавшие исключительной точности и особого искусства.

По окончании школы М. Скубетов поступил на службу в Морское ведомство.

В личном деле М. Скубетова имеются интересные документы: в частности— Аттестат, выданный 5 ноября 1897 г. № 5466, утверждающий, что *«13 декабря 1896 г. по 4 ноября 1897 г. (Скубетов) находился чертёжником при постройке корабля «Три святителя».* Подпись: Строитель Корабельный инженер Свирский [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 65].

Ещё один документ — Аттестат, выданный Главным корабельным инженером Николаевского порта 9 марта 1900 г. Согласно этому документу, с 1890 г. М. И. Скубетов состоял при постройке эскадренных броненосцев «12 Апостолов» и «Три святителя».

Рис. 1. М. И. Скубетов

17 ноября 1893 г. за № 189 М. Скубетов получает аттестат за подписью строителя кораблей старшего судостроителя С. К. Ратника *«Аттестат Дан сей чертёжнику Мартыну Скубетову в том, что он в продолжении построек эскадренных броненосцев «Двенадцать апостолов» и «Три святителя» исполнял все возложенные на него обязанности с полным знанием чертёжного дела, а именно разработку несложных чертежей по корпусу и дельных вещей, съёмку с натуры для общих и детальных чертежей. Поведения безукоризненного, чем и заслужил выдачу этого аттестата...»* [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 65].

С 1 марта 1900 г. М. И. Скубетов, ввиду его выдающихся способностей, переведен к строению эскадренного броненосца «Ростислав» в Лазаревское Адмиралтейство, при чем по ходатай-

вывешивались в залах Императорской Археологической комиссии во время выставок, устраиваемых для воззрения Их Императорских Величеств». И подпись «Член императорской Археологической Комиссии, заведующий раскопками и складом древностей в Херсонесе Косцюшко-Валюжинич» [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 64].

В конце 1902 г. Мартин Иванович получает письмо-приглашение от К. Косцюшко-Валюжинича на совместное сотрудничество. В письме говорилось, что в связи с увеличением средств на производство раскопок, охрану городища и содержание в порядке музея, появилась возможность с 1 января 1903 г. взять в штат лицо, которое могло бы наблюдать за сохранностью раскопок городища и некрополей, заниматься чертёжными работами. Такому лицу отпускатся жалованье 40 рублей в месяц и предоставлялась квартира.

Таким образом, 1903 год стал поворотным в трудовой биографии Скубетова, надолго связавший его с деятельностью Императорской Археологической комиссии.

Ни одно издание ИАК не обходилось без его чертежей. Он составлял общие планы городища, планы городских кварталов, некрополей, храмов и базилик, рисунки отдельных археологических находок, а также занимался исследованием семейных склепов, высеченных в скале, и грунтовых погребений II-IV вв. н. э. Им исследован римский фамильный склеп II-IV вв. н. э., древнехристианский склеп с фресковой росписью близ Херсонеса, на земле Н. Тура.

Общение с виднейшими учёными того времени, посещавшими Херсонес, чтение и собирание книг по истории и археологии сделали Мартина Ивановича ближайшим и доверенным лицом К. Косцюшко-Валюжинича, а затем и Р. Х. Лепера. Он прекрасно знал литературу о Херсонесе и, по отзывам современников, «не было лучшего проводника по Херсонесским раскопкам» [Сорочан С. Б. 2000, с. 40]. М. Скубетов вел обширную переписку с известными архе-

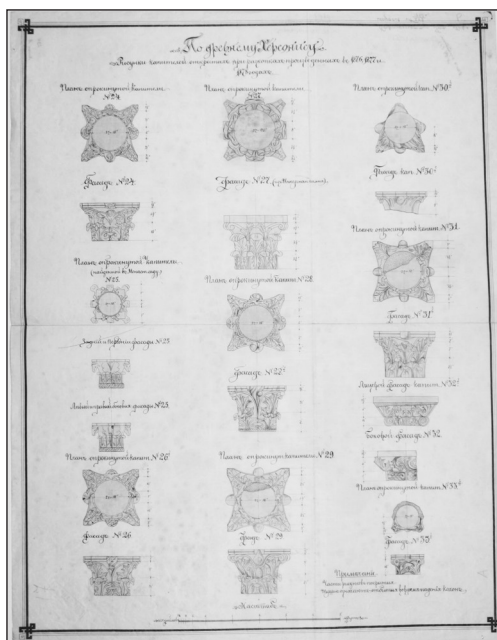

Рис. 3. Капителы колонн из раскопок в Херсонесе ологами, историками, эпиграфистами. В личном деле Мартина Ивановича есть письма, адресованные ему, Э. Миннса, М. И. Ростовцева, А. Н. Орешникова. Если судить по содержанию этих писем, с мнением Скубетова считались, к нему прислушивались. Вот выдержка из письма академика Э. Миннса от 14 июля 1912 г.: «Милостивый государь! Сколько лет теперь следя за раскопками Херсонеса люблюсь художественными чертежами, которые год за годом появляются в отчётах. Мне, любителю и не записному чертёжнику непостижимо как Вы все отделяете... Я Вам весьма благодарен за присланную брошюру Гарабурды в Вашей обработке с Вашими рукописными добавлениями и за маленький чертёж кот. [рый] выясняет положение пятиапсидного храма. [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 69]. Уже многое говорит и то, «что академик Э. Миннс выразил Скубетову признательность за помощь в написании разделов о Херсонесе в объемистом труде «Скифы и греки», вышедшем в Кембридже в 1913 г.» [Сорочан С. Б. 2000, с. 40].

В 1908 г. М. Скубетов избирается членом Таврической Учёной архивной комиссии. Вот документ от 1 декабря 1908 г № 260, подтверждающий его членство в ТУАК: «Милостивый госу-

дарь, Мартин Иванович. Таврическая Учёная Архивная комиссия имеет честь уведомить Вас, что в заседании её 28 ноября сего года Вы единогласно избраны в её действительные члены. Председатель Комиссии А. Маркевич» [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 54] (рис. 5).

В 1909 г., к 50-летию создания Императорской Археологической комиссии, Скубетов получает право ношения серебряного жетона, а 6 апреля 1914 г. ему пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте.

С октября 1914 г. Скубетов перестает работать в Комиссии, а в апреле 1915 г. Л. А. Моисеев выдаёт Мартину Ивановичу «аттестат»-свидетельство № 567 о его безупречной работе в ИАК: «в том, что он состоял на службе при раскопках Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом с 1 февраля 1903 г. по 1 октября 1914 г. он занимался топографической съемкой с натуры местностей, открываемых некрополей, а также городских кварталов и составлением общих планов храмов, часовен и базилик равно с

зарисовкой всех архитектурных фрагментов, а также и деталей необходимых для общих планов раскопок...» [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 55].

Уйдя из Комиссии, М. Скубетов поселяется в деревне Фоти-Сала и заведует фотисальским продовольственным складом, подтверждением тому служат удостоверения выданные Ялтинской земской управой в 1917–1918 гг.

Проживая в деревне, Скубетов продолжает заниматься собиранием археологического материала по христианским древностям для археологической карты Крыма, делает чертежи, замеры, зарисовки археологических памятников.

К сожалению, судьба этого талантливого человека, оставившего в наследство значительный архив, оказалась печальна: последние годы жизни он страдал тяжёлым психическим заболеванием.

Отрывочные сведения о работе Скубетова в Херсонесе, уже в качестве сторожа, попадают в документах за 1919 и 1920 гг. Последним упоминанием следует считать строки из акта ревизии деятельности Л. А. Моисеева за 1924 г.: «Моисеев не задумался в 1921 г.

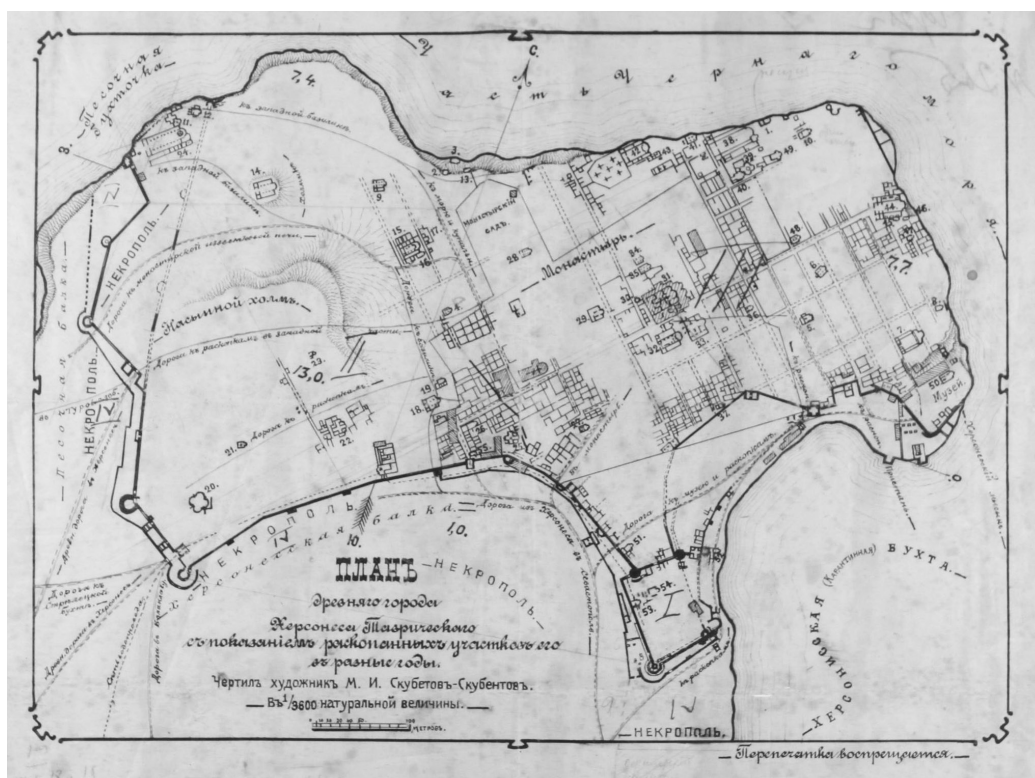

Рис. 4. План Херсонеса Таврического

перенести в сырое подвальное помещение музейные ценности Херсонеса для освобождения помещения под чертёжную Скубетова» [НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 1572, л. 158 об.]

В паспорте Мартина Ивановича делались отметки о выдаче хлебных карточек, и последняя сделана в 1921 г. Видимо этот год и можно считать, предположительно, датой его кончины.

По имеющимся сведениям, похоронен М. И. Скубетов на территории Херсонеса, рядом с могилой его соратника К. К. Косцюшко-Валюжинича. К большому сожалению, могила не сохранилась.

Фонд документов М. И. Скубетова в научном архиве заповедника содержит:

- личные документы: паспорт, фотографии, удостоверения, свидетельства, аттестат, характеристики;
- личную переписку;
- отчёт о раскопках загородного некрополя в 1907 году (окончание отчёта, недописанного К. К. Косцюшко-Валюжиничем);
- общие планы городища, планы городских кварталов, некрополей;
- рисунки отдельных археологических находок;
- рукописи научных работ: «Херсонесская древнехристианская символическая роспись фамильных склепов

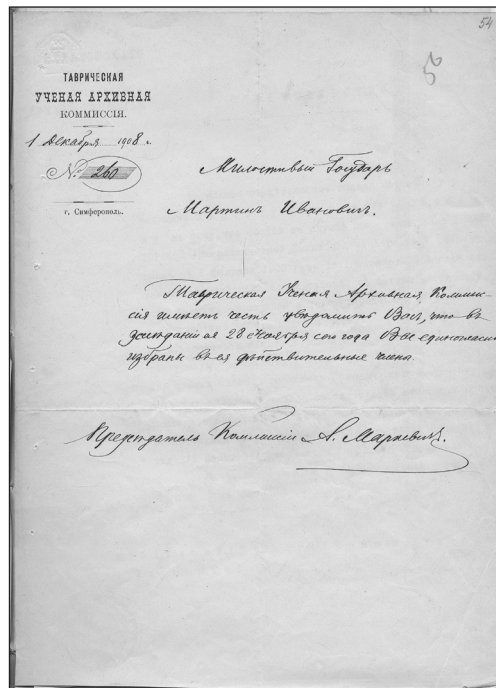

Рис. 5. Свидетельство об избрании Скубетова членом ТУАК

IV в. по Р. Х.». Описание экскурсии по Трахейскому полуострову;

— черновые чертежи, рисунки и заметки к раскопкам некрополя, северо-восточного, центрального и юго-западного районов херсонесского городища.

Чертежи, планы, заметки, выполненные М. И. Скубетовым, используются исследователями и в настоящее время.

1. Личные бумаги М. И. Скубетова // НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 175, л. 1— 86.
2. Судебное дело Л. А. Моисеева // НА ГМЗ ХТ, Ф. 1, Д. 1572, л. 1-178.
3. Сорочан. С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. 828 с.

Список сокращений

НА ГМЗ ХТ — Научный архив ФГБУК Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

The article describes the activities of M.I. Skubetov — ally and assistant of the founder of the Chersonesos Museum K.K. Kostyushko-Valyuzhinich, member of the Taurian Scientific Archival Commission, the author of the first master plan of Chersonesos ancient settlement and plans of Tauric Chersonese and its necropolis. The author notes the role of M.I. Skubetov in the structuring of archaeological material on Christian antiquities for the archaeological map of Crimea.

Keywords: draftsmen; artist; necropolis; Tauric Chersonesos

УДК 902

Ю. П. Зайцев

У западных границ Боспора: к 10-летию с начала раскопок крепости Ак-Кая¹

Систематические исследования городища Ак-Кая/ Вишенное в Центральном Крыму проводятся с 2006 г. В результате этих работ установлена площадь крепости, характер её оборонительных сооружений и внутрикрепостной застройки, начаты исследования поселений и прилегающих некрополей. Памятник существовал в виде трёх последовательно сменявших друг друга крепостей с конца IV в. до н.э. до середины III в. н.э. и в VIII–IX вв. н.э. Очевидно, в III — начале II в. до н.э. городище Ак-Кая являлось столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья. По одной из версий, это мог быть «варварский» форпост Боспора у его западных границ.

Ключевые слова: поздние скифы; крепость Ак-Кая; Крым; эллинизм; Боспор

Первое упоминание городища/крепости Ак-Кая/Вишенное относится к первой половине XIX в. [Тункина. 2013]. Вторично городище было «открыто» в 1924 г. крымским краеведом А. П. Булавенко [Маркевич. 1928, с. 5], затем в разные годы осматривалось П. Н. Шульцем, И. А. Барановым и А. В. Белым, который собрал здесь коллекцию керамических клейм и других артефактов [Белый. 1998]. В 1984 г. городище было обследовано и прощурфовано С. Г. Колтуховым, констатировавшим наличие позднескифского культурного слоя конца IV–II вв.

до н. э. — III в. н. э., перекрытого средневековыми отложениями [Колтухов. 1999, с. 21, 110–111]. Наконец, в 2001 г. на городище у с. Вишенное небольшие по объёму работы провела Горно-Крымская экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством В. Л. Мыца.

Ровно десять лет назад, в июле 2006 г., небольшой состав Крымской предгорной археологической экспедиции Крымского филиала ИА НАН Украины приступил к стационарным раскопкам городища Ак-Кая/Вишенное, расположенного у одноимённого села, в 6 км, к северу от города Белогорска.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10125 «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

Годом ранее, в октябре 2005 г., на этом памятнике были сделаны принципиально важные наблюдения, и стало очевидно, что крепостная территория на самом деле оказывается примерно в десять раз больше, чем представлялось до этого [Смекалова, Колтухов, Зайцев. 2015, с. 201 — 209].

По понятным причинам, исследования были начаты в тех местах, где культурный слой был нарушен (или разрушен) в результате активного «колхозного освоения» второй половины XX века. Из обреза грунта выступали остатки каменных сооружений.

В дальнейшем работы на памятнике продолжались каждый год, за исключением двухлетнего перерыва в 2010–2011 гг.

Хроника раскопок по годам

2006 г. Территория городища размечена на сектора со стороной 100 x 100 м, которым присвоены буквенно-цифровые обозначения. До начала работ два участка городища просканированы георадаром (Римско-Германский центральный музей Майнца). Базовый раскоп разбит в секторе 4 С — на месте разрушенного землеройной техникой участка северной оборонительной стены. Кроме того, с целью проверки результатов сканирования в разных местах заложены ещё четыре шурфа.

2007 — 2008 гг. Продолжены работы на разрушенных участках северной и восточной оборонительной стен (сектора 4В, 4С, 6D). В результате проведенных работ были открыты неординарные комплексы (например, пристенное святилище) [Зайцев. 2015а], открыты сложные узлы обороны (башни, протейхизма) а также (что явилось полной неожиданностью) установлено, что крепость непрерывно существовала с конца IV по конец I в. до н. э.

В южной части крепости проведена магнитометрическая разведка (С. Л. Смекалов), по результатам которой осуществлены небольшие по объему раскопки на трассе «мысовой» оборонительной стены. Основным достижением данных работ стало опреде-

ление её принадлежности к эпохе раннего средневековья.

Кроме того, в 2007 г. к западу от городища был доследован подкурганый каменный склеп с уступчатым перекрытием, содержащий коллективные захоронения, предположительно, III — II вв. до н. э. [Зайцев, Мордвинцева. 2010].

2009 г. Основной вектор работ на памятнике смещается в центральную часть крепости, где был зачищен 100-метровый срез культурного слоя, ориентированный поперёк городища и образовавшийся во время сноса грунта землеройной техникой в 1970-е гг. При его исследовании выявлена небольшая часть многокамерного и многослойного строительного комплекса III в. до н. э. а также установлено отсутствие сплошной застройки внутри крепости на всем протяжении её существования. Отдельного упоминания заслуживает закрытый керамический комплекс начала I в. до н. э. на полу подвального помещения, к сожалению, сохранившийся не полностью.

В южной, мысовой части крепости (Сектор 8Е) продолжено изучение оборонительной системы эллинистического периода и эпохи раннего средневековья. В частности, у восточных обрывов открыт сложный узел разновременных фортификационных сооружений, наложившихся одно на другое.

2012 — 2014 гг. Все работы были сосредоточены на базовом раскопе в секторе 8Е. На большой площади (ок. 750 кв. м.) здесь был открыт узел оборонительных сооружений эллинистического и римского периодов, а также эпохи раннего средневековья, последовательно перекрывавших друг друга. Фортификационный узел дополнялся множеством строительных комплексов как внутри, так и снаружи крепости; мощность культурного слоя на этом участке достигала трёх метров.

В 2014 г. к востоку от городища также были доследованы (после грабительских раскопок) коллективные каменные подкурганые склепы и гробницы не-

крополей Чигирник, Беш-Оба и Тагай. Все они дали выразительный обряд и инвентарь эллинистического времени, типичный для раннего этапа «позднескифской» культуры Крыма [Зайцев, Шкрибляк. 2014].

2015 г. по нескольким направлениям стал качественным этапом в изучении памятника.

Во-первых, была проведена сплошная магнитометрическая разведка территории крепости и прилегающего к нему с востока обширного поселения.

Во-вторых, непосредственно к востоку от городища обнаружен грунтовый некрополь позднеэллинистического времени. Здесь раскопаны четыре коллективных склепа-катакомбы, один кенотаф и четыре конских захоронения. Среди находок необходимо отметить набор железных деталей (оковка, ручка, элементы украшений) овального щита кельтского типа высотой 145 см.

На самом городище (сектор 5D) в целях проверки результатов магнитометрической разведки исследован участок наполовину снесенной восточной оборонительной стены и прилегающий к ней строительный комплекс III в. до н. э.

В результате этих исследований стало очевидно, что городище Ак-Кая/Вишенное представляет собой многослойный памятник, существование которого относится к трем периодам — эллинистическому (конец IV — I вв. до н. э.), римскому (I — III вв. н. э.) и раннесредневековому (VIII-IX вв. н. э.). К настоящему времени здесь исследованы десять раскопов и семь шурфов, расположенных в различных частях крепости и за её пределами. Общая исследованная площадь составляет более 2000 кв. м.

Эллинистический период. Первоначально крепость достигала площади немногим менее 10 га. Её фортификационная система в плане представляет собой ломаную линию, примыкающую к скальным обрывам, и состоит из основной оборонительной стены, башен и протейхизмы на северном фланге. Сейчас можно

констатировать наличие в ней, как минимум, двух ворот (северные и южные) и нескольких калиток. Первоначальная толщина стены составляла ок. 2,5 м, впоследствии она была увеличена до 5 м. С внутренней стороны к стене были построены регулярные помещения с каменными стенами [Зайцев. 2015].

Время активного строительства и функционирования фортификационных сооружений первой крепости относится к концу IV — первой половине II в. до н. э. Центральную часть крепости в это время занимал большой строительный комплекс, хорошо заметный на магнитометрической карте и незначительно затронутый зачистками 2009 г.

На других участках крепости открыты отдельные сооружения из камыша и глины, при строительстве которых совершенно не использовался камень.

После середины II и в I в. до н. э. оборонительные сооружения городища Ак-Кая/Вишенное постепенно приходят в негодность, внутрикрепостная территория замусоривается и хаотично застраивается примитивными каменно-сырцовыми постройками.

Римский период. Вторая по счёту крепость локализована в южной части плато. Она достигала площади 1,1 га, занимала треугольный скальный мыс с отвесными западными и восточными обрывами. От обрыва до обрыва была возведена оборонительная стена длиной ок. 130 м, в плане представляющая собой слабо изогнутую дугу и напольной стороной обращённая на север. Толщина стены на разных участках колеблется в пределах 3,5 — 2 м, основанием в разных местах служат более ранний культурный слой, скальная поверхность либо предшествующие оборонительные стены. Техника кладки — двухпанцирная, с забутовкой, из крупных необработанных камней на глиняном растворе. На восточном фланге открыты одна башня и проем калитки с коридором. Внутренняя часть крепости в это время была занята наземными каменно-сырцовыми постройками, среди которых особо следует отметить здание

мегаронного типа, пристроенное к оборонительной стене. Период функционирования крепости римского времени охватывает время от рубежа эр до III в. н. э., возможно его середины.

Раннесредневековый период. Третья по счёту крепость также локализована в южной части плато и полностью повторяет планировку и площадь второй. Фундаментом для возведения оборонительной стены VIII — IX вв. н. э. послужили остатки стен римского времени. Техника кладки средневековой стены: внешний панцирь возведён из хорошо отёсанных и тщательно подогнанных один к другому блоков известняка и ракушечника, уложенных насухо. Внутренний панцирь (насколько можно судить по результатам раскопок) сложен из необработанного камня. Толщина стены в среднем составляет ок. 4 м. Для устройства башни раннесредневековой крепости на восточном фланге было использовано основание более ранней башни, которую обнесли новым поясом из обработанных блоков и дополнительно укрепили мощной платформой. Судя по особенностям рельефа и другим данным, ворота в крепость находились примерно в центре оборонительной линии, а на западном фланге была устроена ещё одна башня.

В большом раскопе (сектор 8E) оборонительные стены всех трёх крепостей наложились одна на другую.

По кромке обрывов внутри крепости сохранились многочисленные подрубки в виде круглых и прямоугольных в плане ямок, продолговатых гнёзд для деревянных брусьев, ступеней, хозяйственных ям и т. п. Часть из них несомненно относится ещё к эллинистическому периоду а некоторые, очевидно, к эпохе раннего средневековья.

К северу от раннесредневековой крепости располагалось обширное поселение, соответствующее примерно по площади крепости эллинистического времени. Его культурный слой мощностью до 0,5 м оказался полностью переотложен в результате плантажной вспашки 60-70-х гг. XX в. Судя по нали-

чию в нём большого количества камней различного размера, на территории поселения также существовало множество наземных построек. В культурном слое античного времени сохранились только хозяйственные ямы с керамическим материалом VIII — IX вв. н. э., обнаруженные в раскопах секторов 4C и 6D.

Выводы

Развитая фортификация (применение самой передовой на то время системы планировки, с использованием противотаранных поясов, наличие протейхизмы и перибола), а также археологические находки (семистрочное граффито на греческом языке, редкие виды чёрнолаковой керамики, количество и состав амфорного материала) позволяют судить о высоком статусе городища в древности. Очевидно, в III — начале II в. до н. э. городище Ак-Кая являлось столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья. Более того, эта крепость, построенная по хорошо продуманному плану и по эллинским стандартам фортификации [Зайцев. 2013, с. 501; 2015, с. 171-172], пока является единственной поселенческой структурой на обширной варварской территории Крыма на протяжении всего III в. до н. э. . При этом, жилые комплексы крепости — глиняно-камышовые постройки — инородны для крымской строительной традиции. Все эти данные, после некоторых колебаний, позволяют отдать предпочтение «первому сценарию» А. А. Масленникова, согласно которому это был «варварский» форпост Боспора у западных его границ, а его строительство стало целенаправленной акцией боспорской политики [Масленников. 2013, с. 8-9].

В числе других версий — центр «варварской силы» у западных границ Боспора, («второй сценарий» А. А. Масленникова), который поддерживал Херсонес [Зайцев. 2013, с. 502], вероятная ставка царя Агара, упоминание которого в известном контексте свидетельствует о наличии власти у скифов [Молев. 1994, с. 30].

Несмотря на четыре пожара-катастрофы, крепость активно и успешно существовала весь III и первую половину II в. до н. э. Между вторым и третьим произошло масштабное укрепление оборонительных стен и строительство башен. На рубеже эр «большая» крепость перестраивается в «малую», которая в свою очередь существует ещё примерно три века.

Судя по высокому качеству облицовки оборонительных стен, находкам

черепицы и другим археологическим находкам, в VIII-IX вв. н. э. крепость Ак-Кая/Вишенное была важным пунктом средневековой Таврики. Не исключено, что здесь находился христианский храм (о чем косвенно свидетельствуют находки черепицы необычно крупных размеров). Крепость была разрушена, по имеющимся данным, около середины IX в. н. э.

1. Белый А. В. Фрагмент сосуда с изображением лошадей из поселения у с. Вишенное // Культура народов Причерноморья. Т. 3. Симферополь, 1998. С. 11-13.
2. Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III—I вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 499-506.
3. Зайцев Ю. П. Фортификация крепости Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой. Ростов-на-Дону, 2014. С. 98-100.
4. Зайцев Ю. П. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015. С. 160-169.
5. Зайцев Ю. П. Пристенное святилище эллинистического времени на городище Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь, 2015. С. 135-145.
6. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Археологический Альманах. № 22. Донецк, 2010. С. 169-176.
7. Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Археологические исследования на территории Белогорского района // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014. С. 216-218.
8. Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
9. Маркевич А. И. К столетию исследования на городище Неаполя у Симферополя (1827-1927) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Вып. 3. Симферополь, 1928. С. 4-14).
10. Масленников А. А. Темные века боспорской истории // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 5-13.
11. Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
12. Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Археологические атласы Северного Причерноморья. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб., 2015.
13. Тункина И. В. П. И. Кеппен, А. Я. Фабр и Ф. Дюбуа де Монпере как первооткрыватели позднескифских городищ Крыма // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник трудов, посвященный 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. С. 324-340.

Since 2006 the systematic research of Ak-Kaya/Vishennoye settlement has been conducted in the Central Crimea. As a result of these works the area of the fortress has been established, the characteristics of its defense and interior buildings, the study of the settlements and surrounding cemeteries have been initiated, too. The monument existed in the form of three consecutive changing each other fortresses from the end of the IV century BC to the mid-III century AD and in the VIII — IX centuries AD. Evidently, in the III — the beginning of the II centuries BC the settlement of Ak-Kaya was probably the capital barbarian fortress in Crimea as well as in the whole Northern Black Sea area. According to one of the version it could be a “barbaric” outpost of the Bosphorus at its western borders.

Keywords: Late Scythians; Ak-Kaya fortress; Crimea; Hellenism; the Bosphorus

УДК 930(1-924.71)

Л. К. Знаменская

Загадка одной брошюры из научной библиотеки «Херсонеса Таврического»

В статье прослеживается история дарственной надписи на одной из брошюр из фондов научной библиотеки ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Сделано предположение об авторстве этой надписи и о личности адресата.

Ключевые слова: *Пантикапей; В. Ю. Бок; Д. Ф. Беляев; Херсонесский музей*

Научная библиотека ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» была создана в 1893 году, когда основатель и первый директор музея К. К. Косцюшко-Валюжинич обратился в Императорскую Археологическую комиссию с просьбой о разрешении часть средств, выделенных на раскопки, потратить на покупку книг, необходимых для работы. И К. К. Косцюшко-Валюжинич и его преемники, так же как и многие сотрудники музея заботились о пополнении библиотеки, стараясь приобретать все заслуживающее внимания, из того, что издавалось в России по истории, археологии, ис-

кусству. В дар Херсонесу присылали свои издания российские и зарубежные археологические учреждения. Благодаря этому в нашей библиотеке имеются полные собрания «Записок Одесского общества истории и древностей» (ЗО-ОИД), «Отчётов» и «Известий Императорской Археологической комиссии», «Известий Русского Археологического института в Константинополе», «Материалов по археологии России» и т. д. На сегодняшний день фонды Библиотеки насчитывают более 30 тысяч томов как на русском, так и почти на всех европейских языках.

Есть в фондах научной библиотеки и раздел, посвящённый истории и архе-

ологии Боспора. При сверке «Редкого фонда» в этом разделе внимание привлекла небольшая, всего в 58 страниц, брошюра Д. Ф. Беляева «Облачение императора на керченском щите» (С.-Петербург, 1893). — полузабытая современными исследователями работа профессора Казанского университета, филолога и византиниста, члена-корреспондента Императорской Академии наук по разряду классической филологии и археологии Дмитрия Фёдоровича Беляева. Она была опубликована в Журнале Министерства Народного Просвещения в октябре 1893 г. В нашем фонде хранится извлечение из этого журнала, изданное отдельной брошюрой.

О самом Д. Ф. Беляеве в современной историографии известно довольно мало. Скучные сведения о профессоре можно найти в «Русском биографическом словаре»: «Беляев Дмитрий Фёдорович — филолог (1846–1901). По окончании Санкт-Петербургского университета был профессором Казанского университета по кафедре греческой словесности. Учёно-литературная деятельность его началась с Гомера (магистерская диссертация: «Омировские вопросы», Спб., 1875), продолжалась Еврипидом (докторская диссертация: «К вопросу о мировоззрении Еврипида», Казань, 1878) и закончилась изучением придворного устава Константина Багрянородного («*Bizantina*», 3 тт., Спб., 1891–93; 1906 — посмертное изд.) — наиболее важный труд Беляева. Кроме того, Беляев написал несколько мелких статей, преимущественно по вопросу о методике преподавания древних языков и в защиту классической школы. Некролог и полный перечень трудов Беляева см. в «Журнале Министерства Народного Просвещения», 1901, кн. 7 (статья С. П. Шестакова)» [Русский биографический словарь, 1998, т. 2, с. 297].

По всей видимости, брошюра из фонда библиотеки музея-заповедника также входит в число этих «мелких статей».

На второй странице обложки нашего экземпляра имеется дарственная

надпись: «Владимиру Юрьевичу Боку на добрую память от автора. 12 дек. 1893 года».

Можно считать удачей то, что у нас есть работа с автографом автора. Но кому адресована эта надпись?

Упоминаний о Владимире Юрьевиче Боке мною не было найдено, но в том же «Русском биографическом словаре» есть статья о Владимире Георгиевиче Боке, русском искусствоведе, коптологе. Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что Владимир Юрьевич и Владимир Георгиевич Бок — это одно лицо. Но мы вправе это предположить, учитывая, что имя Юрий является одним из вариантов имени Георгий и, кроме того, соответствующие даты жизни и род занятий Владимира Георгиевича Бока: «... писатель по вопросам искусства (1851–1899). Окончил курс в Петербургском университете по естественному факультету, был директором Петергофской гранильной фабрики, потом хранителем отделения средних веков и эпохи возрождения в Императорском Эрмитаже, над устройством и усовершенствованием которого много потрудился. В 1888–1889 г. вывез из Египта для Эрмитажа массу новых памятников древнехристианского восточного искусства, среди которых первое место занимают коптские узорчатые ткани. В 1897–1898 гг. Бок предпринял вторично поездку в Египет, занимался там раскопками древнехристианских монастырей и некрополей и снова обогатил Эрмитаж привозом памятников коптского искусства. Учёные труды Бока: «О коптском искусстве. Коптские узорчатые ткани» («Труды VIII археологического съезда в М.»), «Бронзовый коптский сосуд» («Записки русского археологического общества», VII), «Мнимый эмалевый агнец на костяном окладе Миланского собора» (там же, VIII), «Материалы по археологии христианского Египта» (Спб., 1901). [Русский биографический словарь, 1998, т. 3, с. 114].

Можно ещё добавить, что В. Г. Бок родился в 1850 году в Саратовской гу-

бернии в семье обрусевшего французского дворянина. Санкт-Петербургский университет он окончил в 1872 году, после чего служил сначала в Министерстве внутренних дел, затем в Министерстве гос. имуществ. В 1877–1878 гг. участвовал в войне с Турцией в качестве уполномоченного от Общества попечения о раненых и больных воинах. В ноябре 1883 года В. Г. Бок назначен на должность директора Императорской Петергофской гранильной фабрики.

20 февраля 1886 года В. Г. Бок получает назначение в Эрмитаж, на должность хранителя в Отделении средних веков и эпохи возрождения, 12 мая 1895 г. становится старшим хранителем. Во время работы в Эрмитаже он и увлёкся изучением христианского искусства. 10 сентября 1888 г. Бок получает разрешение на командировку в Египет за свой счёт, куда и отправляется вместе с египтологом В. С. Голенищевым, который тоже работал в Эрмитаже. По возвращении в апреле 1889 г. из Египта Бок привозит внушительную коллекцию коптских тканей, большую часть которых передаёт в дар Эрмитажу. Так было положено начало коптской коллекции Эрмитажа, которая в наше время является одной из известнейших в мире. Осенью 1896 года Бок побывал в командировке в Западной Европе, где познакомился с коллегами из крупнейших европейских музеев, изучая принципы их работы. 1 октября 1897 г. Бок снова едет в Египет, получив на этот раз из казны 5 тысяч рублей на проведение раскопок и покупку предметов искусства. На эти деньги Боком было приобретено более 1,5 тысячи памятников христианского и исламского искусства, которые были отправлены вместе с экспедиционными материалами в 26 ящиках из Александрии в Одессу.

Вернувшись из этой поездки весной 1898 г. В. Г. Бок, вместе с Я. И. Смирновым, организовал в Эрмитаже вы-

ставку привезённых им предметов, где были также планы, рисунки и фотографии египетских христианских построек и музейных экспонатов. В России она стала первой выставкой предметов коптского искусства и письменности. У В. Г. Бока были и обширные личные коллекции коптских вещей и тканей, а также предметов русского прикладного искусства XVII–XIX вв. Часть своей коптской коллекции (в том числе и тканей) 14 марта 1899 г. Бок подарил императору Николаю II. Этот дар позже составит основу коптской коллекции ГМИИ.

С апреля 1890 г. В. Г. Бок был действительным членом Императорского Археологического общества, а с 1891 г. он стал хранителем музея этого общества.

Научные работы Бока, в основном, касались проблем христианского искусства. Он активно изучал изображения на коптских тканях, одним из первых обратив внимание на их символический характер [Православная энциклопедия, 2016].

Вот, собственно, и всё, что удалось узнать об этих двух уважаемых в своё время учёных. Мы не знаем, бывали ли они в Керчи или в Херсонесе, знакомы были лично или знали друг друга по публикациям. Неизвестно и то, когда и каким образом попала в библиотеку музея-заповедника «Херсонес Таврический» эта брошюра. Может быть, автор, представляя эту работу на семинаре или на заседании учёного сообщества, подписывал её для всех присутствующих, а может быть, подарил лично В. Боку, а позже он сам или его потомки передали брошюру в музей. Все наши исследования пока основаны только на предположениях. Сделаны запросы в архивы Государственного Эрмитажа и ГМИИ¹, и возможно, со временем мы получим точный ответ на этот вопрос. Пока же он остаётся открытым.

¹ Автор будет признателен за любую информацию, предоставленную ему по этому вопросу.

-
1. Бѣляевъ Д.Ф. Облаченіе императора на керчинскомъ щитѣ. Съ литографированною таблицею. С.-Петербургъ, 1893, 58 с.
 2. Русский биографический словарь. Москва, 1998. Т. 2. 796 с.
 3. Русский биографический словарь. Москва, 1998. Т. 3. 699 с.
 4. Бок Владимир Георгиевич: [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия, 1999-2014. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/149665.html>. Дата последнего обращения: 17.06.2016.

The article traces the history of the dedicatory inscription on one of the brochures from the funds of the scientific library of The State Museum Preserve "Tauric Chersonese". The assumption is made of the authorship of the inscriptions and the identity of the addressee.

Keywords: *Panticapaeum; V. Y. Bock; D. F. Belyaev; the Museum of Chersonesos*

УДК 902.01

В. П. Колосов, Е. В. Четвёркина, А. В. Михайленко

Статистический анализ кухонной керамики из Мирмекия

Работа посвящена анализу кухонной керамики из раскопок Мирмекия. В исследовании продемонстрированы возможности анализа массового фрагментированного керамического материала современными методами многомерной статистики и геометрической морфометрии.

Ключевые слова: Мирмекий; массовый керамический материал; статистические методы в археологии.

С 2008 года и по настоящее время работы на городище Мирмекий в основном были сосредоточены в его центральной части, на раскопе «И». В ходе раскопок была доследована насыпь зольника II и изучены нижележащие остатки городской застройки. Общая площадь раскопа составила около 300 м². Мощность вскрытых слоёв суммарно превышает 8 м. Общее число находок составляет около 700 тыс. единиц.

Учитывая большой объём, охватить весь массив материала невозможно без использования современных информационных технологий. Данные полевой документации, сведённые в единую электронную базу, позволили прово-

дить анализ индивидуальных находок, а также датирующего и массового материала на основе многоуровневой классификации. Была создана доступная и наглядная схема планиграфической и стратиграфической ситуации на этом участке памятника.

Результатами подобной систематизации материала явилось получение целого ряда новых данных, в частности, появилась возможность последовательно рассмотреть распределение некоторых категорий сосудов в структуре комплекса.

Кухонная керамика составляет довольно значительную часть керамического комплекса. В частности, в слоях

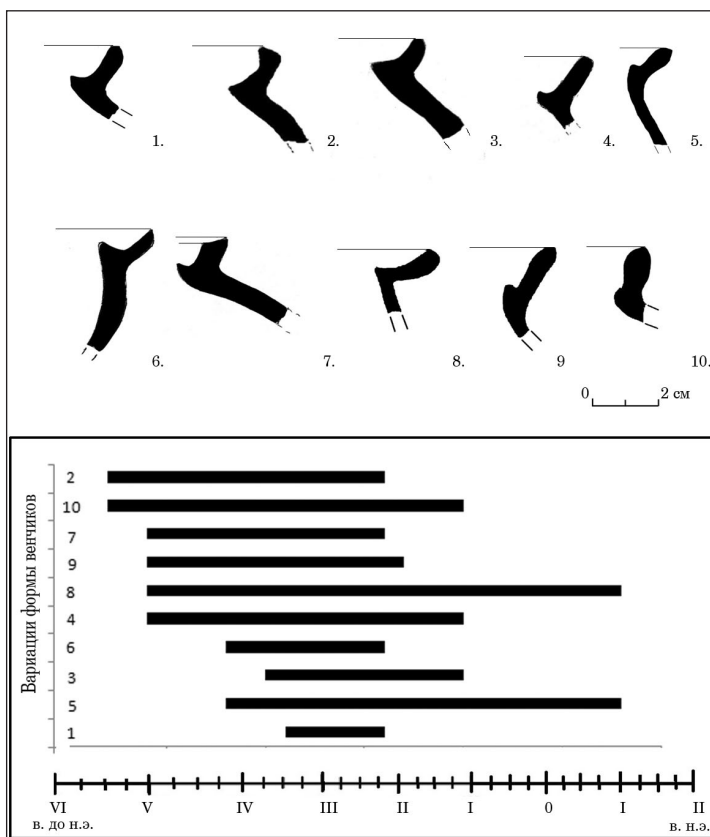

Рис. 1. Основные формы венчиков кастрюль-лопад и схема приблизительного времени их бытования

зольника II, без учёта амфорной тары, она составляла примерно 20% фрагментов керамики. Около 18% от всей кухонной керамики составляли фрагменты кастрюль. Эти сосуды, использовались наравне с горшками-хитрами (древнегреч. χίτρα) для приготовления пищи. Кастрюли-лопады (древнегреч. λορας), меньшие по объёму и более приземистые, по сравнению с горшками, имеют характерную форму венчика с выступом по внутреннему краю для фиксации крышки. Ручки, в основном, петлеобразные расположены параллельно тулову. Дно, как правило, уплощенное, но иногда встречается округлое или плоское.

Говоря непосредственно о кастрюлях-лопадах из раскопок Мирмекия, нужно отметить, что сосуды отличаются по технике изготовления: очень чётко можно отделить фрагменты кастрюль, произведённых на гончарном круге, от сделанных вручную с последующей небольшой доводкой на гончарном круге.

Гончарная керамика, по большей части, — красноглиняная, в то время как лепная, подведённая, чаще всего — сероглиняная с примесью раковины.

К сожалению, среди материала практически отсутствуют целые сосуды, что, возможно, объясняется морфологией кастрюль-лопад — крупные, но тонкостенные формы, как правило, имеют плохую сохранность. Значительную часть фрагментов составляют профильные части — в основном, венчики. В связи с сильной фрагментированностью материала одним из возможных направлений исследования является тщательный анализ про-

фильных частей (в частности, венчиков) с привлечением значительного количества объектов выборки.

Учитывая большое количество обнаруженных фрагментов, привлечение к исследованию всего материала потребует определённого времени. В данном исследовании приводятся предварительные результаты анализа, проведённого на выборке, составляющей более 4 сотен объектов. Для анализа материала привлекались современные методы многомерной статистики и методы геометрической морфометрии. Задачами исследования является систематизация этой категории массового материала и выделение наиболее устойчивых вариаций, определение направления изменчивости формы профиля сосудов и выделение морфологических признаков, являющихся хронологическими маркерами. В конечном итоге, это позволит приблизиться к созданию типологической и хронологической схемы развития формы кастрюлей-лопад.

Кроме того, серьезное значение имеет уточнение методической базы для исследования такого специфического материала, характеризующегося сильной фрагментированностью и большой численностью.

Исходя из результатов анализа таких признаков как глина, технология изготовления, морфологические особенности венчика (угол края, степень выраженности выступа и др.) и форма тулова (в случае относительно хорошей сохранности), есть основания говорить о целом ряде устойчиво повторяющихся форм венчиков в данной выборке (рис. 1). К сожалению, хронологические рамки напластований, из которых происходят объекты выборки, довольно расплывчаты. Поэтому сложно уверенно определить время бытования той или иной формы венчика — можно лишь отметить некоторые тенденции. В частности, некоторые варианты относятся к сравнительно узким рамкам IV-III вв. до н.э., в то время как другие существуют довольно длительный период. Возможно, более скрупулёзный анализ стратиграфической ситуации и датирующего материала позволят сузить хронологические рамки некоторых форм и скорректировать данную схему.

Важно отметить, что анализ фрагментированного материала не мог не привести к выделению излишних «типов». Поэтому для выявления значимых

направлений вариации формы были привлечены методы геометрической морфометрии, реализованные в программах tpsDig и MorphoJ [Rohlf, 2005; Klingenberg, 2011]. Разработанные для анализа формы биологических объектов, эти методы в последнее время стали применяться и для исследования археологического материала. Суть методики состоит в оценке формы на основе анализа координат точек (так называемых «ландмарков»), гомологичных для всех объектов выборки [Павлинов, Микешина, 2002].

Для статистического анализа были использованы рисунки профилей 185 кастрюль-лопад. Хронологический диа-

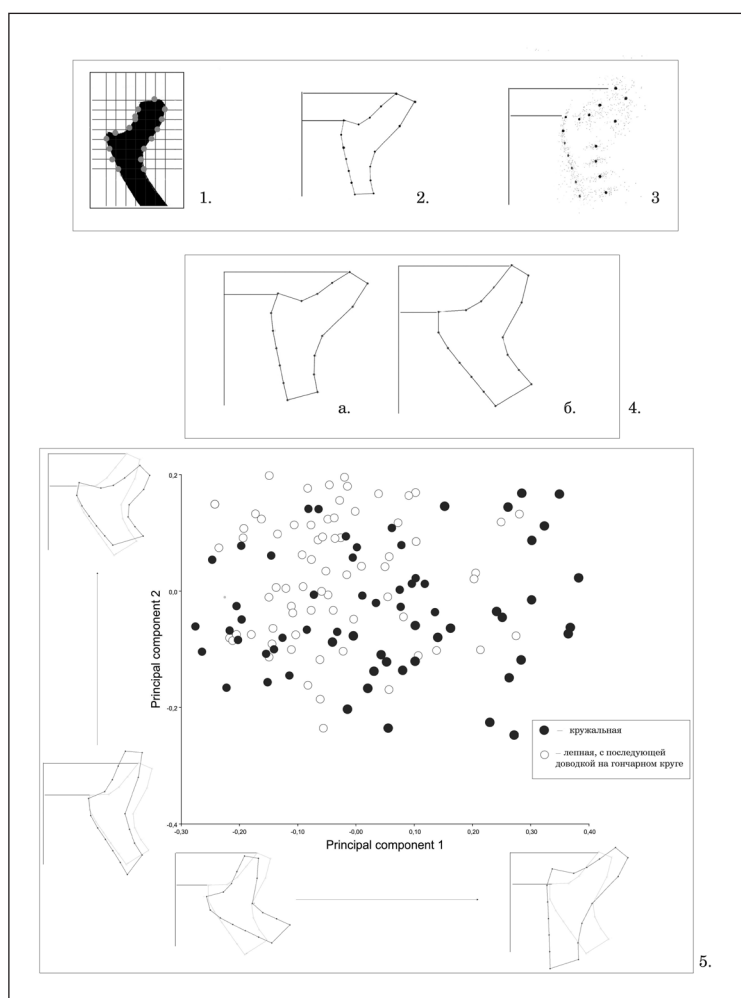

Рис.2. 1. — Схема наложения на объекты точек-ландмарков; 2. — силуэт профиля, построенные по точкам-ландмаркам; 3. — усреднённые ландмарки и облака, образованные ландмарками всех объектов выборки 4. — усреднённые силуэты профилей венчиков: а. — кружальная керамика, б. — лепная, с последующей доводкой на гончарном круге; 5. — диаграмма рассеяния, отражающая зависимость между формой венчика и технологией производства

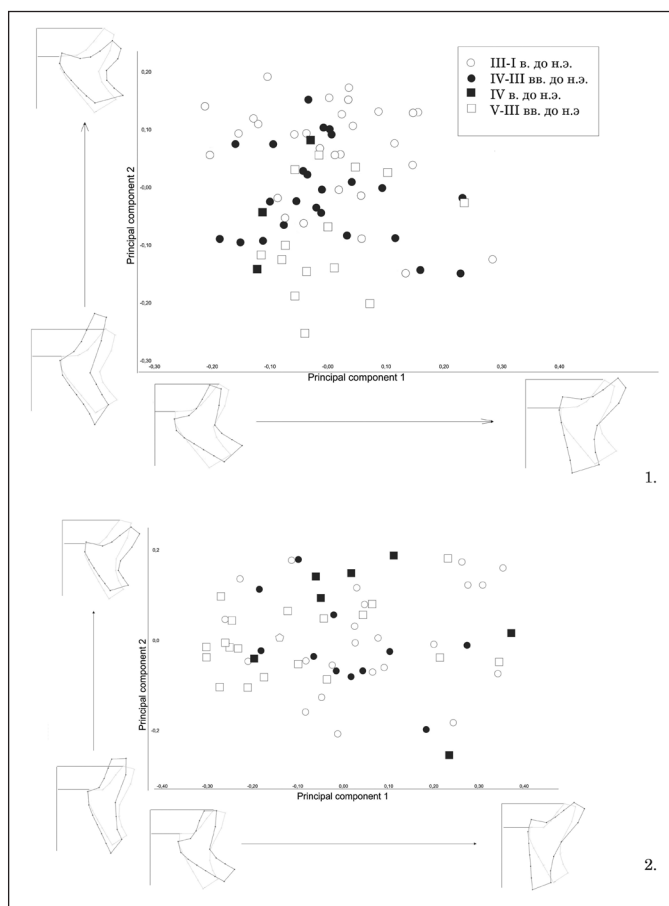

Рис. 3. Диаграмма рассеяния, отражающая зависимость между формой венчика и датирующим материалом: 1. — лепная, с последующей доводкой на гончарном круге; 2. — кружальная керамика.

пазон составил несколько веков: от V в. до н.э. до I в. до н.э.

Предварительно на все изображения объектов была наложена графическая решетка из 7 горизонтальных и 7 вертикальных линий. В программе tpsDig по изображению профиля венчика были расставлены 17 точек в местах пересечения контура венчика и линий решетки: 7 точек с внутренней стороны венчика, 7 — с наружной и 3 — по верхнему краю (рис. 2.1-2.3). Полученные по координатам точек контуры были подвергнуты прокрузовому анализу в программе MorphoJ с последующим сопоставлением показателей сходства между формами контуров (прокрузовых расстояний) методом главных компонент.

В результате анализа были определены направления изменчивости формы профиля венчиков и выявлены различия между кастрюлями, изготовленными на

гончарном круге, и лепными с последующей доводкой. Кружальная керамика имела более тонкие стенки, менее округлое тулово и более вытянутые вверх пропорции венчика (рис. 2.4). Кроме того, была выявлена зависимость между формой венчика и датирующим материалом (рис.3).

В результате анализа методом главных компонент (ГК) основные направления изменчивости выразились в изменении угла наклона стенки тулова кастрюли (1 ГК) и угла наклона внешней закраины венчика (2 ГК). В диаграмме рассеяния по горизонтальной оси слева направо меняется угол наклона стенки, а по вертикальной — угол внешней закраины. В результате, сосуды с округлым туловом расположены в левой части диаграммы, с туловом близким к цилиндрическому — в правой.

Кроме того, в нижней части диаграммы сосредоточены сосуды с вертикальной наружной закраиной венчика, в верхней — сосуды с отогнутой закраиной. Объекты из наиболее ранних слоёв (V-III вв. до н.э.) сосредоточены, в основном, в левой нижней четверти диаграммы, в то время как более поздние сосуды (III-I вв. до н.э.) — в правой верхней. Таким образом, можно говорить о том, что ранние венчики в выборке имеют более округлую форму тулова и более отогнутый наружный край, в то время как для сосудов III-I вв. до н.э. свойственны венчики с отогнутой закраиной и более вертикальной верхней частью тулова.

В целом, можно заключить, что, несмотря на наличие большого количества разных форм венчиков кастрюль-лопад, в материале прослеживается несколько основных устойчивых вариаций, кото-

рые отражают этапы развития формы сосудов. В результате анализа формы кухонной посуды методами геометрической морфометрии, были определены направления изменчивости формы профиля сосудов, и выделены морфологические признаки для венчиков, являющиеся хронологическими маркерами.

Таким образом, в исследовании продемонстрированы возможности анализа массового керамического материала статистическими методами и намечены перспективы для дальнейшего применения этих методов, в том числе, и для изучения античной кухонной посуды.

1. Павлинов И. Я., Микешина Н. Г. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. 2002. Т. 63. № 6. С. 473-493.

2. Klingenberg C. P., 2011, MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resources. Vol. 11. P. 353–357.

3. Rohlf F. J., 2006. Tps Dig, digitize landmarks and outlines, 2.05. New York.

The work deals with the analysis of cooking vessels of Myrmekion. The study demonstrated the possibility of analysis of fragmented mass ceramic material with modern methods of multivariate statistics and geometric morphometry.

Keywords: Myrmekion; massive ceramic material; statistical methods in archeology

УДК 030

Н. Л. Кучеревская

Сцена прощания в Боспорском надгробном рельефе: эволюция изобразительных средств и семантика сюжета

В статье прослеживается эволюция, анализируется иконография художественных образов одного из самых распространенных в искусстве античного Боспора сюжетов надгробных рельефов — сцены прощания.

Ключевые слова: сцена прощания; надгробный рельеф; сюжет; искусство Боспора; погребальный обряд.

Многочисленная коллекция боспорских надгробных стел, хранящаяся в Керченском лапидарии, является одним из ценнейших источников для изучения различных сторон жизни античного Боспора. Надгробные рельефы, как предмет искусствоведческого исследования, привлекают внимание учёных более столетия, но до сих пор ещё недостаточно изучены.

Большое внимание традиционно уделялось исследователями сюжетам боспорских надгробных рельефов. Одна из наиболее распространённых тем боспорских надгробий — сцена прощания. В лапидарной коллекции хранятся 42 памятника с этим сюжетом.

На них в нише-эдикуле представлены фигуры персонажей, объединённые жестом рукопожатия. Часто рядом с умершим изображены другие персонажи, подчас, целая семья, и весь сюжет заключается в том, что родныежимают ему на прощание руку или смотрят на него долгим, внимательным взглядом.

Сцена прощания («рукопожатие»), как один из канонических сюжетов боспорских надгробий, впервые выделена Н. Н. Бритовой в диссертации «Боспорские стелы с рельефными изображениями эллинистическо-римского периода» [Бритова, 1946] в числе основных тем: сидящая на троне женщина с жестом печали; сидящая женщина и стоящий

мужчина; противопоставление двух сидящих женщин; стоящие мужчины (сюда вошли и воины); всадники; всадник и женщина, сидящая на троне; заупокойная трапеза. В своей работе Н. Н. Бритова представила описание, толкование происхождения сюжетов рельефов боспорских стел, иконографию персонажей и пластику рельефа. Однако сцене прощания автором уделено мало внимания.

Подробную классификацию сюжетных групп разработала Т. А. Матковская [Матковская, 1983; 2000]: стоящая женщина в позе печали; стоящий мужчина в ораторской позе; героизированная умершая женщина, сидящая в кресле; всадники; всадник и женщина, сидящая в кресле; воины (пешие); сцена заgrabной трапезы и, наконец, сцена прощания.

Ранее, до перечисленных работ, стелы со сценой прощания не выделялись исследователями в отдельную группу. Г. Кизерицкий и К. Ватцингер, предпринявшие попытку разбора и анализа построения сюжетных, типичных для Боспора, композиций в каталоге «Griechische Grabrelief aus Südrussland» [Kiezeritzky, 1909], выделили всего лишь пять основных тем: сидящая женщина; стоящая женщина; стоящий мужчина; всадники; заgrabная трапеза. Видимо, авторы каталога отнесли изображения персонажей, объединенные рукопожатием, к стоящим фигурам.

Сцена прощания, представляющая собой композицию из двух и более неподвижно стоящих мужских и женских фигур, носит статуарный характер, что было отмечено А. П. Ивановой в монографии «Скульптура и живопись Боспора» [Иванова, 1961], содержащей анализ стилистических особенностей боспорских рельефов.

Однако стелы с одним и тем же сюжетом различаются как манерой исполнения фигур на рельефе, так и декоративным убранством. Приемы декоративного оформления стел систематизированы Т. А. Матковской [Матковская, 1999], на основе архитектурного декора ею разработана классификация

Стела Мусы, жены Тимократа (КЛ-891), II в. до н.э.

боспорских надгробных рельефов по школам [Матковская, 1992]. Более подробная типология разработана ранее Александреску для погребальных стел Мёзии [Alexandrescu, 1975]. Её классификационная структура включает, помимо архитектурных элементов декора, расположение надписей на надгробиях.

Семантике боспорских надгробных рельефов посвящены работы Л. И. Аки-

Стела Никия и Анхиала (КЛ-444), I в. до н.э.

мовой [Акимова, 1999], Д. Ю. Молока [Молок, 1988]. К интерпретации иконографии и символике погребальных сюжетов боспорских надгробий неоднократно обращалась Е. А. Савостина [Савостина, 1988; 1992; 1995]. Однако самой распространенной темы — сцены прощания — исследователи касаются, не вдаваясь в глубокий анализ. Причиной этому, очевидно, служит простота композиции и лежащего на поверхности смысла сюжета.

Семантический смысл жеста рукопожатия трактуется в литературе и как символ почитания могилы и памяти покойного (Матковская, 2000, с. 50), и как тема прощания человека с жизнью (Савостина, 1999, с. 266). Видимо поэтому сцена прощания — наиболее эмоциональный («человечный») сюжет, позволяющий мастеру художественными средствами выразить чувство скорби по поводу утраты близкого человека.

Первые стелы со сценой прощания появляются в боспорских некрополях во II в. до н. э. Этому времени принадлежит надгробие (КЛ-415) с изображением женщины и мужчины в скифском костюме, объединенных рукопожатием; слева от женщины изображена в очень мелком масштабе фигурка служанки. К. Ватцингер датирует рельеф III-II вв. до н. э. Надпись «Саббион и Хреста, прощайте» II в. н. э. вырезана поверх более древней надписи конца II — начала I вв. до н. э. На основании датировки ранней надписи издатели КБН относят рельеф ко II в. до н. э. [КБН, № 704].

К этому же времени относится мраморная стела Мусы, жены Тимократа (КЛ-891) [КБН, № 259], привозная и, по-видимому, выполненная аттическим мастером. На рельефе представлены две женщины, руки их скреплены рукопожатием. Слева показана фигурка служанки с пиксидой в руках. Стелу отличает прекрасное техническое исполнение женских фигур, лиц, причесок и драпировок одежды. Фигуры фронтальны, статичны, угадывается лишь небольшой наклон изящных женских голов навстречу друг другу.

II — началом I в. до н. э. датирована стела Архелая и Фавна, отца Архелая (КЛ-306) из некрополя Пантикапея с изображением воина и юноши,жимающих друг другу руки. Оба персонажа облачены в кафтаны, штаны и плащи. Слева от них изображены юноша в греческом одеянии и мальчик.

I в. до н. э. представлен 11 стелами со сценой прощания. Если ранние три стелы отличаются строгой фронтальной постановкой фигур, устремлённый на нас взгляд персонажей из надгробия, то с I в. до н. э. наблюдается стремление камнерезчика передать эмоциональную связь между обожествленными умершими посредством несложных технических приемов.

Например, на стелах Александрии, жены Аполлония, и Аполлония сына и Гедион, матери Александрии (КЛ-194) [КБН, № 269], на надгробии Мастуса, сына Аноптенида и матери Масатиды (КЛ-195+197) [КБН, № 282] в сцене прощания объединенные рукопожатием фигуры персонажей показаны с намеком на эмоциональную близость героев. Постановка фигур на рельефе фронтальная, однако головы персонажей повернуты навстречу друг другу.

На стеле Психеи, жены Каллуса (КЛ-168) [КБН, № 296] и надгробии Гедион, матери Феагена, и Мастуса, брата Феагена (КЛ-430) [КБН, № 276] лёгкий поворот торса мужчины в сторону женской фигуры передаёт попытку показать душевную близость между супругами, стремление к единению, пусть и в потустороннем мире.

На рельефе стелы КЛ-421 женщины и мужчина обмениваются рукопожатием, слева от женщины показана служанка с пиксидой в руках. Отличительной особенностью рельефа является попытка передачи эмоциональной связи персонажей. Она выражается в трёхчетвертном развороте лица женщины к мужчине, голова которого слегка наклонена в сторону супруги; тела персонажей повернуты друг к другу. Служанка изображена в трёхчетвертном развороте торса, голова по-

казана в профиль, взгляд устремлен на госпожу. Стела Никия и Анхиала уникальна не только стихотворной эпитафией¹ (КЛ-444) [КБН, № 127], но и экспрессией изображения. В эдикуле в трёхчетвертном развороте друг к другу представлены двое юношей — Никий и Анхиал, руки их скреплены братским рукопожатием. Анхиал, предпочтший «смерть прекрасной жизни», изображен с коротким мечом в левой руке. Единство трагичной судьбы умерших — ближайших родственников — передано лёгким, но энергичным наклоном торсов юношей.

Также и на надгробии КЛ-456 фигуры всех персонажей устремлены навстречу друг другу. Тела героизированных умерших изображены в трёхчетвертном развороте, стоящий слева мальчик-слуга показан ещё и с повернутой в профиль головой, в сторону своего господина. Памятник отличаются мягкая манера исполнения, объёмность рельефа, связь драпировок с формой тела.

Практические все надгробия со сценой прощания происходят из некрополя Пантикапея, за исключением стелы Аполлония, сына Агафа, и жены Мегисты и сына Хрестуса (КЛ-205) [КБН, № 995], найденной близ почтовой станции Сенной на Тамани. Из этого следует, что данные надгробия были изготовлены в мастерских Пантикапея.

В конце I в. до н. э. — первой половине II в. н. э. рельефы отмечены изящной проработкой деталей при правильно построенных пропорциях человеческих фигур. Сюжет на рельефах несколько усложняется.

К этому художественному направлению относятся: стела Стратоники, дочери Дама, жены Афрания и сына Фарнака (КЛ-157) [КБН, № 319]. На надгробном рельефе показаны две жен-

Стела Стратоники, дочери Дама, жены Афрания и сына Фарнака (КЛ-157), вторая половина I в. до н.э. — начало I в. н.э.

щины, объединенные рукопожатием. С большим изяществом переданы элементы костюма, драпировки, украшения (браслет на руке женщины); пропорции фигур вытянутые, стройные. Справа от центральных персонажей изображена фигурка служанки с пиксидой в руках, а слева — всадник, стоящий на постаменте, выполненный в очень мелком масштабе. Вероятно, в виде статуи всадника (на это указывает постановка на постаменте) изображен умерший ранее сын Стратоники Фарнак.

К этой же мастерской можно отнести надгробие Каллимедусы, жены Сокла, и сыновей Сокла и Парфенокла (КЛ-214+121) [КБН, № 436], стелу Лингион, матери, и Гедин, жены Садала (КЛ-297) [КБН, № 451].

¹ «Никий и Анхиал, сыновья Анхиала, прощайте. Взгляни, странник, на надгробную стелу Никия, которого сломил тяжкий Аид, изловив злосчастную юность. Ещё до моей кончины единокровный брат Анхиал, увлеченный любовью, предпочел смерть прекрасной жизни. Единая гробница у обоих, единая урна; их пожалеет и камень, изливающий немую скорбь, а несчастные родители у печальной могилы детей не перестают рыдать и причитать. Вместе брачного ложа, странник, нам обоим устроен единый чертог, насыпанный из земли» [КБН, № 127].

Стела Хресты, Италии и Клеоники, дочерей Монима, и сына Маэя (КЛ-307), вторая половина I в. н.э.

Стела Сопатире, жены Гераклида, I в. н. э. (КЛ-413) [КБН, № 516], благодаря едва уловимому наклону женской фигуры в сцене прощания, передаёт настроение лиричности и родственной близости. Рукопожатием обмениваются женщина и мужчина, слева от женщины стоит служанка.

Стела Фарнака и сына Фарнака, и Кули, жены Гераклида (КЛ-171), вторая половина I в. н.э.

Очевидно, надгробие Феодора и Метродора и Ма, матери Феодора со стихотворной эпитафией² (КЛ-440) [КБН, № 135], в которой сквозит тема справедливой мести и посмертного воздаяния, поэтическими и изобразительными приемами создаёт торжественно-печальное настроение. На рельефе стоят, взявшись за руки, двое мужчин в греческом одеянии, слева от них женщина в позе печали. Все персонажи изображены в лёгком развороте голов друг к другу, призванном, по-видимому, создавать иллюзию неотвратимости и трагичности судьбы.

Примыкает к первой ремесленной традиции и стела Хресты, Италии и Клеоники, дочерей Монима, и сына Маэя (КЛ-307) [КБН, № 546]. Рельеф надгробия сложный и многофигурный: в центре изображены трое обожествленных умерших — женщина, слева от неё показаны женщина и мужчина, объединённые рукопожатием, справа и слева — фигурки слуг: девочки слева и мальчика справа, протягивающие виноградные гроздья центральным персонажам. Надпись датирована второй половиной I в. н. э.

Эти рельефы отличает довольно высокий уровень мастерства боспорских резчиков. Рельефы не перегружены деталями, фигуры объёмны, пропорции фигур порой соблюдены, но иногда отклоняются от канона; уделяется внимание расположению драпировок, подчёркивающих очертания тел.

Мастерская продолжает свое существование и во II в. н. э. Сцена прощания по-прежнему остается излюбленным сюжетом боспорских рельефов — 13 стел относятся к этому времени.

Начиная со второй половины II в. н. э., боспорские рельефы со сценой прощания отличает схематичная и даже несколько примитивная («упрощенная») манера исполнения. По-видимому, су-

² Феодор..., и Метродор, отец Феодора, и Ма, мать Феодора, прощайте. Пусть моих убийц постигнет та же судьба, Зевс, покровитель странников, а родители, похоронившие меня, да наслаждаются жизнью» [КБН, № 135].

ществовала ремесленная мастерская, выпускавшая продукцию, рассчитанную на менее состоятельного и, следовательно, менее взыскательного заказчика. Пантикапейские мастера этого направления изготавливают стелы, рельефы которых часто перегружены орнаментом декора, отличаются повышенной скученностью и подчеркнута ремесленным характером изготовления. Стела Фарнака и сына Фарнака, и Кулии, жены Гераклида с изображением объединенных рукопожатием двух мужчин — зрелого бородатого мужчины в греческом одеянии и юноши в скифском костюме, справа стоит женщина, рядом с ней фигурка слуги (КЛ-171) [КБН, № 526] имеет плоскостную композицию, плоский рельеф дополняет «гравированный» прием, изображение упрощенное до схематизма, даже в проработке деталей. На рельефе стелы с арочным навершием, под которым в нише представлены обменивающиеся рукопожатием женщина и мужчина (КЛ-220) фигуры большеголовые, с нарушенными пропорциями, выполнены в условно-примитивной манере. «Пряничная» манера исполнения характерна для стелы со сценой прощания (КЛ-450).

Стелы, относящиеся ко второй половине I — II вв. н. э. (КЛ-220, КЛ-171), отличаются плоскостная композиция и плоский рельеф, дополненный «гравированным» приемом; изображение упрощено до схематизма, даже в проработке деталей. На поздних рельефах наблюдается огрубление стиля, складки одежды преобладают над пластичностью и формой, фигуры статичны, пропорции нарушены, Чувство объема, формы, способности к передаче движения исчезает.

Как мы видим, профессиональная квалификация мастеров, изготавливавших надгробия, была не одинаковой, качество исполнения отдельных рельефов различно. Однако было бы неправильно объяснять условные черты боспорского надгробного рельефа только неумением художника, в большинстве случаев они соответствовали содержанию.

Сцена прощания уходящего в мир иной с родными и близкими представлена прощальным рукопожатием. Фигуры стоят фронтально, разъединенность мертвого и живого выражена отсутствием внутреннего единства композиции: персонажи смотрят прямо перед собой, взгляды их не встречаются, соединяет их только рукопожатие — символ почитания могилы и памяти покойного. Иногда рядом с родителями изображали детей. Классическая схема рукопожатия как нельзя более соответствует жертвенной идее. Архитектурное обрамление стелы — храм-наиск — есть место встречи богов и людей, умерших и живых. По поверьям древних, умершие не могут существовать без жертвоприношений. Жертвы приносят умершим для обновления божественной сущности.

Вероятно, перед нами на стеле не сцена прощальной встречи физических существ, но встреча душ, которая могла осуществиться лишь в результате жертвоприношения. Что касается встречи, её местом не был действительный мир. Душа умершего не могла явиться

Стела со сценой прощания (КЛ-220), II в. н.э.

обычному живому — она могла явиться только его душе. Умерший и живой встречаются взглядами не своих обычных глаз, но очей подсознательных, видящих более, чем ограниченный физической природой человек, и глядящих в пространстве не обычном, земном, но там, где временное пребывает на границе с вечным, где боги приоткрывают смертным горизонт, разделяющий Аид и землю. Единение взглядов усиливает мысль о неразделимости этих сфер и необходимой их взаимосвязи. «В диалоге взглядов умерший и живой получают знание невидимых им и потому неведомых миров. Ведь *знать* (ведать) — это то же, что *видеть*» [Акимова, 1999, с. 168].

Особенностью стилевого исполнения рельефов со сценой прощания, по-видимому, можно считать собирательность, обобщенность образов, лаконичность. Обычно на них отсутствует тонкая проработка деталей. В надгробных памятниках эллинистического времени нашли отражение греческие традиции. Практически одновременно с ними существовала другая, местная художественная традиция, для которой характерно усиление условных черт, чуждых греко-римской скульптуре этого времени, выразившихся в статичности, плоскостности и суммарности форм. На этих рельефах наблюдается огрубление стиля, пропорции фигур нарушены, заметна склонность к фронтальной постановке. Чувство объ-

ема, формы, способности к передаче движения исчезает. Плоский рельеф и плоскостная композиция сочетаются с тщательной графической проработкой деталей и декоративным решением рельефа [Кучеревская, 2004, с. 219–224]. Изучение стилистических особенностей показывает довольно сложную картину взаимодействия греческого и местного элементов, что наглядно представлено в рельефах со сценой прощания.

Тематика боспорского надгробного рельефа полностью связана с представлениями о загробной жизни и культом героизированных умерших. Именно выражению идеи героизации подчинены статичность, плоскостность и фронтальность постановки фигур на боспорских рельефах. По-видимому, сакральный смысл сюжета преобладает над техникой и манерой исполнения рельефа. Духовное, вечное ставится выше материального, земного.

Произведения боспорских мастеров отражали художественные вкусы боспорян. Возможно, именно поэтому боспорское искусство носит декоративный и ремесленный характер, однако это не уменьшает его эстетически-художественной значимости. Не следует забывать, что в древности не существовало резкой грани между искусством и ремеслом. И порой именно элементы местного художественного творчества заслуживают наибольшего внимания исследователей.

1. Акимова Л. И. «Встреча взглядов» на аттических надгробиях. К интерпретации Таманской стелы с воинами // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. М., 1999. С. 177–204.

2. Бритова Н. Н. Боспорские стелы с рельефными изображениями эллинистическо-римского периода: автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. искусствоведения: спец. 17.00.04 «Теория и история искусства». М., 1946. 21 с.

3. Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. 150 с.

4. Корпус Боспорских надписей. М.–Л., 1965. 950 с.

5. Кучеревская Н. Л. Типы надгробных памятников античного Боспора и их хронологические рамки // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 2004. С. 219–224.

6. Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н.э. // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 114–136.

7. Матковская Т. А. Мастерские надгробного рельефа европейского Боспора I в. до н.э. — II в. н.э. // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 10. М., 1992. С. 387–407.

8. Матковская Т.А. Композиционное применение архитектурных элементов и растительного декора в надгробиях Европейского Боспора (II в. до Р.Х.-II в. н.э.) // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь, 1999. С. 113–120.
9. Матковская Т. А. Камень, изливающий немую скорбь. Керчь, 2000. 96 с.
10. Молок Д. Ю. Черты имплицитной мифологии в надгробиях греческой классики // Жизнь мифа в античности. Випперовские чтения — 1985. Ч.2. М., 1988. С. 147–156.
11. Савостина Е. А. Миф и культ героя // Жизнь мифа в античности. Ч.2. М.: ГМИИ, 1988. С.98–115.
12. Савостина Е. А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. 1992. Вып.10. С.357–386.
13. Савостина Е. А. Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). 1995. Вып.1. С. 110–119.
14. Alexandrescu V.M. Les stèles funéraires de la Mésie inférieure // Dacia. 1975. №19. S. 183–200.
15. Kiezeritzky G., Watzinger K. Griechische Grabrelief aus Südrussland. Berlin, 1909. XI. 148 s., 56 Taf.

The article traces the evolution and analyzes the iconography of the artistic images of one of the most common plots in the Art of the ancient Bosphorus gravestone reliefs – a farewell scene.

Keywords: *farewell scene; funerary relief; plot; Bosphorus Art; funeral rites*

УДК 94(495).02

В. В. Майко, В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев

Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское»¹

Статья, носящая публикационный характер, посвящена хозяйственным ямам салтовского периода, выявленным и исследованным в 2012-2015 гг. в восточной части городища «Белинское» на территории Керченского полуострова. До настоящего времени данные сооружения на памятниках салтово-маяцкой культуры Крыма специально не рассматривались. На основании существующих разработок для других регионов салтово-маяцкой культуры впервые проанализированы типы хозяйственных ям и их датировка, предложенная на основании археологического материала. Предпринята попытка реконструкции хозяйственной специализации поселения.

Ключевые слова: *Восточный Крым; салтово-маяцкая культура; поселение «Белинское»; хозяйственные ямы.*

Городище «Белинское», расположенное на скальном плато вблизи северного участка Узунларского вала, по результатам многолетних раскопок, датируется началом II — серединой V века нашей эры [Зубарев, Седых, 2013, с. 250-274]. Однако на территории бывшего античного городища довольно определенно фиксируются и ранне-средневековые слои, имеющие прямое отношение к салтово-маяцкой культуре VIII-IX вв., что является традиционным для Керченского полуострова. Наиболее выражены они в восточной части городища, где на обрывистом углу пла-

то были раскопаны остатки фундаментов стен и несколько хозяйственных ям, относящихся к данному периоду.

Общая площадь раскопа «Восточный» составляет 570 м². Раскопки проводились в 2008 и в 2013-2015 гг. большими площадями с фиксацией синхронных строительных остатков каждого строительного периода по всей площади раскопа, вплоть до уровня древней дневной поверхности, подстилающей культурный слой. Такая методика позволила получить за относительно короткий срок достаточное количество материала для реконструкции антропогенных изме-

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ №2014/389 (НИР №1799).

нений на указанном участке городища. За годы исследований работы на раскопе «Восточный» были доведены до уровня материкового слоя. Мощность культурного слоя здесь составляет 0,2-1,4 м. Все это свидетельствует как об интенсивной хозяйственной деятельности на протяжении довольно большого хронологического периода, так и о важности данного участка городища.

На раскопе 2008-2014 гг. слой салтовского периода — рыхлая тёмно-серая супесь — прослеживается только на некоторых участках (северном и юго-западном). Верхняя граница слоя тёмно-серой супеси 0,1 м от дневной поверхности, нижняя 0,2-0,5 м. Мощность слоя 0,1-0,4 м. На раскопе

2015 г. слой тёмно-серой супеси был выявлен практически на всей его площади. Здесь верхняя граница от дневной поверхности слоя тёмно-серой супеси 0,1-0,2 м, нижняя граница 0,3 м. Мощность слоя 0,1-0,2 м. Слой тёмно-серая супесь — рыхлый, с большим количеством золы, древесного угля, раковин мидий и виноградной улитки.

К данному слою относятся несколько хозяйственных ям, которые хотя и трудно связать с выявленными остатками помещений в единый хозяйственный комплекс, безусловно, вызывают интерес. Большинство из них были впущены с верхнего уровня практически точно на участки старых античных ям. По этой причине материал из данных ям, в значительной степени, оказался смешанным.

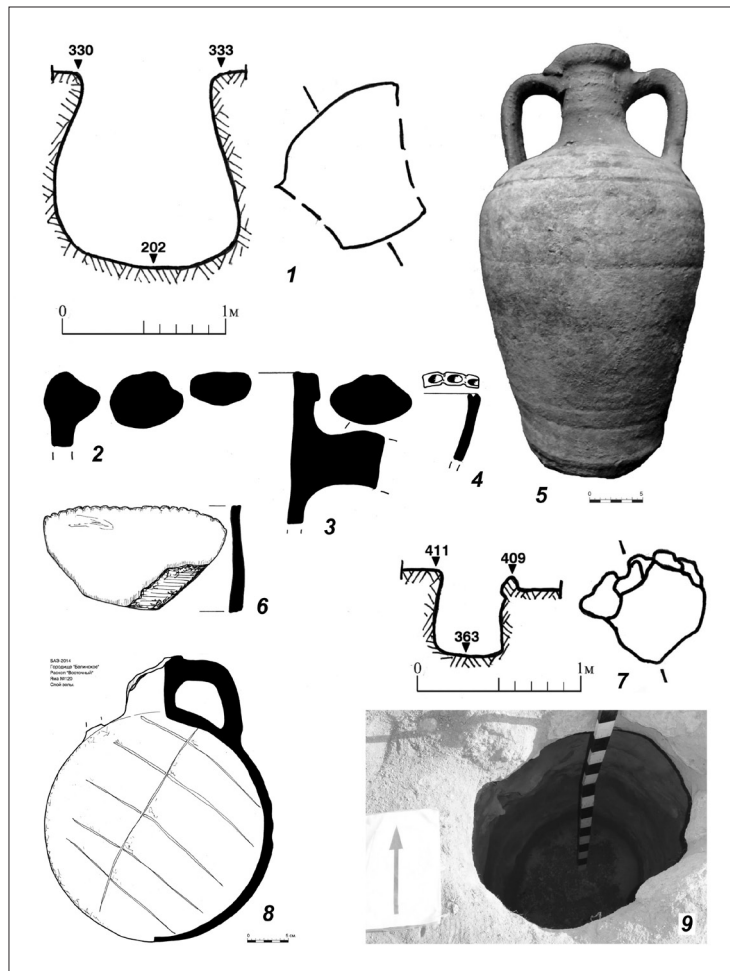

Рис. 1. Средневековое поселение «Белинское». Хозяйственные ямы №№ 116 и 120. 1-6 — план, разрез и археологический материал из ямы 116; 7-9 — план, разрез, общий вид и археологический материал из ямы 120.

До настоящего времени специальное изучение хозяйственных ям, обнаруженных на поселениях крымского варианта салтово-маяцкой культуры, не проводилось. Наличие этих объектов постоянно упоминалось в литературе [Майко, 2004, с. 101-103; Майко, 2009, с. 259-268], но отдельно они не анализировались. Напротив, для других регионов распространения салтово-маяцкой культуры, особенно, для Нижнего Дона, они неоднократно становились объектом пристального внимания специалистов. В частности, в последней работе Л. Ю. Нидзельницкой и А. А. Кулакова выделено два их типа и несколько вариантов [Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 15]. Кроме того, подчеркивалось значение хозяйственных ям для хранения зерна в качестве

одного из существенных признаков степного Донецкого варианта салтовомаяцкой культуры и индикатора хозяйственной специализации этого региона [Красильников, 2012, с. 36]. Перейдем к описанию ям.

Яма № 116 выявлена в 2013 году на глубине 0,4 м от дневной поверхности в слое золы. Она была обозначена вертикально стоящими, грубо сколотыми плоскими камнями (0,3x0,4x0,2) образующими окружность диаметром 0,7 м, возможно, имитирующую домашний очаг. При этом, горловина ямы была полностью заполнена золой без всяких примесей и какого-либо материала. Более того, впущенная с более высокого уровня средневековая яма своей нижней частью частично перекрыла и разрушила горловины античных ям №№ 130 и 116а.

Форма ямы — округлая в плане, колоколовидная в разрезе (рис. 1, 1). Выкопана в рыхлом культурном слое золы и желтого суглинка. Диаметр горловины — 0,7 м, дна — 1,1 м, глубина — 1,2 м. Дно скальное ровное плавно переходящее в стенки.

Яма № 120 выявлена в центральной части раскопа в 2013 году на глубине 0,5 от дневной поверхности в слое темно-серого суглинка. Её горловина подобным же образом, как и у ямы № 116, была обозначена поставленными вертикально необработанными плоскими камнями жёлтого ракушечника и белого известняка местного происхождения (0,4x0,3x0,1), без следов воздействия огня. При этом горловина также была заполнена золой, без всяких примесей и материала.

Форма ямы — округлая в плане, колоколовидная в разрезе (рис. 1, 7,9). Яма выкопана в рыхлом культурном слое золы и желтого суглинка. Частично перекрывает подход к античной яме № 135, скальное дно которой на юго-восточном участке стало дном средневековой ямы. Дно ровное скальное, плавно переходящее в стенки. Размеры горловины — 0,55 — 0,8 м. Размеры дна — 0,8 — 1,1 м. Глубина — 1,5 м.

Яма № 121 выявлена в юго-западной части раскопа в 2013 году на глубине 0,4 от дневной поверхности в слое золы. Форма ямы — традиционно округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Выкопана в рыхлом культурном слое золы и желтого суглинка, в который была впущена с более высокого уровня слоя золы или тёмно-серой супеси, точно определить который не удалось. Дно ровное скальное, плавно переходящее в стенки. Диаметр горловины — 1,0 м. Диаметр дна — 1,2 м. Глубина — 1,0 м (рис. 2, 1).

Яма № 142 выявлена в юго-западной части раскопа на глубине 0,5 м от дневной поверхности в слое золы. Форма ямы — округлая в плане, подцилиндрическая в разрезе, с неровными вертикальными стенками с небольшим расширением ко дну. Вырублена в фундаменте античной стены № 151 помещения № 55. В указанный фундамент яма была впущена с более высокого уровня слоя темно-серой супеси, точно определить который не удалось. Дно скальное ровное. Размеры горловины — 0,7x1,7 м. Размеры дна — 1,0x1,9 м. Глубина — 0,8 м (рис. 2, 3). Сохранилась часть нижней части обкладки ямы с юго-западной стороны длиной 1,25 м, шириной до 0,5 м. Она представляет собой 3 плоских камня желтого ракушечника (0,4x0,5x0,1; 0,3x0,2x0,1; 0,35x0,2x0,1) лежащих на подсыпке желтого суглинка мощностью 0,05-0,1 м, на материковой скальной поверхности.

Грунт заполнения указанных ям достаточно однороден. Это, в основном, рыхлая зола с большим содержанием раковин мидий и виноградной улитки. Иногда встречаются кусочки древесного угля, азовская ракушка и горелый ракушечник. Попадают и мелкие кусочки мела (ямы №№ 120, 121). находки из грунта заполнения, как правило, представлены фрагментами амфор и другой посуды позднеантичного и салтовского времени (рис. 1, 2-4). Отметим две целые амфоры причерноморского типа (VIII-X вв.) в яме № 116. При этом, одна из них, поставленная вертикально

в верхних слоях, была с запечатанным глиной горлом и жидкостью тёмного цвета внутри (рис. 1, 5). Вторая пустая лежала на самом дне ямы. В этой же яме был обнаружен фрагмент костяного изделия (гребня?) (рис. 1, 6). На дне другой ямы № 120 был найден развал средневековой фляги крымского производства (рис. 1, 8). На одной из её стенок сохранилось граффити в виде пересекающихся линий.

Представляют интерес несколько однотипных сдвоенных ям, специально разделенных между собой каменной перегородкой. Подобные сооружения на памятниках крымского варианта салтово-маяцкой культуры встречены впервые. Функциональное назначение таких объектов остается неизвестным, но, в целом, они полностью соответствуют сдвоенным хозяйственным ямам поселения Мартыново I на Нижнем Дону [Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 21, рис. 10, 3-6]. Правда, они каменной перегородкой не разделены, последнюю можно рассматривать в качестве специфического элемента крымских объектов.

Так ямы №№ 119/129 были выявлены в 2013 году на глубине 0,6 м от дневной поверхности в слое золы (рис. 3, 6). Вырублены в скальном грунте и в фундаменте стены № 142 помещения № 52 античного времени. Форма ям однотипная, все они округлые в плане, колоколовидные в разрезе. В скальный грунт и в указанный фундамент ямы были впущены с более высокого уровня слоя темно-серой супеси, точно определить кото-

рый не удалось. Диаметр горловины ямы № 119 — 1,15 м, дна — 1,4 м, глубина — 0,55 м (рис. 3, 4). Диаметр горловины ямы № 129 — 1,0 м, дна — 1,1 м, глубина — 0,5 м. Дно скальное ровное плавно переходящее в стенки (рис. 3, 5).

С юго-западной стороны ямы № 119 и с северо-восточной стороны ямы № 129 сохранилась каменная загородка (0,6x0,5) толщиной 0,6-0,1 м, сложенная из нескольких необработанных камней жёлтого ракушечника и белого известняка.

Ямы №№ 122/141 были выявлены в юго-западной части раскопа в 2013 году на глубине 0,9 от дневной поверхности в слое жёлтого суглинка (рис. 4, 1). Форма ям также однотипная, все они округлые в плане, подцилиндрические в разрезе, с ровными

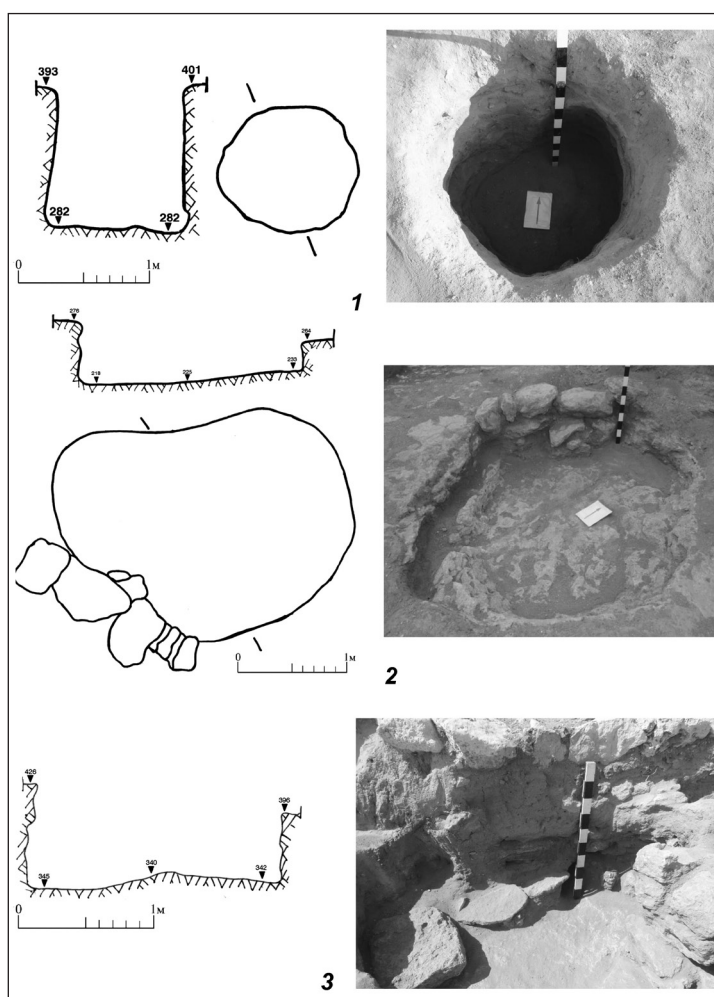

Рис. 2. Средневековое поселение «Белинское». Хозяйственные ямы №№ 121, 137 и 142. 1 — план, разрез и обlique вид ямы 121; 2 — план, разрез и обlique вид ямы 137; 3 — план, разрез и обlique вид ямы 142.

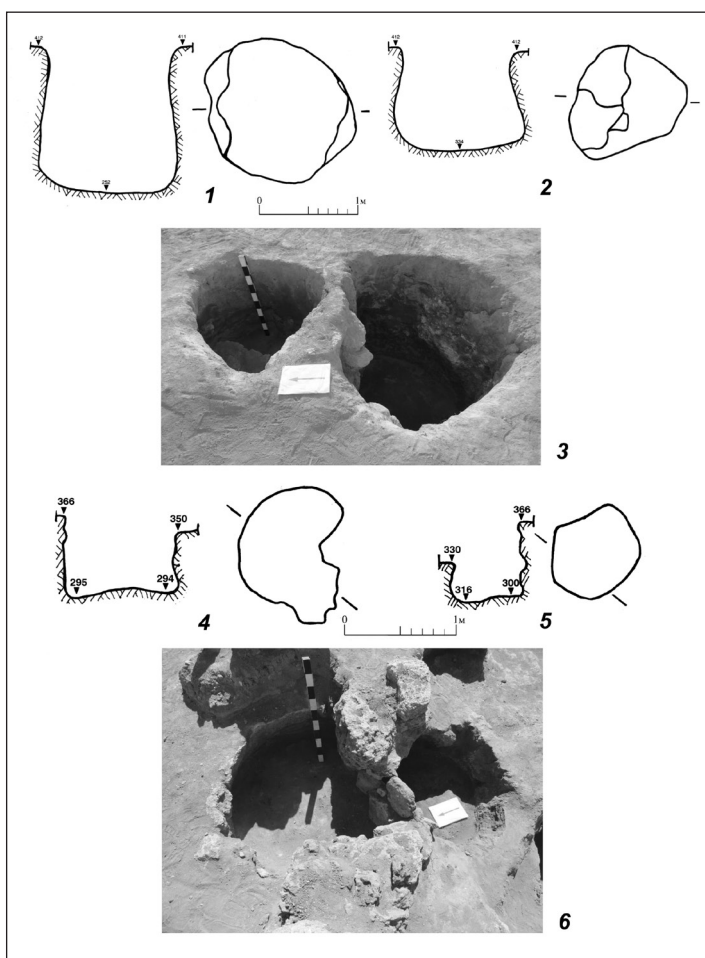

Рис. 3. Средневековое поселение «Белинское». Парные хозяйственные ямы №№ 138/139 и 119/129. 1 — план и разрез ямы 138; 2 — план и разрез ямы 139; 3 — общий вид ям 138/139; 4 — план и разрез ямы 119; 5 — план и разрез ямы 129; 6 — общий вид ям 119/129.

вертикальными стенками. Выкопаны в рыхлом культурном слое жёлтого суглинка, в который были впущены с более высокого уровня слоя темно-серой супеси, точно определить который не удалось. Дно скальное неровное. Размеры выявленной горловины ямы № 122 — 2,1x1,8 м, дна — 2,1x1,8 м, глубина — 0,4-0,5 м (рис. 4, 4). Размеры горловины ямы № 141 — 1,5x1,0 м, дна — 1,5x1,0 м, глубина — 0,4-0,5 м (рис. 4, 3).

С южной стороны ямы № 122 и с северной стороны ямы № 141 сохранилась каменная обкладка-перегородка длиной 2,7 м, шириной 0,4-0,6 м, высотой 0,6 м (рис. 4, 2). Сохранность до 7 рядов кладки. Кладка двухслойная, двухлицевая. Кладочный материал обоих сло-

ев — плоский бутовый камень жёлтого ракушечника и вертикально поставленная крышка от ямы. Кладочный раствор глинистый.

Впущенные с более высокого уровня ямы №№ 122/141 своей нижней частью перекрыли горловину античной ямы № 146. При этом каменная перегородка разместилась точно по центру её горловины.

Ямы №№ 138/139 были выявлены в юго-западной части раскопа на глубине 0,9 от дневной поверхности в слое желтого суглинка (рис. 3, 3). Форма ям однотипная, все они округлые в плане, подцилиндрические в разрезе, с неровными вертикальными стенками. Выкопаны в рыхлом культурном слое золистой супеси и жёлтого суглинка, в который были впущены с более высокого уровня слоя тёмно-серой супе-

си, точно определить который не удалось. Дно скальное неровное. Размеры горловины ямы № 138 — 1,6x1,9 м, дна — 1,6x1,9 м, глубина — 1,6 м (рис. 3, 1). Размеры горловины ямы № 139 — 1,3x1,1 м, дна — 1,5x1,3 м, глубина — 0,7-1,0 м (рис. 3, 2).

На северо-восточном участке ямы № 138 и юго-западном участке ямы № 139 сохранилась каменная обкладка-перегородка длиной 0,9 м, шириной 0,4 м, высотой 0,6 м. Сохранность до 3 рядов кладки. Кладка однослойная, двухлицевая. Кладочный материал — необработанный камень жёлтого ракушечника (0,3x0,1x0,2). Кладочный раствор глинистый.

Впущенные с более высокого уровня ямы №№ 138/139 своей нижней ча-

стью перекрыли горловину античной ямы № 145. При этом, каменная перегородка, как и в случае с ямами №№ 122/141, разместилась точно по центру её горловины.

Грунт заполнения ям с каменными перегородками, в основном — жёлто-коричневый суглинок с большим содержанием золы, раковин мидий, виноградной улитки. Встречаются азовская ракушка и, иногда, прослойки материковой зелёной глины (обмазка ям?). Грунт заполнения ям №№ 119/129 выделяется большим содержанием золы и древесного угля, раковин мидий, азовской ракушки и горелого ракушечника. Отмечены здесь и кусочки мела.

Находки из грунта заполнения ям представлены фрагментами амфорного и другого материала довольно широкого хронологического диапазона. Это разнообразные фрагменты, в том числе венчики и стенки лепных мисковидных сосудов с усечено-коническим туловом и расходящимися краями со следами волнистого врезного орнамента.

Много в данных ямах и необработанных камней жёлтого ракушечника среднего размера, встречены фрагменты обкладки, и даже крышки от, скорее всего, античной ямы. Особо стоит отметить находку небольшой части тарапана (0,4x0,15) и антропоморфа из желтого ракушечника (0,32x0,32x0,07) (яма № 122) (рис. 4, 5).

Похоже, что к указанным ямам условно можно отнести ещё один подобный объект, который также имеет типологически схожую каменную стенку (обкладку?), напоминающую перегородку двоянных ям.

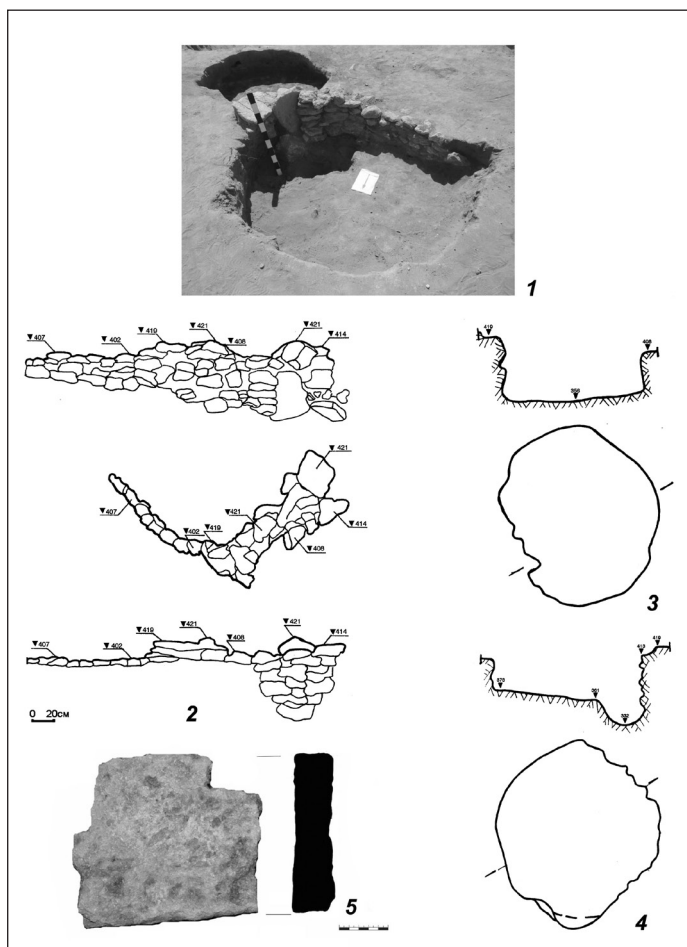

Рис. 4. Средневековое поселение «Белинское». Парные хозяйственные ямы №№ 122/141. 1 — общий вид ям 122/141; 2 — план и фассировки каменной кладки, разделяющей ямы; 3 — план и разрез ямы 141; 4 — план и разрез ямы 122; 5 — каменный антропоморф? из ямы 122.

Яма № 137 была выявлена в северной части раскопа на глубине 0,9 от дневной поверхности в слое золистой супеси. Форма ямы — округлая в плане, подцилиндрическая в разрезе, с неровными вертикальными стенками. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня слоя темно-серой супеси, точно определить который не удалось. Дно скальное неровное, с выступом в юго-западной части ямы (1,8x0,2x0,15) и небольшим понижением к северу. Размеры горловины — 3,0x2,5 м, дна — 3,0x2,5 м, глубина — 0,4-0,5 м (рис. 2, 2). В северо-западной части сохранилась каменная обкладка ямы длиной 1,9 м, шириной 0,6 м, высотой 0,5-0,6 м. Кладочный материал — необработанный камень желтого ракушечника (0,6x0,5x0,2), со-

хранность до 3 рядов кладки. Кладочный раствор глинистый.

Грунт заполнения ямы однороден — жёлто-коричневый суглинок с большой примесью золы, раковин мидий, виноградной улитки, мелкого щебня, кусочков древесного угля. Материал из грунта заполнения представлен фрагментами амфор и гончарной красноглиняной посуды, как правило, позднеантичного времени. На дне же ямы были найдены две стенки лепной салтовской посуды подправленной на гончарном круге, с характерным врезным линейно-волнистым орнаментом. Отсюда же происходят и другие фрагменты лепной

керамики салтовского времени и амфорная пробка.

Подводя предварительные итоги, необходимо отметить, что количества средневековых хозяйственных ям поселения «Белинское» пока недостаточно для статистических выводов и типологического членения. Тем не менее, большое их число и, тем более, наличие парных ям с каменными перегородками предоставляется важным источником для реконструкции хозяйственной специализации населения данного памятника.

1. Зубарев В. Г., Седых Е. Е. Планировки и основные этапы застройки городища «Белинское» во II — первой половине V в. н. э. // Боспорские исследования. Керчь, 2013. Вып. XVIII. С. 250-274.

2. Красильников К. И. К вопросу о правомерности понятия «Степная Донецкая» салтовомаяцкая этнокультура праболгар // Дриновський збірник. Том V. Харків-Софія, 2012. С. 32-41.

3. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.

4. Майко В. В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности 2009. Харьков, 2009. С. 263-272.

5. Нидзельницкая Л. Ю., Кулаков А. А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности. Аксай, 2013. С. 9-49.

Article having printing character is devoted to the economic holes of the saltovsky period revealed and investigated in 2012-2015 in east part of the ancient settlement "Belinskoye" in the territory of the Kerch Peninsula. So far these constructions on monuments of saltovo-mayaki culture of the Crimea specially weren't considered. On the basis of the existing developments for other regions of saltovo-mayaki culture, types of economic holes and their dating offered on the basis of archaeological material are for the first time analyzed. An attempt of reconstruction of economic specialization of the settlement is made.

Keywords: East Crimea; saltovo-mayaki culture; settlement "Belinskoye"; economic holes

УДК 94 902.2:502.8

С. П. Матвеев

Охрана историко-культурных и археологических памятников Керчь-Еникальского градоначальства в XIX — начале XX века

Исследование посвящено анализу организации охраны исторических памятников правоохранительными органами Российской Империи на территории Керчь-Еникальского градоначальства.

***Ключевые слова:** Департамент полиции (ДП); Министерство внутренних дел (МВД); историко-культурное наследие; охрана памятников; «счастливчик»; кладоискатели*

Новым этапом истории охраны культурного наследия в Российской Империи стал XIX век. В этот период начинается его полноценное изучение и сохранение. Первыми простейшими способами на заре археологии стали методы по выявлению и фиксации памятников. Тогда же зарождается интерес к славянским памятникам, что неотделимо от процесса роста национальной гордости за страну после войны 1812 года. Сформировалось понятие «памятник древнерусского зодчества».

В первой четверти XIX века проводятся археологические раскопки на юге России, в ходе которых были обнаружены и зафиксированы памят-

ники, послужившие основой для экспозиций археологических музеев южного региона, которые были открыты каскадом в Феодосии, Одессе, Керчи, первый в 1811, второй в 1825 и третий в 1826 годах соответственно. Бессистемные и неконтролируемые раскопки подтолкнули правительство на законодательную регламентацию. В 1822 году было издано распоряжение о «сохранении памятников древности в Крыму». В 1823 году будущий Керчь-Еникальский градоначальник И. А. Стемповский представил на рассмотрение губернатора Новороссийского края графа М. С. Воронцова проект о сохранении памятников. В нём

впервые были названы задачи, ставшие классической программой в Северном Причерноморье: составление свода известий древних авторов по истории и географии региона, корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, фиксация всех памятников, проведение раскопок, консервация, составление планов и чертежей, реставрация и организация мероприятий по охране. Позже, уже в масштабах Российской Империи, в 1859 году будет создана специальная Императорская археологическая комиссия, среди обязанностей которой будет и выдача разрешений на археологические раскопки.

Тенденция выявления и фиксации российских древностей проявилась в издании важнейшего циркуляра Министерства внутренних дел гражданским губернаторам в 1826 году «О доставлении сведений об останках древних зданий и воспрещении разрушать оные». Значение этого документа трудно переоценить — это была своего рода правительственная программа по выявлению информации о древних постройках в масштабе всей России. В губернии были направлены специальные вопросы, ответы на которые доставлялись затем в Техничко-строительный комитет Министерства внутренних дел. Так, в короткое время была собрана огромная информация о древних зданиях России.

В 1834 году было выпущено постановление о запрете раскопок на казенных и общественных землях без разрешения местного начальства (первый шаг в сторону государственного контроля всех археологических работ). Многие положения, важные для охраны памятников, нашли отражение в «Строительном уставе», формирование которого, как системы противопожарных правил, началось ещё в середине XVII века. Этот устав публиковался в Своде законов Российской Империи. Отдельный его раздел касался памятников церковной старины. Но наличие этого устава не отменяло необходимости создания специального закона об охране памятни-

ков. Публикациями в печати, научными трудами, выступлениями на съездах учёные создавали общественное мнение о необходимости сохранения российской старины.

Первый проект закона об охране памятников был подготовлен Московским археологическим обществом; в 1869 году А. С. Уваров — председатель общества — огласил на I Археологическом съезде в Москве «Проект мер охранения памятников старины». Там были выделены два направления охраны наследия: «приведение в известность всех доселе существующих ещё памятников» и «самый способ сохранения и ограждения от всякого повреждения». Позднее проект был доработан и конкретизирован в 1877 г. специальной комиссией при Министерстве народного просвещения во главе с князем А. Б. Лобановым-Ростовским, получив название «Проект правил о сохранении исторических памятников». В этом проекте главная роль отводилась в сохранении памятников не учёным, а государственным ведомствам и учреждениям. Центральным координирующим учреждением являлась Императорская комиссия о сохранении исторических памятников при Министерстве народного просвещения. К сожалению, проект не был осуществлен из-за отказа министра финансов выделить средства на его реализацию.

В 1911 г. на обсуждение в Государственную думу был вынесён проект положения «Об охране древностей». Согласно этому документу, древностями назывались те памятники зодчества, ваяния и живописи, которые имели значение источников познания отечественной истории. В проекте была предложена стройная государственная система сохранения памятников старины. В центре этой системы стоял Комитет по охране древностей. В 1912 году проект подвергся критике и не был утвержден. Порядок сохранения древностей согласно проекту был таков: по инициативе с мест памятники вносили в государственный список, который утверждался

комитетом. Безоговорочно сохранялись предметы старины, принадлежащие музеям, библиотекам. Древности, особо замечательные в историческом отношении, находившиеся в частном владении, могли быть выкуплены у частных лиц. Проект обсуждался, но из-за излишней централизации деятельности по охране, полного игнорирования научных обществ и учреждений, нечёткости формулировок был отклонен. Проблемы остались нерешёнными, в том числе вывоз древностей из страны и сохранность памятников, находящихся в частных владениях.

К 1917 году в России не было стройной государственной системы охраны древностей, не было закона о запрещении вывоза культурных ценностей из страны, не было комплекса законодательных мер, регламентирующих сохранность памятников старины, находившихся в частной собственности. Зато огромный шаг вперед был сделан в разработке методических вопросов сохранения памятников — определении понятий «памятник», «древность», классификации объектов, выявлении и научном обосновании критериев их ценности. Первая мировая война обострила ситуацию в сфере сохранения наследия. Отсутствие закона, запрещавшего вывоз художественных и исторических ценностей, привело к их расхищению и уничтожению.

Проблема сохранения памятников была актуальна для Керчь-Еникальского градоначальства. Первые сенсационные открытия начала XIX века — курганов Патиниоти и Куль-Обы — стали мощным катализатором дела по поиску древностей. Законодательная база, которая бы регулировала отношения государства, с одной стороны, и юридических и физических лиц, с другой стороны, в данной сфере отсутствовала. Усугубляло положение и то, что археология как наука ещё не сформировалась на тот момент. Директора Керченского музея древностей и некоторые иные исследователи, которые зачастую являлись

чиновниками местной администрации, получали разрешения на проведение «археологических изысканий», правда основной целью этих работ, конечно же, был поиск предметов античного искусства, и больше — из драгоценных металлов. Всё остальное же, не имея ни разрешений, ни необходимых знаний и понимания исторической важности и ценности памятников истории и предметов, занимались бесконтрольными варварскими раскопками и ограблением исторических памятников.

Роль правоохранительных органов Российской Империи в борьбе с уничтожением культурно-исторического наследия, разграблением памятников, продажей находок, можно описать следующим образом. На территории градоначальства во второй половине XIX века действовали следующие структурные подразделения силовых ведомств, которые могли принимать прямое или косвенное участие в деле сохранения культурно-исторического наследия:

1. Особый Керченский отдел Отдельного корпуса пограничной стражи
2. Керченская крепостная жандармская команда
3. Помощник начальника Таврического губернского жандармского управления с приданным штатом.
4. Полицейское управление Департамента полиции МВД.

Самое деятельное участие, естественно, принимала полиция, остальные силовые структуры фактически не участвовали в данном процессе, хотя доподлинно известно то, что рассылка законодательных актов и циркуляров МВД распространялась и на них. В городе было три участка. Штат составлял более сотни человек, однако полностью они укомплектованы никогда не были, по причине финансовых злоупотреблений со стороны руководства полиции города. Из-за недокомплекта страдала, в первую очередь, основная работа, и как следствие, борьба с так называемыми «счастливыми», людьми, которые занимались незаконными раскопками древних памятников с целью

личной наживы. Вот только некоторые из эпизодов, описывающих случаи, которые имеют отношение к исследуемой теме. Первый и самый знаменитый эпизод — это открытие кургана Куль-Оба и исследование его Полем Дюбрюксом. Нет необходимости рассказывать предысторию, интересен лишь факт разграбления этого захоронения. На третьи сутки раскопок караул на ночь оставил пост. Этими обстоятельствами воспользовались грабители, которые похитили много ценных находок из неисследованной части склепа, они обнаружили тайник. Всё награбленное в последующие дни начало появляться в лавках местных скупщиков антиквариата. Подробности Дюбрюкс узнал от одного из грабителей — Дмитрия Бавро, который возвратил властям часть украденного и получил вознаграждение. Именно тогда через правоохранительные органы было сделано объявление о том, что все, кто возвратит вещи, найденные в кургане, получают вознаграждение. Таким образом, местная власть пыталась вернуть уникальные предметы государству и спасти их не только от вывоза, но и от переплавки, что часто делалось «счастливчиками», чтобы скрыть следы преступления.

Отдельно стоит рассказать о местных коллекционерах из числа офицеров-пограничников. В основной своей массе это были образованные и воспитанные люди, увлекавшиеся сбором древностей. Но и среди этих людей оказался один офицер, утративший понятие о чести и достоинстве. Ротмистр пограничной стражи в отставке М. Сазонов занимался подделкой античных монет и их продажей. Другие офицеры погранстражи, которые увлекались сбором древностей, наоборот старались не нажиться, а передавали в дар Керченскому и иным музеям многие найденные и купленные предметы, участвовали в научной работе, публиковали свои статьи. Врач отдела Терлецкий также активно занимался коллекционированием и передавал многие предметы не только в местный музей, но и в Эрмитаж. Однако стоит

отметить, так как запрета на продажу и вывоз за границу предметов старины не было, по вине этого коллекционера огромное количество предметов вывезено за пределы Российской Империи, в том числе, в революционные годы, уникальная коллекция монет, аналогов которой не было.

В 80-е годы XIX века из-за невежества горожан и халатности администрации города дошло до того, что один из местных промышленников — владелец известковых печей Поликарпов — порохов взрывал полигональные стены одного из курганов и пережигал их на известь. Директор музея Веребрюсов написал несколько протестов в городскую администрацию и правоохранительные органы, но они, к сожалению, не возымели никакого действия. Вероятно, курган находился в частных владениях. Периодика тех лет часто сообщала о разграблении древних захоронений местными жителями, разрушении погребальных сооружений и иных древних памятников. Вот типичный пример, описанный тем же доктором Терлецким в 1904 году. «24 и 25 июня с. г. мною были куплены от счастливцев крестьян Кузьмы Щелкунова, Петра Клочкова и керченского мещанина Ивана Зубкова древности, перечисленные в описи за 11352 р. 49 к. (наличными 2352 р 49 к. и на 9000 векселя (три по 3000)). При продаже счастливцы заявили, что вещи вырыли на принадлежащей в собственность земле отставного фельдфебеля Антона Коробки (Госпитальная, № 38). Коробка же заявил, что крепостной акт на владение землей находится в городской Управе и обещал его предоставить на следующий день. Не получив сего акта, я проверил его наличие в Управе и выяснилось, что купчей крепости нет и владеет Коробка землей без документов с 1887 года и что тот мог бы закрепить за собой землю в собственность лишь по выполнению Коробкой условий отвода участка. Тогда я обратился к Шкорпилу, заявил ему о вышесказанном, прося его точно разве-

дать, кому действительно принадлежит земля. Наведя справки и определив место катакомб, Шкорпил завил, что катакомбы находятся на городской земле, и поэтому найденные вещи должны быть предоставлены в музей, что было мной исполнено в присутствии Керчь-Еникальского полицмейстера, выданные же мною Щелкунову, Клочкову и Зубкову три векселя были мне возвращены 23 июля, взамен коих я выдал им нотариальное обязательство в том, что всю полученную мною сумму от ИАК за предоставленные мною древности за вычетом выданных мною им деньгами 2352 р. 49 коп., я обязываюсь выдать трем поименованным лицам как нашедшим клад». Примечательно, что никакого вознаграждения счастливчики так и не получили. Они стали преследовать Терлецкого и Шкорпила, угрожать им расправой. Эти люди постоянно вымогали у доктора небольшие суммы денег, а директор музея Шкорпил был убит 27 декабря 1918 года, и преступник так и не был найден.

Конечно, в рамках существующего законодательства правоохранительные органы вели работу по сохранению историко-культурного наследия. В ГАРК хранится рапорт от 3 января 1894 года керченского полицмейстера М. Ф. Томпофольского градоначальнику с приложением «списка лиц, занимающихся тайными раскопками с целью кладоискательства древностей и покупкою их без надлежащего разрешения». В списке значится 31 человек, в том числе упоминались известные уже фамилии: Запорожский Е., Белик И., Головлев С., Букзиль Б., Цоцилошвили Г. С одной стороны, для города с тридцатитысячным населением это не много, но нужно понимать, что это только верхушка, так сказать, наиболее заметные, крупные организаторы раскопок и скупщики. На самом деле, масштабы этих преступных действий были колоссальными, и в них участвовали не десятки, а сотни человек. Заведующий Керченским музеем древностей К. Думберг в обращении к Керчь-Еникальскому гра-

доначальнику сообщал, что сохранить памятники древности в пределах городских земель невозможно без активной борьбы с керченскими кладоискателями. По поводу же скупщиков он выразил мнение, что их преследование невозможно, из-за не совершенства законодательной базы. Единственным способом оставалось только одно, ловить непосредственно «счастливчиков» и желательно, как говорится, «на горячем».

Для борьбы с кладоискателями в штат музея древностей были введены должности надсмотрщиков, которые оберегали памятники от разрушения. Они стали действенным инструментом в охране памятников. На основании Высочайшего повеления от 11 марта 1889 года «Исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи, на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных — предоставлено Императорской Археологической комиссии. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в ИАК для предоставления на Высочайшее воззрение. Нарушители будут привлекаться к законной ответственности...». В период с 1891 по 1894 год к ответственности были привлечены 32 человека, постоянно занимавшихся тайными раскопками. В начале XX века ещё более активизировалась борьба со «счастливчиками». Надсмотрщики стали действенным инструментом в сохранении памятников. Директор музея В. В. Шкорпил в 1903 году обратился к градоначальнику с просьбой взять под защиту его с надсмотрщиками и артелью рабочих, которые производили археологические изыскания. Полицейстер и иные чины департамента полиции МВД градоначальства не реагировали на его просьбы, и градоначальник распорядился выделить околоточного надзирателя и трёх городских, а также учредить временные посты на местах раскопок.

В общем и целом сложные перипетии истории попыток государства сохранить историко-культурное наследие для потомков можно охарактеризовать следующим образом — это попытки максимально ограничить доступ к этому наследию всех людей, которые не занимаются им с научно-исследовательской или охранной целью. Историю охраны памятников некорректно отождествлять с лестницей от незнания и непонимания к знанию и пониманию.

Непозволительно также подменять её историей законодательства в этой области. Желание сохранить памятники напрямую связано с развитием исторической науки в Российском государстве и ростом интереса к ней у обывателей, подъёмом национального самосознания. Собственно дело охраны памятников можно определить как реализацию на практике идеи значимости историко-культурного наследия для народа и государства.

-
1. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями // Древности Керчи / Благотворительный фонд «Деметра» — науч. -попул. сб. — Вып. 4 — Керчь., 1999. — 159 с.
 2. Дюбрюкс Поль. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. Тексты / Поль Дюбрюкс ; сост. и отв. ред.: д. ист. н. И. В. Тункина ; подгот. Текстов И. В. Тункиной и Н. Л. Сухачева ; пер. с фр. яз. Н. Л. Сухачева; Рос. акад. Наук, Санкт-Петерб, фил. Архива РАН, Ин-т истории матер. Культуры РАН. — Санкт-Петербург : Коло, 2010. — 728 с.
 3. Дюдюхина В. С. формирование законодательной системы охраны отечественных памятников (вторая половина XIX — начало XXвв.) // Материальная база сферы культуры. — Чтение памяти Леонида Аркадбевича Лелекова. — науч. -информ. сб. — Вып. 4 — М., 1997 — С. 4-15
 4. Лапшин В. А. Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX — н. XX вв. // Культурное наследие Российского государства: Сб. ст. / РАН Ин-т ист. матер. культуры, ВООПИиК (Ленинградское отделение); Сост. и отв. ред. Кирпичников А. Н. — СПб. — 2002 — Вып 3 — с. 79-82
 5. Максимов А. А. . Охрана памятников истории и культуры // «Большая Российская энциклопедия» — М., 2001
 6. Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. — М, 1998. — С. 3-7
 7. Смирнов А. С. Сохранение археологического наследия России. История и проблемы. // Российская археология — 2002 — №4. С. 50-54

Research is devoted to the analysis of organization of historical monuments protection by the Russian Empire law enforcement authorities on the Kerch-Yenikalskoe Gradonachalstvo territory.

Keywords: *Police Department (PD); the Ministry of Internal Affairs (MVD); historical and cultural heritage; protection of monuments; “lucky”; treasure hunters*

УДК 902/904

М. В. Медведева

К истории поступления и атрибуции архивных документов по изучению склепа Деметры (по материалам научного архива ИИМК РАН)¹

Склеп Деметры в Керчи — один из самых ярких погребальных памятников классической эпохи в Северном Причерноморье. Его уникальная декоративная настенная живопись сильно пострадала в 20-м столетии. Важную роль в её современном изучении играют архивные документы. В статье рассматриваются материалы фиксации росписи склепа с момента его открытия из фондов НА ИИМК РАН.

Ключевые слова: Керчь; склеп Деметры; Научный архив ИИМК РАН; фотография; архивные документы

Уникальный памятник античной археологии и искусства классической эпохи — склеп Деметры в Керчи — является одним из немногих открытых в XIX — начале XX в. расписных склепов Северного Причерноморья, дошедших до наших дней. История его открытия, сюжетные линии и стилистические особенности живописных изображений, украсивших внутреннее пространство сооружения, вопросы их технического исполнения и хронологии неоднократно рассматривались специалистами [Ернштедт, 1955, С. 263-265; Иванова,

1953; Зинько и др., 2009; Ростовцев, 1913, табл. LVI-LXI; Ростовцев, 1914, С. 199-226; Burgunder, 2002 и др.]. К сожалению, замечательная декоративная фресковая живопись погребального сооружения сильно пострадала в течение XX века, особенно в годы Второй мировой войны, и частично была утрачена [Ернштедт, 1955, С. 263; Иванова, 1953, С. 187; Блаватский, 1948]. Чрезвычайно важным, а иногда и единственным, источником для современного всестороннего анализа фресковых изображений склепа Деметры теперь являются

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 16-21-41002 «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии»

Рис. 1. Эрмитаж. Выставка древностей, добытых ИАК в 1896 г.

документы различного типа фиксации (акварели, рисунки, фотографии), сделанные почти сразу после обнаружения памятника в 1895 г. и позднее на разных этапах его изучения.

Основной комплекс документов сохранился в Научном архиве ИИМК РАН, в рукописном и фотографическом фондах Императорской археологической комиссии и в разряде крупноформатных чертежей и иллюстраций. Ранние материалы связаны с именами директора Керченского музея К. Е. Думберга, историка античности М. И. Ростовцева, художника М. В. Фармаковского, любителя-художника П. Ридигера, фотографов М. С. Рубанчика и Е. Ф. Кешеля и др.

Наибольшую ценность представляют акварельные рисунки и фотографии росписей склепа, сделанные почти сразу после обнаружения памятника. В отчёте ИАК за 1896 г. очень кратко сообщается об открытии этого удивительного памятника [Отчёт ИАК, 1898, С. 66]. Подробное описание склепа предполагалось напечатать в монографическом исследовании в специальной серии изданий ИАК «Материалы по археологии России». Подготовкой материалов к печати планировал заниматься директор Керченского музея К. Е. Думберг. Именно благодаря его стараниям удалось договориться с прославивши-

мися своей «жадностью» хозяевами земельного участка, на котором склеп был обнаружен в 1895 г., о фиксации росписи в марте 1896 г. [РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, 1896, Д. 38; Зинько и др., 2009, С. 17-19]. Их удалось убедить в необходимости изготовления копий для представления Императору на ежегодной выставке достижений ИАК за последний год. Согласно материалам архивного дела, между 8 и 19 марта 1896 г. живописные изо-

бражения склепа Деметры были сфотографированы и срисованы. Фотографии были выполнены фотографом М. С. Рубанчиком, а акварельные копии — любителем-художником штабс-капитаном Павлом фон Ридигером. П. Ридигер исполнил не только эти рисунки, он неоднократно привлекался К. Е. Думбергом к графической фиксации памятников и копированию планов. В отчёте за 1896 г. сохранилось несколько его рисунков исследованных катакомб, а также фотография его акварели «Вид северного склона горы Митридат со следами древнего города Пантикапея». Судя по финансовой отчётности Керченского музея, его услуги хорошо оплачивались. В апреле «за снятие стеновых фресок, находящихся в склепе, открытом на дворе мещанина Зайцева, исполненных акварельным красками на двенадцати картонах» ему было выплачено 190 руб. [РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, 1896, Д. 58, Л. 50], что, подчас, составляло бюджет целой экспедиции. Например, С. С. Гамченко в том же 1896 г. было выделено на раскопки в Волынской губ. по заданию ИАК 100 руб., В. И. Сизову на раскопки в Смоленской губ. — 200 руб., В. И. Гошкевичу на работы в Херсонской губ. — 230 руб. [Белова, 2009, С. 52-53]. Тем не менее, М. И. Ростовцев в процессе подготовки своего монументального

труда посчитал их неточными и не стал публиковать в Атласе с иллюстрациями. К изданию его сводного труда по античной живописи на юге России художником М. В. Фармаковским были сделаны ещё раз акварельные рисунки росписей склепа с натуры, а также технологом С. К. Соколовым в 1911 г. составлены план и разрезы склепа со схемой расположения росписей [Ростовцев, 1914, С. 199].

Рис. 2. Интерьер Керченского музея

Все, кроме одной, упомянутые иллюстрации П. Ридигера, равно как и оригинальные акварели М. В. Фармаковского и схема С. К. Соколова, изданные М. И. Ростовцевым, хранятся в разряде крупноформатных изображений в Научном архиве ИИМК РАН (Приложение 1). Согласно отчётным документам Керченского музея, П. Ридигер исполнил двенадцать рисунков: девять из них в «натуральную величину», один в « $\frac{1}{2}$ натуральной величины», а также план расположения изображений и перспективные виды западной и восточной сторон склепа². Затем рисунки были присланы в ИАК для экспонирования на выставке в Эрмитаже. В фотоотделе Архива удалось выявить две фотографии, зафиксировавшие акварельные рисунки склепа в момент их показа в помещениях ИАК в Эрмитаже (Рис. 1). 5 мая 1897 г. К. Е. Думберг после выставки «рисунки взял обратно в Керчь для издания» [РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, 1896, Д. 38, Л. 7]. К сожалению, издание так и не состоялось. К. Е. Думберг вскоре отошел от дел, и более не занимался археологией (Медведева и др., 2009, С. 170-173). Рисунки были возвращены обратно в Петербург и в настоящее время хранятся в Архиве ИИМК РАН. Они сконцен-

трированы в одной папке вместе с более поздними акварелями М. В. Фармаковского. Причем, при составлении первичной описи разряда они были ошибочно отнесены к работам М. В. Фармаковского и лишь позднее атрибутированы правильно. На самих акварелях в нижнем правом углу, имеется автограф «P. Ridiget». Акварели П. Ридигера, ставшие первыми документами, фиксирующими живописные рисунки склепа Деметры в натуральную величину, так и остаются неизданными в качественном полиграфическом исполнении, хотя их источниковедческая ценность для изучения не сохранившихся до наших дней росписей бесспорна.

Фотографии, запечатлевшие фресковую роспись склепа Деметры, хранятся отдельно в фотохранилище Научного архива ИИМК РАН (Приложение 1). Они происходят из нескольких фондов: Императорской археологической комиссии, Академии истории материальной культуры, личного фонда председателя ИАК А. А. Бобринского. Все натурные снимки склепа, его росписей и находок, скорее всего, выполнены керченскими фотографами М. С. Рубанчиком и Е. Ф. Кеппелем, сотрудничавших с ИАК, и составляют большую

² Именно эти рисунки не удалось обнаружить в Архиве.

часть коллекции. Ряд фоторепродукций (негативов и отпечатков) был изготовлен фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым. Фотодокументы датируются 1896 — 1920 гг. Они частично поступили в ИАК в качестве приложения к рапортам Керченского музея в ИАК о проведенных за год исследованиях, а частично были специально изготовлены для монографического труда М. И. Ростовцева и для изучения состояния сохранности фресок. В процессе подготовки к публикации М. И. Ростовцев изъяснял фотографии из отчетов разных лет и объединил их вместе, только в 1936 г. смешанная депортированная коллекция была передана в фотоархив из Управления делами Государственной Академии истории

материальной культуры в составе других оригинальных снимков к изданиям. Снимки из коллекции А. А. Бобринского поступили в фотоархив в 1934 г. без точного описания. Фонд ИАК в течение 1930-х гг. также пополнился единичными фотоматериалами, касающимися живописи склепа Деметры. Серия фотографий Е. Ф. Кеппеля, в том числе снимки акварелей внутренних видов склепа, была приобретена во Всесоюзном внешнеторговом объединении «Международная Книга» через археолога Н. И. Репникова и попала в фотоархив в 1937 г. Обстоятельства поступления перечисленных фотоколлекций затрудняют их атрибуцию и определение времени съемки, особенно при отсутствии на них подписей и штампов фотографов. Сотрудники фотоархива в процессе составления описи фотоколлекций опирались, в основном, на публикацию М. И. Ростовцева, но в его труде были представлены далеко не все существующие фотографии. Опираясь на данные рукописных отчетов об исследованиях памятника, можно предположить, что ряд фотографий из коллекций М. И. Ростовцева и А. А. Бобринского был сделан в 1896 г., видимо, М. С. Рубанчиком, одновременно с акварельными копиями [ФО НА ИИМК РАН, Q 305/13, 15, 19-20, 32-35; Q 518/14-15], а несколько снимков внутренних видов относятся к 1910 г. или позже, когда уже был оформлен вход в склеп [ФО НА ИИМК РАН, Q 305/11-12, 14, 16, 18, 21-22]. Интересны шесть снимков с двух акварелей внутренних видов склепа. Они попали в Архив в составе различных коллекций (ИАК, Е. Ф. Кеппеля и М. И. Ростовцева), но изображения на них идентичны [ФО НА ИИМК РАН, Q 305/10, О. 28/36-37, О. 1230/17-18]. Современное местонахождение оригинальных акварелей неизвестно, однако в фотоотделе, в коллекции А. А. Бобринского, обнаружена фотография одного из залов Керченского музея, стену которого украшают именно эти акварели в рамках (Рис. 2). Возможно, они и явля-

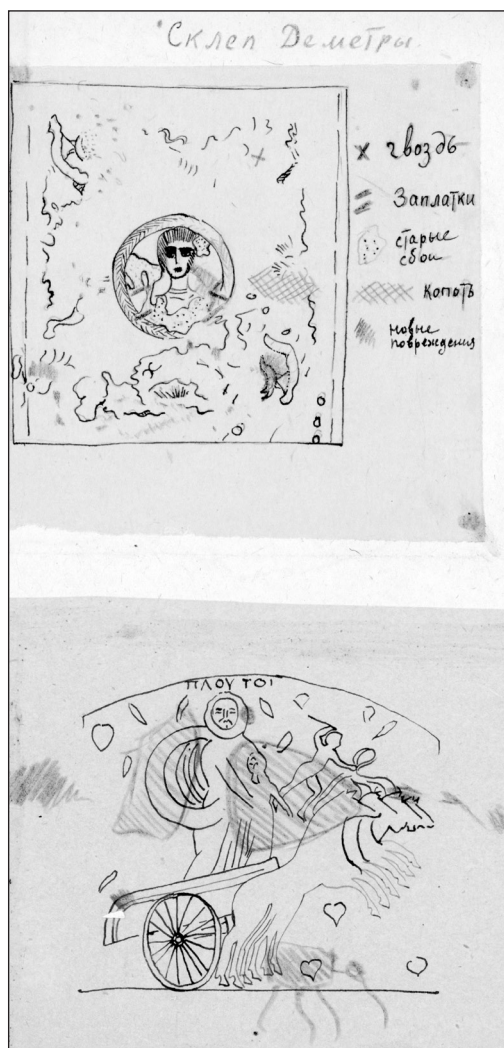

Рис. 3. Росписи склепа Деметры. Схема утрат. 1944 г.

ются вышеупомянутыми рисунками перспективных видов западной и восточной сторон склепа, выполненными П. Ридигером в 1896 г.

Хронологически завершают серию документов материалы рукописного дела, отложившиеся в Архиве в результате деятельности Комиссии 1944 г. по оценке ущерба, нанесённого Керченскому музею в годы войны. Среди прочего, сохранилась печатная копия акта осмотра склепа Деметры от 22 июня 1944 г. [РО НА ИИМК РАН, Ф. 312, Оп. 1, Д. 195, Л. 4]. «Мы, нижеподписавшиеся: старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. М. Худяк, начальник инженерного отделения Керченской военно-морской базы Черноморского флота — подполковник Смирнов И. А. и делопроизводитель того же отделения Варганова И. А. составили настоящий акт в том, что осмотрев склеп Деметры /Зайцевская катакомба/ обнаружили следующее: роспись коробового свода и левая от входа сторона Фриза, сильно пострадали от разрыва ручной гранаты, брошенной в склеп немецкими захватчиками. Штукатурка с изображением головы Деметры в центре свода грозит обвалом. Обнажились следы реставрации — полосы материи, наложенные немцем, которого привел в склеп Шевелев. По свидетельству технического сотрудника-сторожа Гуран (внучка Зайцева), немец работал над всей живописью и резко критиковал работу советских реставраторов. Роспись сцены с похищением Плутоном Персефоны также грозит обвалом. Здесь вбиты два больших гвоздя, которые поддерживали роспись. Внизу под росписью вбит ряд гвоздей. Сильно пострадала левая от входа сторона Фриза по боковой стене. Правая сторона Фриза другой боковой стены, а также гирлянда над входом в склеп лучше сохранилась. Хорошо сохранились фигуры Гермеса и Калипсо на боковых сторонах входа в склеп.

Прилагаются акварели, росписи всех частей склепа и наружный вид склепа — этюды выполнены Стар. 2-й статьи Николаем Петровичем Панчук, учившимся до войны на 4-м курсе Днепропетровского Художественного Училища.

Требуется срочная реставрация росписи склепа. Необходимо выстроить новую сторожку, т. к. старая разбита снарядом, а сторож Гуран, явившаяся сразу же после занятия Керчи Красной Армией охранять склеп, живет с 2-мя маленькими детьми в развалинах». Информация о том, куда были переданы прилагаемые к акту акварели росписи, в делах отсутствует. Сохранился только очень схематичный рисунок основных фресковых изображений склепа с обозначением утрат [РО НА ИИМК РАН, Ф. 312, Оп. 1, Д. 195, Л. 158; Рис. 3].

Документы Научного архива ИИМК РАН, фиксирующие внутренние виды и росписи склепа, неоднократно привлекались исследователями в качестве иллюстративного материала, но никогда не рассматривались в комплексе как самостоятельный объект для изучения. Некоторые из них до сих пор остаются неопубликованными. Многие графические документы нуждаются в проведении серьёзных реставрационных мероприятий, особенно крупноформатные акварели. Степень сохранности и физическое состояние документов уже не позволяют предоставлять часть оригинальных копий изображений склепа широкому кругу специалистов для исследовательской работы. Учитывая их особую информативную ценность в связи с утратой части живописи склепа Деметры, а также собственный уже столетний и более возраст документов на бумажной основе, очень важно сейчас составить их полный реестр и научное описание, а также сделать электронные копии, чтобы ввести полностью в научный оборот и сохранить для будущих исследователей.

Приложение 1

Перечень материалов документальной фиксации росписи склепа Деметры в Керчи (1895 г.) из фондов НА ИИМК РАН

Рукописный отдел:

1. Р-И, Д. 227, Л. 1. Склеп 1895 г. Роспись плафона и люнеток. Рисунок М. В. Фармаковского. Керчь, 1908 г. Акварель, картон. 73x51 см.

2. Р-И, Д. 227, Л. 2. Склеп 1895 г. Роспись на стене главной люнетки. Сцена похищения Кору. Рисунок М. В. Фармаковского. Керчь, 1908 г. Акварель, бумага. 73x67 см.

3. Р-И, Д. 227, Л. 3. Склеп 1895 г. Роспись на стене главной люнетки. Сцена похищения Кору. Рисунок П. Ридигера. Керчь, 1896 г. Акварель, бумага. 221x93 см.

4. Р-И, Д. 227, Л. 4. Склеп 1895 г. Роспись на восточной стене у входа. Фигура Калипсо. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 61,5x34 см.

5. Р-И, Д. 227, Л. 5. Склеп 1895 г. Росписи на восточной стене. Орнамент над входом. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 221x95 см.

6. Р-И, Д. 227, Л. 6. Склеп 1895 г. Фрагмент росписи. Виноград и орнамент под головою Деметры. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 88x63,5 см.

7. Р-И, Д. 227, Л. 7. Склеп 1895 г. Фрагмент росписи. Гранаты. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 100x50,5 см.

8. Р-И, Д. 227, Л. 8. Склеп 1895 г. Фрагмент росписи. Гранаты. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 90x53 см.

9. Р-И, Д. 227, Л. 9. Склеп 1895 г. Фрагмент росписи. Птица. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 75x57 см.

10. Р-И, Д. 227, Л. 10. Склеп 1895 г. Фрагмент росписи. Средняя часть потолка. Голова Деметры. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 93x94 см.

11. Р-И, Д. 227, Л. 11. Склеп 1895 г. Роспись на восточной стене у входа. Фигура Гермеса. Рисунок П. Ридигера. Акварель, бумага. Керчь, 1896 г. 64x53 см.

12. Р-И, Д. 227, Л. 12. Склеп 1895 г. План расположения фресок в развернутом виде. Рисунок П. Ридигера. Бумага, тушь. Керчь, 1896 г. 61x52 см.

13. Р-И, Д. 535, Л. 1. Склеп 1895 г. План и разрезы с указанием расположения фресок. Чертёж с натуры технолога С. Соколова. Бумага, тушь. Керчь, 19 июня 1911 г. 43x31 см

Фотографический отдел:

1. Альбом Q 305/10-35, О. 28/36-39, нег. II 4560-63, II 51067, 59730-31 Керчь. Склеп 1895 г. Внутренние виды склепа с росписью, снимки акварелей с перспективными видами частей склепа, фрагменты росписи, обломки деревянного саркофага. Материалы к изданию «Античная декоративная живопись на юге России» М. И. Ростовцева. Из фонда ИАК, ГАИМК

2. Альбом Q 518/14-15 Керчь. Склеп 1895 г. Вид входной и задней стен склепа. Фотографии 1896 г. Из колл. А. А. Бобринского

3. Альбом Q 828/1-8, О.614/19-24, Q 638/2-3 нег. II 74551-57, 74563. Склеп 1895 г. в Керчи. Инвентарь погребения и фрагменты канделябра. Сн. 1896 (?). Фонды ИАК, А. А. Спицына

4. Альбом О. 1230/17-18 Керчь. Катакомба, находящаяся на участке Зайцевой в Керчи. Фотографии акварелей с внутренними видами склепа. Сн. Е. Ф. Кеппеля, 1890-е гг. Фонд ГАИМК

5. Нег. II 30905 Акварель М. В. Фармаковского, воспроизводящая роспись с фигурой Плутона на колеснице в склепе, открытом в Керчи в 1895 г. Материалы к изданию «Античная декоративная живопись на юге России» М. И. Ростовцева. Сн. И. Ф. Чистякова, 1909 г. Фонд ИАК

-
1. Белова Н. А. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН // Приложение. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.) К 150-летию её основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 12–140
 2. Блаватский В. Д. Склеп Деметры // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. Москва–Ленинград, 1948. С. 5–12
 3. Ернштедт Е. В. Монументальная живопись северного Причерноморья. (Общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья: очерки истории и культуры. Т. I. М. –Л., 1955. С. 248–285
 4. Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Ленинград, 1953.
 5. Иванова А. П. Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина // ВДИ, № 1. 1948. С. 185–187
 6. Медведева М. В., Мусин А. Е., Всевиов Л. М., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.) К 150-летию её основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Глава I. СПб., 2009. С. 21–247
 7. Отчёт ИАК за 1896 г. СПб., 1898. 191 с. с 6 табл.
 8. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России [текст]. Санкт-Петербург, 1914. 537 с.
 9. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. Санкт-Петербург, 1913. 112 с.
 10. Burgunder P. Le Tombeau de Demeter– Approche renouvelée d’un caveau peint découvert a Kertch en 1895 // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Т. I. Санкт-Петербург, 2002. С. 49–55

Архивные источники

РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, 1896, Д. 38
РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, 1896, Д. 58
РО НА ИИМК РАН, Ф. 312, Оп. 1, Д. 195

Сокращения

ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИАК — Императорская археологическая Комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
НА — научный архив
Нег. негатив
РАН — Российская Академия наук
РО — Рукописный отдел
ФО — Фотографический отдел

Demetra's crypt in Kerch is one of the famous painted crypts of the Classic period in Northern Black Sea area. Decorative frescos of the tomb have been much damaged during the XXth century. Important source for their analysis now are the archival documents. In this paper all the images from the Scientific archive of IHMC RAS, related to the crypt of Demetra, have been considered.

Keywords: Kerch; Crypt of Demetra; Scientific archive of IHMC RAS; photographs; archival documents

УДК 908

О. В. Решетникова

Археологическое наследие Керчи в материалах англоязычных периодических изданий периода Крымской войны

В статье предпринята попытка обобщить материалы, посвященные археологическому наследию Керчи, которые были опубликованы в англоязычных периодических изданиях периода Крымской войны.

Ключевые слова: Крымская война; Керчь; Керченский музей древностей

Археологические изыскания на Керченской земле получили развитие на рубеже XVIII – XIX столетий. Случайные находки богатых захоронений при добыче строительного камня породили интерес местных жителей к поиску сокровищ. Ценность находок привлекает внимание ценителей искусства и на археологические исследования в Керчи выделяются средства, а также принимаются ряд решений по упорядочиванию раскопок.

Наиболее ценные находки попадают в Санкт-Петербург, где формируется одно из лучших в мире собраний античных предметов. Информация о древних ценностях становится широкодоступной, в том числе за пределами Россий-

ской Империи. Широкую известность получает опубликованная в 1851 году работа П. Сабатье «Керчь и Воспор», в которой были описаны керченские древности.

В XIX европейские страны переживают всплеск интереса к поиску древних артефактов. Экспедиции многочисленны, исследования проводятся в самых разных уголках планеты. Особую активность проявляли подданные Британской империи, владения которой были обширны и охватывали многие регионы, где в древности находились процветающие государства. Самые ценные находки попадают в Британский музей. Многие поступления XIX века носили

трофейный характер.

Такая же судьба была уготована и некоторым археологическим находкам керченской земли, поскольку в ходе Крымской (Восточной) войны город был занят британскими, французскими и турецкими войсками. Новозеландское издание *Lyttelton Times*, в выпуске от 27 мая 1854 года недвусмысленно сообщает о целях британцев в регионе: «Когда иностранным военным кораблям было отказано во входе в Черное море, торговый флот отказался туда входить, пока, наконец, благородное море не стало русским озером, и славные народы на своих границах, и на берегах его притоков, были отрезаны от общения с человечеством.

И вот, наконец, оно опять открыто. Его воды гордо бороздят английские и французские корабли. Они никогда уже больше не уйдут отсюда, если наши правители будут руководствоваться истинными интересами торговли, нашей честью и нашим влиянием.

Россия больше не имеет права закрывать нам Черное море...» [5]

Изъятие культурных ценностей, а также торговля ими несомненно входили в планы британских подданных и в ходе Крымской войны. Раскопки в окрестностях Севастополя и в Керчи были начаты незамедлительно.

Наиболее полный отчет о раскопках в Керчи представлен Дунканом Мак Ферсоном – членом Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии. В 1855-1856 годах Мак Ферсон проводил раскопки в Керчи, по окончании которых находки были сданы в Британский музей и вызвали большой резонанс в научном мире. Доклады и сообщения были опубликованы в 1857 году в нескольких изданиях: «Журнале Королевского географического общества», «Записках Королевского общества литературы Великобритании», «Ежегоднике научных открытий: факты науки и искусства», «Журнале классической и сакральной филологии», «Журнале джентльменов». В том же,

1857 году в Лондоне выходит книга Мак Ферсона «Древности Керчи» с отчетом об археологических раскопках на Керченском полуострове.

В периодических изданиях 1850-х годов тема пополнения собрания Британского музея и проведения раскопок не находит отображения, хотя внимания самой военной кампании уделяется много.

События Крымской войны пришлись на период бурного развития рынка прессы в Британской империи. Изобретение паровой печатной машины и ее последующие многочисленные доработки способствовали созданию большого количества периодических печатных изданий, а также формированию высокой конкуренции между ними. Наиболее динамично в Британской империи развивались средства массовой информации в Лондоне, где ежедневно выходило до нескольких десятков изданий. Тиражи были относительно невелики – около 5 тысяч экземпляров. Основной доход составляли средства от публикации рекламных объявлений. Британские издания первой половины XIX века были достаточно дороги ввиду многочисленных налогов, которые должен был оплачивать издатель, однако впоследствии удешевление процесса печати существенно изменило ситуацию. Появляется так называемая «пенни-пресс» – недорогие издания, доступные быстро растущему среднему классу. Наибольшую популярность получали газеты, печатавшие сенсационные, но не всегда реальные и правдивые новости. Хотя возможность получать самые свежие новости из очень дальних стран существенно повысилась после изобретения телеграфа. Доверие к печатному слову, невзирая на частые случаи публикации недостоверной информации, было очень высоким.

О боевых действиях на Крымском фронте сообщали специальные корреспонденты и фотографы. Корреспондентов нередко обвиняли в подрыве боевого духа и разглашении военной тайны, однако именно такие материа-

лы, свидетельствующие о сложностях войск, были максимально интересны читателям. Британское правительство финансировало работу фотографа Роджера Фэнтона в Крыму чтобы «показывать скорректированную картину войны» и перекрывать наблюдения журналистов.[1]

24 мая 1855 года в ходе Крымской (Восточной) войны в Керчи высаживается десант французских и английских войск. Высадка десанта планировалась изначально на более ранний срок, но была перенесена и состоялась в день рождения Королевы Виктории (этот факт незамедлительно подчеркнули журналисты). Уже 25 мая в одном из самых популярных периодических изданий Великобритании London Illustrated news появляется статья о высадке десанта. Примечательно, что в ней указывается, что для сохранения секретности операции по высадке в бухте Камыш ни один корреспондент лондонских газет не был допущен сопровождать экспедицию. Сообщение для газет передавал лично военный министр Лорд Панмюр. [9]. В самой статье помимо описания технических и тактических моментов военной операции приводится описание Керчи современной как красивого и быстро растущего города, дается краткий экскурс в историю Боспорского царства, а также упоминается музей и множество курганов, ставшие источниками «многочисленных ваз, монет, золотых украшений, различающихся изящностью формы и красотой работы», а также «скульптур чистейшего белого мрамора, стилем достойных лучших дней греческого искусства. Многие из которых украшают музей Санкт-Петербурга, в то время как другие было позволено оставить в музее Керчи, где они до сих пор укрыты». [2]

Зародившаяся в начале XIX века коллекция, положила начало Керченскому музею древностей. В 1835 году музей получает специально построенное для него здание – Музей древностей, напоминающий своими очертаниями древний храм, был возведён

на склонах горы Митридат по проекту одесского архитектора Е.И. Торичелли. Музей не сразу переехал в новое здание – только 24 июня 1841 года все вещи из старого музея были перевезены. Здание привлекало внимание всех путешественников по городу или проливу. «Можно судить о том, какое впечатление он производит со всех сторон Босфора, особенно, когда эта величественная громада, освещенная снизу фронтона доверху, отражается в волнах» – писал швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере.

Часть коллекции размещалась у внешних стен музея. Подробное описание внутреннего и внешнего убранства музея оставил директор Второй одесской гимназии П. Беккер.

«Часть древностей находится вне музеума и расположена у внешних стен здания. Внутренность музеума состоит из большой залы, которая освещается через стеклянную крышу. По стенам стоят шкафы за стеклом и пред ними столики, тоже за стеклом. В первых сохраняются древности большого размера, в последних – меньшего. Между первым особенно привлекают расписные греческие вазы. Числом и достоинством они не слишком замечательны, потому что лучшие и важнейшие из них отправлены в Петербург. Зато весьма много простых сосудов, которые попадают во всех возможных видах и наполняют целых два шкафа. Не менее многочисленны находящиеся в третьем шкафу алебастровые и глиняные унгентарии, слезницы и другие стеклянные вещи. Много также в шкафу разной утвари, тут есть бронзовые зеркала, медные сосуды для жертвоприношений, разной величины стригили, ножи, щипцы и много других мелочей. В столиках более всего боспорских монет. Другой столик занят хорошо сохранившимися деревянными ящиками и полным банным прибором, с губкою, щеткою и деревянным гребешком. Посреди залы находятся два постава под стеклянными колпаками, где лежат золотые драгоценные вещи: кольца, частью гладкие,

частью украшенные резными камнями, браслеты и ожерелья, золотые листы, застежки и другие украшения. На стене, выше шкафов, размещены вделанные в стену надгробные камни с барельефами и надписями».

Менее чем через месяц среди многочисленных донесений с Восточного фронта Illustrated London News знакомит читателей с предметами найденными на Боспоре несколько лет назад переданными и привезенными в Британский музей господином Кэтли. В номере от 16 июня 1855 года также описано здание музея на горе Митридат, фигуры грифонов рядом с ним. Далее повествуется о курганах в окрестностях города и найденных прежде гробницах. Также выражается надежда, что «последняя атака союзников на Керчь не привела к бессмысленным разрушениям древнего или современного искусства в городе».

Статья в Illustrated London News от 7 июля 1855 года знакомит читателей с пожаром, уничтожившим Керчь несколькими днями ранее, не дает и намек на сведения о судьбе местного музея и его ценностей.

Однако реальность свидетельствовала о том, что британские журналисты либо сильно приукрашивали действительность, либо ничего не знали о реальном положении дел: музей был разорен и в нем был устроен пороховой склад. По свидетельству члена Импе-

раторской Археологической комиссии Н.П. Кондакова: «Дверь музеума выломана... пол мраморный выломан, камни выломаны, стекла в люках выбиты, мебель и шкапы в нишах уничтожены. Древние вещи, хранившиеся в музеуме, расхищены... Мраморные львы и надгробные памятники, бывшие под колонами музеума, все похищены, кроме некоторых, не имеющих значения».

Раскопки британскими интервентами на территории города проводились и после подписания Парижского мирного договора. 46 предметов, отобранных Комитетом для оценки археологических ценностей, были вывезены и дополнили коллекцию Британского музея. Однако в сообщениях средств массовой информации данные действия отображения не нашли, а в книге Мак Ферсона, изданной в 1857 году автор предпринял попытку перевести обвинения в варварстве и воровстве на тех кого ограбил:

«Русский вандализм стёр все следы величественных руин, ранее здесь существовавших: стены древнего города [имеется в виду Керчь] были стёрты с лица земли и все его памятники уничтожены. С тех пор как русские овладели Крымом, они совершенно уничтожили все древние остатки его бывшего величия; его прекрасные архитектурные сооружения были растащены на строительный материал для их огромных унылых бараков». [7].

-
1. Dominikowski T.: Massenmedien und Massenkrieg; Westdeutscher Verlag, 1993.
 2. Illustrated London News, 26 May, 1855
 3. Illustrated London News, 16 June, 1855
 4. Illustrated London News, 23 June, 1855
 5. Lyttelton Times, Issue 177, 27 May 1854
 6. Lyttelton Times, Issue 308, 13 October 1855
 7. McPherson M.D. Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus; with Remarks on the Ethnological and Physical History of the Crimea., London, 1857.
 8. Nelson Examiner and New Zealand Chronicle, Issue 49, 15 September 1855
 9. Taranaki Herald, Issue 166, 3 October 1855
 10. Otago Witness, Issue 202, 29 September 1855

Article attempts to generalize materials printed in English mass media during the Crimean war and devoted to the archeological heritage of Kerch.

Key words: *Crimean War; Kerch; Kerch museum of antiquity*

УДК 528.2/.5, 908

А. М. Михайлов

Использование топографии для реконструкции разрушенного памятника

В статье рассматривается возможность реконструкции микрорельефа объектов археологии с применением топографических измерений и современных компьютерных технологий на примере поселения «Глейки I».

Ключевые слова: реконструкция рельефа; памятник археологии; топография

Идея реконструировать исторический объект, памятник культуры или некоторое действие, разумеется, не нова. Памятники гибли во время войн и социальных потрясений, оказывались под позднейшей застройкой, просто разрушались. Эпохальные открытия XIX — начала XX века обеспечили массовый интерес к истории и истории культуры, а появление принципиально новых способов создания изображения, таких, как фотография и киносъемка, возможности цветной высококачественной печати, сделали свое дело с технической точки зрения. Новые технические возможности появились в последние десятилетия. С одной стороны, они связаны с появле-

нием различных цифровых методов создания изображения, с другой, с появлением принципиально новых средств телекоммуникаций, развитием традиционных и возникновением новых средств массовой информации. До недавнего времени большинство важнейших архитектурных ансамблей прошлого документировалось в виде фотографий и чертежей ортогональных проекций сохранившихся структур, причем в этой информации было много нестыковок и ошибок. Создание компьютерной реконструкции представляет собой создание некоего нового объекта, в чем-то похожего на графические реконструкции, выполненные традиционными

методами, но имеющие неизмеримо большее информационное наполнение. Они никогда не смогут заменить исчезнувшие памятники, но им под силу решить некоторые задачи. Они могут дать представление о памятнике, порой неизмеримо большее, чем традиционные иллюстрации, могут способствовать «полному погружению» зрителя — мы можем почувствовать движение человека, перемещающегося в пространстве памятника тогда, когда памятник ещё не был разрушен или иным образом утерян. Можно восстановить характер освещения пространства, дав тем самым возможность зрителю почувствовать себя участником событий, происходивших много веков назад. Сегодня 3D-реконструкция позволяет качественно изменить картину документирования древних архитектурных сооружений. Естественное стремление к максимальной точности и правдоподобию реконструкций привело к появлению новых методик и приёмов. Интересным примером использования ГИС в археологии является реконструкция изменения ландшафта на основе древних карт и современных топооснов. Для этого карты сканируются, оцифровываются, переводятся в векторный формат и накладываются на современные цифровые модели местности (ЦММ).

Привычной для нас областью использования САПР является разработка новых изделий, однако с таким же успехом САПР-программы могут применяться для реконструкции археологических объектов. У археологов большой популярностью пользуется AutoCAD, а также программы MicroStation, AutoCAD Map, Easy CAD и многие другие. Основным способом применения подобных программ археологами — подготовка полевых чертежей и трёхмерные реконструкции раскопок, погребальных сооружений и поселений, а также архитектурных памятников и археологических находок. Реконструкция, естественно, основывается на вполне определённых источниках. Архитектурные обмеры и чертежи

имеются в распоряжении в том случае, когда памятник либо сохранился, либо был исследован до его разрушения. Материалы археологических раскопок могут использоваться в качестве источника дополнительной информации при реконструкции некоторых деталей сооружений.

Когда вы строите 3D-модель, любая нестыковка сразу становится очевидной. В случае воссоздания архитектурных ансамблей прошлого САПР используется для того, чтобы представить, как могла выглядеть некогда существовавшая структура, и чтобы в неё точно вписывались все элементы, дошедшие до наших дней. При этом САПР-модели могут исходить не только из геометрических построений, но и из условий прочности, устойчивости и т. п. Кроме того, трёхмерные модели могут отображать как архитектурные сооружения, так и иные археологические объекты, доступ к которым ограничен, прежде всего, во избежание их порчи или разрушения.

Работы, направленные на разработку реконструкции рельефа памятника, были начаты в 2014 г. (поселение Глейки 1, раскопки А. Е. Кислого). На первом этапе реконструкции были проведены замеры высот микрорельефа памятника в пределах раскопанных объектов. В результате была создана ЦММ центральной части поселения, которая в точности повторяла все архитектурные особенности объектов. Первая реконструкция показала, что постройки расположены на двух нисходящих к морю террасах, спланированных ещё в эпоху бронзы. Следующая ступень создания реконструкции осуществлена в 2015 году и охватила всю бухту поселения и мыс Фонарь. Перед нами стояла задача совмещения двух источников информации. Этими источниками были топоплан современной дневной поверхности поселения и топоплан материка. Отдельным этапом проходила топосъемка разрушенных во второй половине XX века оползнями и строителями участков микрорельефа памятника.

Предварительно была построена трёхмерная модель мыса с находящимся на нём городищем. Затем отдельно был реконструирован материк в раскопанной части памятника. На заключительном этапе эти две модели были совмещены. Первоначально по высотным отметкам и изолиниям топоплана была построена трёхмерная модель самой бухты и мыса. Затем в модель, в которой предварительно была вырезана соответствующая область, были вставлены вертикальные стратиграфические профили. Далее к основному проекту был подключен отдельно созданный чертёж с восстановленным рельефом, рекон-

струированным по высотным отметкам, взятым с границ разрушенных участков и пересчитанным по среднематематическим усредненным показаниям. Итогом расчётов стал топоплан поселения, на котором реконструкция нецентральных террас сливается воедино с сегодняшней дневной поверхностью. В результате, мы получили многоуровневую геоинформационную модель памятника археологии, которая сочетает в себе множество взаимосвязанной графической и разноуровневой информации и позволяет увидеть ЦММ памятника с единым микрорельефом.

-
1. Алексейчук С. Н. Методика комплексной реконструкции памятников археологии // Археология и геоинформатика. Вып. 6. Москва, 2010.
 2. Кислый А. Е. Исследование поселений Каменецкого типа в восточном Крыму. // Археологические исследования в Крыму. 1994 год., Симферополь 1997.
 3. Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии. — М.: МГУ им. М. В. Ломанова, 2011 г.
 4. Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Опыт применения 3D-реконструкций в археологическом исследовании памятников эпохи позднего бронзового века на территории Башкирского Приуралья // Археология и геоинформатика. Вып. 7. Москва, 2012.

Список сокращений.

ЦММ — цифровая модель местности

ГИС — географические информационные системы

САПР — система автоматизированного проектирования

The article discusses the possibility of reconstruction of the microtopography of the archaeological sites with the use of topographic measurements and modern computer technologies on the example of settlements "Gleyki I".

Keywords: reconstruction of a relief; a monument of archeology; topography

УДК94(477.75) (082)

А. А. Непомнящий

Древние памятники Крыма в эпистолярном наследии Ю. А. Кулаковского

В статье проанализирована переписка выдающегося филолога-классика, историка, археолога Юлиана Андреевича Кулаковского. Особый акцент сделан на описаниях памятников Крыма в эпистолярном наследии учёного.

Ключевые слова: Ю. А. Кулаковский; Крым; эпистолярный

Первые публикации Ю. А. Кулаковского, затрагивавшие отдельные аспекты исторического краеведения Крыма — область античной эпиграфики — стали появляться в начале 80-х гг. XIX в. На страницах киевских «Университетских известий» под рубрикой «Новости эпиграфической литературы» он сделал ряд обзоров новинок западноевропейских изданий древних надписей из Северного Причерноморья [Кулаковский, 1881. С. 371–380; 1883. С. 123–130]. Осенью 1888 г. в С.-Петербургском университете Ю. А. Кулаковский защитил диссертацию на степень доктора римской словесности. С 24 октября этого же года он состоял ординарным

профессором университета в Киеве. С этого времени наблюдается резкое перемещение ракурса научных интересов историка с общих вопросов древнеримской истории и филологии на слабо изученные аспекты археологии и эпиграфики Северного Причерноморья.

С 1890 года учёный приступил к систематическим археологическим исследованиям в Керчи. Изыскания велись по поручению Археологической комиссии, в которую Ю. А. Кулаковский обратился с письмом, где выразил желание принять участие в изучении юга страны [ИИМК РАН РА, ф. 25, оп. 1, д. 180]. В то время молодой исследователь уже был хорошо известен среди

эпиграфистов благодаря своим публикациям в российских и европейских журналах, посвящённых классической филологии. После разрытия весной 1890 г. рабочими, добывавшими камень на северном склоне горы Митридат, катакомбы с фресками возникла необходимость организации её изучения [Непомнящий, 2000. 360 с.]. Тут в Археологической комиссии и возникла кандидатура Ю. А. Кулаковского. Товарищ председателя Археологической комиссии В. Г. Тизенгаузен в марте 1890 г., напутствуя Ю. А. Кулаковского, отмечал, что «Задуманная Вами поездка в Керчь и Тамань, без сомнения, поможет Вам ознакомиться с этими местностями, но больших раскопок там теперь не предвидится и поэтому Вам не удастся проверить на деле разные детали» [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 122]. Сохранился рукописный отчёт Юлиана Андреевича о произведённых раскопках в Керчи, датированный 1890 г. [НА ВКИКМЗ, оп. 2, д. 102]. Сокращённый вариант этой работы был опубликован в 1891 году [Кулаковский, 1891. С. 20–23]. Представляют интерес свидетельства об археологических разысканиях Ю. А. Кулаковского в Керчи в 1891 г. — дневниковые записи путешествовавшего по Крыму в августе 1891 г. историка искусства и археолога Д. В. Айналова, выявленные в его личном архивном фонде [ПФАРАН, ф. 737, оп. 1, д. 126]. Дмитрий Власьевич подробно описал свое посещение Керчи, встречу с Ю. А. Кулаковским, ход его исследований и первые результаты работ. Эта информация значительно уточняет утверждение, что Юлиан Андреевич начал археологические исследования в Крыму только в 1894 г. [Григор'ева, 1989. С. 25].

Основное внимание Юлиан Андреевич сосредоточил на изучении открытой им христианской катакомбы 491 года, описание которой он опубликовал в «Материалах по археологии России» [Кулаковский, 1891. 6, 30 с.]. Отчёт содержит обзор результатов раскопок автора в августе 1890 г. на

склоне горы Митридат, где ему удалось открыть катакомбу, представляющую собой единственный пример погребальной пещеры с определенной хронологической датой. Вспоминая об этом, историк писал, что «моя первая поездка в Керчь одарила меня находкой, которая оказалась первой в своем роде на неистощимой почве древнего Пантикапея. <...> С тех пор древности Тавриды стали для меня близкой и родной областью» [Кулаковский, 1996. С. 6]. В фонде «Императорская Археологическая комиссия», который отложился в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, сохранились документы, подтверждающие интерес историка к этому памятнику ещё с 1885 года [ИИМК РАН РА, ф. 1 (1885 г.), д. 59; ф. 1 (1891 г.), д. 40]. Опубликованные данные стали обобщающим трудом, включавшим не только результаты практических исследований, но и обзор наработок, сделанных другими археологами. Данная монографическая публикация получила высокую оценку специалистов в области древней археологии Крыма [Латышев, 1891. С. 393–405].

Описанию керченских катакомб Юлиан Андреевич посвятил и ряд других публикаций. В частности, знакомство ученого с путешественными записками М. Ремезова [Ремезов, 1892. С. 100–114; С 46–61], которые содержали ряд исторических ошибок, побудили его к публикации популярного очерка «Археологические заметки по вопросу о катакомбах в Керчи» [Кулаковский, 1892. С. 220–224]. В доступной форме историк изложил описание этих памятников. К этой же проблеме он возвращается в статье «О керченских катакомбах с фресками» [Кулаковский, 1893. С. 384–385]. Обзор своих археологических разысканий в Керчи учёный поместил в отдельном выпуске «Материалов по археологии России», издаваемых Археологической комиссией [Кулаковский, 1896. 2, II, 67, 5 с.]. Обсуждение новых археологических находок на керченской земле продолжалось и на стра-

ницах довольно обширной переписки Ю. А. Кулаковского ведущими российскими и европейскими археологами и востоковедами. Так, историк и библиограф Афанасий Федорович Бычков отмечал, обращаясь к Ю. А. Кулаковскому, что «мы имели удовольствие познакомиться с результатами Вашего любопытного открытия. Можно надеяться, что если обстоятельства Вам позволят, вы продолжите раскопки, увенчавшиеся такой блистательной находкой» [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 123]. Специалист в области эпиграфики И. В. Помяловский специально писал Юлиану Андреевичу по поводу его новых находок: «Она меня крайне заинтересовала <...> Ваша находка должна и в том и в другом отношении занять одно из первых мест в христианской эпиграфии. Особый интерес придаёт ей дата, и если в тексте псалмов окажутся варианты, то это будет прямой драгоценностью» [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 123].

Заняв, таким образом, определённое место в активно развивавшемся в ту эпоху научном крымоведении, Кулаковский ревниво интересовался всеми книжными новинками по археологии Крыма, вел обширную переписку с исследователями, занимавшимися различными сторонами жизни края. Конечно же, при этом он не мог не познакомиться с авторитетнейшим историком и библиографом, крупнейшим организатором досоветского крымоведения Арсением Ивановичем Маркевичем (1855–1942) [Непомнящий, 2005. 432 с.].

В личном архивном фонде А. И. Маркевича, который хранится в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, отложилась незначительная часть научного архива учёного. Среди других — 13 писем Ю. А. Кулаковского к И. Маркевичу, датированных 1894–1895 гг. [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55]. Из содержания первого из писем от 14 октября 1894 г., становится известным, что знакомство двух выдающихся крымоведов состоялось в связи с выходом в свет в этом году

«Опыта указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще» А. И. Маркевича.

В 1894 году Археологическая комиссия вновь организовала экспедицию в Крым. Её руководство было поручено Ю. А. Кулаковскому. Итоги экспедиции освещены в отдельной статье историка, опубликованной в издании Исторического общества Нестора Летописца [Кулаковский, 1895. С. 42–44]. В Керчи раскопки производились на горе Митридат и на северной окраине города. В округе Керчи исследования велись на мысе Зюк, вблизи Чокракского озера. Юлиан Андреевич весьма скромно оценивал результаты проведённых им работ. В письме к своему коллеге по Университету Святого Владимира историку-византинисту Тимофею Дмитриевичу Флоринскому в июне 1894 года Ю. А. Кулаковский констатировал: «Вообще мои раскопки, которые сообразно отпущенным средствам я веду в очень скромных размерах, дали пока самые бедные результаты, — разумею — непоказные, — хотя для меня лично и для топографии здешних кладбищ не лишено значения и то, что найдено» [Матвеева, 2002. С. 3–75].

Концом 1894 г. — первой половиной 1895 г. датирована серия писем Ю. А. Кулаковского к А. И. Маркевичу, посвящённых организации работ по подготовке «Археологической карты Крыма». Информация, содержащаяся в эпистолярной, проливает свет на неизвестные страницы деятельности краеведов, содержит интересные характеристики подвижников крымоведения.

«14 дек[абря] [18]94

Киев

Многоуважаемый

Арсений Иванович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне советом в вопросе, который должен быть близок Вашему Сердцу. Дело в следующем. — В своем отчёте о раскопках этого года, который я представил в Комиссию, я

позволил себе высказать желание, чтобы Комиссия взяла на себя труд издания археологической карты Крыма. Я указывал на то, что изданные в России карты, какова карта, приготовленная к Одесскому Съезду 84 года, а также и карта Латышева, во II томе Корнуса его, основаны не на самостоятельном изучении местностей, а являются лишь повторением (кое в чем улучшенным) прежних карт, составленных немцами, не бывавшими в Крыму, как *Neutapp* (*Skythen und Hellenen*). Это моё предложение Комиссия приняла благосклонно, и в своем ответе она мне предлагает следующее: "принять на себя труд подготовки проектируемой Вами археологической карты и составления проекта археологических разысканий во внутренней части Крымского полуострова".

В этом направлении я пока ничего не сделал кроме того, что пересматриваю некоторые статьи из *Записок Одесского общ[ества] Ист[ории] и Древностей* подходящего содержания. Когда я в этом году мечтал захватить в Симферополь, то моей главной мыслью было узнать, не организовано ли у Вас что-нибудь по части собрания сведений о достопримечательных в археологическом отношении местностях, остающихся доселе неизвестными. На Ваши земские и дворянские собрания съезжаются люди со всех концов полуострова, и таким образом нетрудно, казалось бы, со стороны утилизировать это для научных целей. Я говорил на сродную тему с одним Вашим крупным помещиком Счабрицевым, но от него ничего не узнал. — Позвольте просить Вас сообщить мне Ваше мнение насчёт целесообразности и осуществимости моей мысли об издании карты (одной или нескольких, по эпохам исторической жизни Крыма), а также и о том, есть ли в Вашей Комиссии какие-либо материалы, которыми можно было бы воспользоваться для древнего периода, который меня, конечно, прежде всего, интересует. — В надежде, что Вы не откажете ответом, остаюсь искрен-

не уважающий Вас Ю. Кулаковский.

Р. С. Прошу Вас при случае передать мой сердечный привет Х. А. Монастырлы» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55].

«19 марта [18]95

Киев.

Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Давно я не отзывался к Вам, но не было ничего, о чем надлежало Вас уведомить. Комиссия ещё не распределяла денег на работы, а потому я и не знаю, какая сумма будет в нашем с Вами распоряжении. Но вчера я получил письмо от Веселовского с некоторыми сведениями, которыми и хочу немедленно поделиться с Вами. Когда я был в Петербурге, то говорил в Комиссии, что составление Археологической карты Крыма возможно не иначе, как при Вашем участии и содействии (и Думберга — для восточной части полуострова). Я говорил, что необходимо предоставить Вам, как и мне, определенный кредит на предстоящее лето. Теперь Веселовский пишет, что Комиссия предполагает выдать кредит на моё имя, чтобы я потом от себя передал Вам столько, сколько будет нужно. (Сколько они предполагают ассигновать, он не пишет). Позвольте надеяться, что для Вас это без разницы, так как в этом деле мы теснейшие союзники. Вероятно, много экскурсий нам придется сделать вместе, значит и расходы будут общие; а когда придется действовать раздельно, то будем сообща расходовать наш кредит. — Далее, Веселовский пишет, что Главный Штаб доставил карты Крыма (по моей инициативе Комиссия просила у Штаба карту самого большого масштаба, в ней чуть ли не сто листов) и спрашивает, куда направить эту карту. Я предполагал, что её следует направить к Вам, в Вашу Комиссию, где, вероятно, найдется ей место полежать до времени, когда мы с Вами станем наносить на неё имеющиеся данные и проверять в экскурсиях. В настоящее время я по мере возможностей стараюсь полнее

войти в археологию и историю Крыма и делаю разные выписки по имеющейся здесь литературе, которая, впрочем, далеко у нас в библиотеке не полна. Конечно, моё внимание обращено, прежде всего, на сведения о греческих городах и находках той эпохи. Вы, как вижу по Вашим статьям в Известиях, знаете и татарский период.

Итак, в твердой надежде на Ваше сотрудничество на все лето, крепко жму Вашу руку. Ваш Юлиан Кулаковский» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55].

«Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Спешу отозваться на Ваше письмо, чтобы разъяснить Ваше недоумение насчёт отсутствия инструкции. Если кто в этом виноват, то один лишь я. Но сознаюсь, я знаю что нам и не нужно, да и не от кого получать инструкцию. Я предполагал и даже собирался представить в Комиссию официальное изложение того, что и как я бы считал нужным сделать, но я этого до сих пор не исполнил. А в Комиссии заняты были, по всей вероятности, все эти месяцы предстоявшей выставкой для Царя и разными текущими делами, и от меня ничего не потребовали. Я старался познакомиться с системой знаков, как она установлена на западных археологических конгрессах, усиленно читаю, что могу достать по истории и археологии Крыма и делаю разного рода отметки. Представляю я себе дело так: если мы с Вами обойдем в этом году Евпаторийский уезд и часть горного Крыма и нанесем данные этих мест на карту, то этого на первое лето будет вполне достаточно. Если в Ваших руках находится статистический материал по курганам степного Крыма (Антонович говорил мне в Статист[ических] Комитетах такие данные есть и, сколько он знает по опыту, хорошего качества) и Вы располагаете свободным временем, чтобы свести его, то этим значительно облегчаются наши будущие экскурсии. Материалы, которые есть в Зап[исках] Од[есского] Общ[ества

истории и древностей] и Ваших Известиях я пересмотрел и сделал из него выписки. Будьте так добры, сообщите мне, есть ли у Вас в Симферополе Dibois, Pallas и Кеппен, а также имеется ли карта Кеппена?

Преданный Вам Ю. Кулаковский
14 апреля [18]95

Киев» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55].

«19 апреля [18]95

Киев

Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Спешу поделиться с Вами известием, которое сообщил мне Веселовский, а именно: Комиссия уже назначила деньги на нашу с Вами работу, причем, по-видимому, Вы будете иметь особый, лично Вам назначенный аванс. Итак, дело, слава Богу, обеспечено. Делясь с Вами этим равно нам обоим приятным сведением, хочу Вас спросить, во-первых, о том, когда кончатся у Вас экзамены и с какого дня Вы будете свободны. Это мне нужно знать для своих соображений о том, как распределить предстоящие вакации. Я надеюсь, что буду уже свободен 1 июня, но быть может мне и нельзя и не к чему будет тотчас же приехать в Симферополь, так как есть у меня забота и в Керчи (христианская катакомба, найденная там в марте месяце). Я не знаю, там ли Думберг теперь, но, вероятно, он будет там в начале июня. Мне и приходит теперь на мысль, не лучше ли сначала побывать мне в Керчи, снять кальки с христианских надписей, столкнуться с Думбергом о том, что и как надо сделать по отношению к восточной окраине Крыма, а потом явиться к Вам. Если Вы не будете свободны раньше 15 июня, то и мне, пожалуй, трудно будет что-нибудь предпринять в Ваших интересах раньше этого времени.

Второй мой вопрос касается вот чего. Лично я мало знаю Яцуержинского, хотя мы с ним и встречались. Я слышал часто, что он очень живой, энергичный и предприимчивый человек.

Как Вы думаете на счёт того, чтобы привлечь его к нашему делу? Если Вы считаете это полезным, то не возьмётся ли написать ему, чтобы узнать, какие его планы на предстоящее лето и не найдёт ли он для себя интересным быть нашим сотрудником? Если да, то пусть бы он отозвался ко мне и тогда мы спишемся заранее. Но во всяком случае ставлю вопрос о нём на Ваше усмотрение, так как Вы его бывший сослуживец и, значит, знаете его и можете судить о том, насколько желательно его участие. — Ещё один вопрос: есть ли в Вашей библиотеке Сумароков «Досуги Крымского Судьи»? В нашей библиотеке нет этого сочинения; я его знаю по Керчи, но теперь чувствую сильно отсутствие его под руками.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ю. Кулаковский» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55].

«Многоуважаемый
Арсений Иванович!

В ответ на Ваше письмо от 23 апреля прежде всего хочу сказать, что буду чрезвычайно рад участию в нашем деле Ф. Ф. Лашкова. По многим его трудам я знаю его имя, но лично встретаться не приходилось. На Одесском съезде я был новичком, а в Моск[овском] 90 года почти не участвовал. Работы Ф. Ф. Лашкова в Ваших Известиях указывают, что он хорошо знает татарскую историю Крыма, которой я не знаю вовсе, так что и в этом отношении он дорогой помощник, не говоря уже о близком и непосредственном его знакомстве с местностью. — Бумаги от Комиссии об открытии кредита на наше дело я ещё не получал, но раз Вы получили уже формальное приглашение участвовать в этой работе, то, значит, там дело уже оформлено. Что касается до кар-

ты, присланной Вам, то это должна быть карта Крыма наибольшего масштаба, верста в дюйме. Я предполагал, что работать с такой картой удобнее всего, хотя для издания придется перевести наши значки на меньшую в несколько раз. Я этой карты не видел, при мне лишь Комиссия попросила её из Штаба. Я бы думал, что не только бы не мешало раскупорить посылку, но даже и выбрать листы хотя бы того же Евпаторийского уезда (пока одного) и наклеить по четыре (если это не слишком много) на полотно (при этом можно и разрезать листы, если это удобнее для укладки). Вероятно, в Симферополе есть переплетчики, которые умеют обращаться с наклейкой карты. Как мы разделим работу, с чего начнем, это обсудим, когда свидимся. Я предположил Евп[аторийский] уезд для начала, потому что он менее других привлекал внимание и представляется наименее интересным по климатическим условиям для экскурсий. Перебраться потом в горы будет приятным отдыхом.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Ю. Кулаковский.

1 мая [18]95. Киев» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55].

Судьба издания «Археологической карты Крыма» сложилась печально. Несмотря на то, что проект поддерживали Академия наук и Археологическая комиссия, финансирование было не то что недостаточным, а остаточное [ПФАРАН, ф. 35, оп. 1, д. 44]. А. И. Маркевич и Ю. А. Кулаковский проделали значительную работу по подготовке столь нужного в крымоведении справочно-энциклопедического издания о крымских древностях.

1. Григор'єва Т. Ф. Вивчення, охорона і спорудження пам'яток історії та культури в Криму як один з напрямків краєзнавчих досліджень // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в Українській РСР: зб. метод. матер.: в 6 ч. Київ, 1989. Ч. 5. С. 25.

2. ИИМК РАН РА, ф. 1 (1885 г.), д. 59, л. 110–114 об.; 125–136; ф. 1 (1891 г.), д. 40, л. 39–40.
3. ИИМК РАН РА, ф. 25, оп. 1, д. 180, л. 2.
4. ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 1–26.
5. ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 3–4.
6. Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, научный архив, оп. 2, д. 102, л. 55–65.
7. Кулаковский Ю. А. Археологическая заметка по вопросу о катакомбах в Керчи // Русская мысль. 1892. Кн. 12, отд. 2. С. 220–224.
8. Кулаковский Ю. А. Археологические раскопки близ Керчи летом 1890 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1891. Кн. 5. С. 20–23.
9. Кулаковский Ю. А. Две керченские христианские катакомбы с фресками. Прил.: Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // Материалы по археологии России, изд. имп. Археологической комиссией. СПб., 1896. Вып. 19: Древности Южной России. 2, II, 67, 5 с.
10. Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб.: Алетейя, 1996. Т. 1. – С. 6.
11. Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России, изд. имп. Археологической комиссией. СПб., 1891. Вып. 6: Древности Южной России. 6, 30 с.
12. Кулаковский Ю. А. Новости эпиграфической литературы: Corpus Inscriptionum Latinarum VIII u Ephem. Epigr. IV, 2 // Университетские известия. 1881. № 12, отд. 4. С. 371–380; 1883. № 4, отд. 4. С. 123–130.
13. Кулаковский Ю. А. О керченских катакомбах с фресками // Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским археологическим обществом / под ред. А. В. Орешникова. — М., 1893. Т. 1, № 9/10. С. 384–385.
14. Кулаковский Ю. А. Раскопки в Керчи и Анапе летом 1894 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1895. Кн. 9. С. 42–44.
15. Латышев В. В. [Рецензия] // ЖМНП. 1891. Декабрь, отд. критико-библиографич. С. 393–405. — Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России, издаваемые имп. Археологической комиссией. СПб., 1891. Вып. 6: Древности Южной России. 6, 30 с.
16. Матвеева Л. В. [Вступительная статья] // Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев: Стилоз, 2002. С. 3–75. (Серия: «Наукова спадщина сходознавців»).
17. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.
18. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование. Симферополь, 2000. 360 с.
19. ПФАРАН, ф. 35, оп. 1, д. 44, л. 1.
20. ПФАРАН, ф. 737, оп. 1, д. 126, л. 7–8.
21. Ремезов М. По своим краям // Русская мысль. 1892. Кн. 8. С. 100–114; Кн. 9. С. 46–61.
22. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 122, л. 20.
23. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 123, л. 16.

Список сокращений

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ИИМК РАН РА — Институт истории материальной культуры РАН, рукописный архив
 НА ВКИКМЗ — Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника
 ПФАРАН — С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 ЦГИАУК — Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве

The article analyzes the correspondence of the outstanding classical scholar, historian, archaeologist Julian Andreevich Kulakovsky. Particular emphasis is placed on the description of monuments in Crimea epistolary scientist.

Keywords: *Y. A. Kulakovsky; Crimea; epistolary*

УДК 902.4.034

С. В. Ольховский, А. В. Степанов

Подводные археологические исследования на трассе Керченского моста

В 2014-2016 гг. на морском участке трассы Керченского моста проведено дистанционное обследование участка дна на площади более 400 га и идентифицировано более 7000 выявленных магнитных и акустических целей. Самым интересным выявленным археологическим объектом оказалось крупное скопление керамики у мыса Ак-Бурун. В 2015 г. в границах этого ОАН раскопано 1200 кв. м дна, при этом, извлечено более 20000 находок.

***Ключевые слова:** Керченский пролив; подводные разведки; подводные раскопки; ОАН «Бухта Ак-Бурун»; Керченский мост*

В 2014 г. при проектировании мостового перехода Тамань-Крым в Керченском проливе начались крупномасштабные инженерные изыскания. Наличие затонувших археологических объектов в этой акватории не вызывает сомнений, но их обнаружение является сложной задачей из-за мощного слоя ила, покрывающего значительную часть дна пролива. Некоторые погребённые в иле объекты возможно выявить дистанционно — металл, скопления керамики и камней вулканических пород создают аномалии в местном магнитном фоне. Прочие же объекты могут быть обнаружены гидроакустическими средствами в случае вышшения над поверхностью дна.

Учитывая, что в проливе в период Второй мировой войны затонули сотни судов и десятки самолетов, а последующее разминирование было проведено, главным образом, вблизи фарватера, первоочередной задачей изысканий стала очистка запроектированной трассы моста от взрывоопасных предметов. Благодаря сотрудничеству Института археологии РАН с «Инженерно-техническим центром специальных работ и экспертиз» (г. Санкт-Петербург), сапёрное и археологическое изучение акватории производилось совместно.

Для обеспечения высокой достоверности результатов обследования была применена следующая методика: по

заранее спланированной сетке галсов с междугалсовым расстоянием 5 м параллельно велась съемка гидролокатором бокового обзора на частоте 780 кГц и буксируемым магнитометром с чувствительностью 0,01 нТл. Навигационное сопровождение съёмки обеспечивал GPS-приёмник геодезического класса с субметровой точностью позиционирования, естественные колебания магнитного поля Земли фиксировала береговая вариационная станция. Данная методика позволила совместить на единой координатной подоснове выявленные акустические (размер от 0,1 м) и магнитные цели (от 5 нТл), и в ряде случаев дистанционно идентифицировать найденные объекты по признакам акустического контакта и магнитных свойств.

В ходе многомесячной дистанционной разведки сапёры и археологи обследовали более 400 га акватории Керченского пролива, в результате выявлены несколько сотен акустических и более 7 тысяч магнитных целей. В 2014–2016 гг. все эти цели были расчищены, осмотрены и идентифицированы, при этом, обнаружены затонувшие плавсредства периода Второй мировой войны, масса разнообразных боеприпасов и несколько судовых якорей.

Самый интересный объект на трассе мостового перехода обнаружен в Керченской бухте, на мелководье между мысом Ак-Бурун и Минным пирсом Керченской крепости: при обследовании площадного скопления магнитных целей на поверхности дна были найдены сотни фрагментов неокатанной античной керамики.

Так как это скопление керамики не состояло на учёте в государственном комитете по охране культурного наследия Республики Крым, пришлось срочно провести его паспортизацию в качестве выявленного объекта культурного наследия: определить культурно-историческую значимость, происхождение, датировку, границы распространения. В результате расчистки 14-ти шурфов размером 1х1 м, раскопанных на глубину 1 м, удалось установить приблизитель-

ные границы и площадь керамического скопления, — до 50000 кв. м., а также глубину залегания археологических находок — до -0,7 м от поверхности дна. Основная часть обнаруженной при этом керамики относилась к IV–II вв. до н. э.

На основе результатов шурфовки была высказана гипотеза о происхождении керамического скопления у мыса Ак-Бурун как следствие продолжительного использования этого участка акватории в качестве якорной стоянки, где товары перегружали с судов на лодки, а разбитую при перевозке керамическую тару выбрасывали в море. Керамическое скопление было поставлено на государственный учёт в качестве объекта культурного наследия, и строительство на этом участке акватории стало возможным только после спасательных подводных раскопок на участках дна, запроектированных под мостовые опоры.

В границах керамического скопления намечено строительство 16 опор временного моста, 5 опор железнодорожного моста, 5 опор автомобильного моста. Задачей сезона 2015 г. стала расчистка 16 участков под опоры временного моста, размер каждого участка составил 15х5 м. Для выполнения столь крупного объема работ Институт археологии РАН привлёк три водолазные станции, имеющие опыт проведения подводных археологических раскопок: «ИТЦ специальных работ и экспертиз» (г. Санкт-Петербург), ИП Адейкин А. И. (г. Симферополь), Предприятие подводно-технических работ «Пётр» (г. Воронеж).

Избранная методика подводных раскопок предусматривала:

— точное позиционирование участков в акватории, для чего угловые точки раскопов должны быть выставлены с субметровой точностью;

— установку на раскопе постоянной и временной разметки квадратов, подбор оптимального инструментария;

— фиксацию стратиграфии и местоположения находок, для чего каждый раскоп подразделяется на 75 квадратов 1х1 м с индивидуальным индексом;

— применение полнолицевых масок с проводной телефонной связью для обеспечения постоянного голосового контакта водолаза с руководителем работ и передачи результатов стратиграфических наблюдений, местоположения и количества находок;

— использование гидроэжектора с длинным заборным шлангом, позволяющего выполнять контролируемое удаление донных отложений из раскопа.

Расчистка раскопа производилась следующим образом: водолаз ладонями отбирал из заданного квадрата порции ила, сообщал оператору количество и местоположение обнаруженных находок, складывал их в корзину, затем заборным шлангом гидроэжектора удалял просмотренный ил. После извлечения на поверхность находки раскладывали по ящикам, проводили первичную очистку, снабжали этикетками с номерами квадратов и передавали на камеральную обработку. Описанная методика оказалась вполне результативной, но систематическая фотосъёмка была крайне затруднена: прозрачность воды из-за постоянных дноуглубительных работ в проливе не превышала 0,4-0,5 м, а расчищенные квадраты сразу же заполняла плотная взвесь, мешавшая фотофиксации. При работе гидроэжектора прозрачность воды на раскопе обычно составляла не более 10-20 см.

Расчистка раскопов началась в июле 2015 г. Квадраты расчищались по пластикам толщиной 20 см, с фиксацией глубины залегания находок. Это привело к неожиданному результату: в некоторых квадратах в слое ила оказались перемешаны археологические предметы разных хронологических периодов и изделия производства 1950-1970-х гг. (стеклянная тара, металлические и пластмассовые изделия, провода и шланги). В некоторых квадратах отмечены плотные протяжённые линзы толщиной 10-15 см, состоящие из мелких камней, ракушек, археологических находок и изделий XX в. Хотя естественное осаждение находок ниже уровня этих линз невозможно, изделия XX в.

оказались и под ними. Поскольку такая стратиграфия нехарактерна для культурных напластований, стало очевидно, что археологические предметы не отложились в этом районе акватории естественным образом, а попали сюда в результате свала донных отложений, извлечённых при дноуглубительных работах в другой части Керченской бухты.

Для проверки этого вывода проведено акустическое профилирование донных отложений на всей площади керамического скопления. Анализ результатов съёмки, выполненной профилографом SeaKing Parametric SBP (Tritech International Ltd., Великобритания) показал, что естественная поверхность дна в этом районе акватории перекрыта обширной насыпью, сформированной множеством оплывших и растянутых по дну конусообразных останцев. Вероятно, они образовались в результате множества локальных сбросов грунта, верхушки которых размыты штормами. По данным профилирования, ныне мощность насыпи над естественной поверхностью дна не превышает 1 м, что подтверждается результатами расчистки раскопов. Хотя результаты профилирования подтвердили перемешанный характер слоя на всей площади керамического скопления, расчистка остальных раскопов в 2015 г. была продолжена по квадратам 1x1 м, но без послышной фиксации находок, — для дополнительной верификации результатов профилирования и отслеживания плотности расположения находок в насыпи.

В июле-декабре 2015 г. 3 водолазные станции исследовали 16 участков дна общей площадью 1200 кв. м. В результате на поверхность поднято и передано на камеральную обработку более 20 тысяч находок. Хотя в результате перемещения донных отложений археологические предметы оказались фактически депаспортизованы, они продолжают представлять значительный научный интерес — обнаруженная керамика демонстрирует весь спектр торговых связей Пантикапея с VI в. до н. э. до III вв. н. э. Коллекция профильных частей

амфор и клейм включает изделия практически всех причерноморских и средиземноморских городов, связанных в то время со столицей Боспора. Состав керамического комплекса своеобразен — почти полностью отсутствуют находки, характерные для местных сухопутных объектов: лепная керамика, керамические грузила, терракота, курильницы, металлические и костяные изделия, что объясняется формированием скопления у городских причалов либо на прибрежной якорной стоянке. Косвенно подтверждают принадлежность некоторых находок к судовому камбузу: 6 фраг-

ментов столовой посуды, на которые нанесены граффити с изображением якорей. Значительная часть керамики представлена крупными и особо крупными фрагментами, что свидетельствует о практике утилизации в море разбитых при перевозке сосудов. Детальный состав керамического комплекса в трёх раскопах приведён в таблицах 1-3.

В 2016 г. спасательные раскопки под опорами мостового перехода Керчь-Тамань продолжаются.

Таблица находок из Раскопа 2

Тип находки/Место находки — сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Строительная керамика:	10	6	2	18
Керамиды боспорские IV-II вв. до н.э.	2	2	—	4
Калиптеры боспорские II в. до н.э. — I в. н.э.	—	1	—	1
Керамиды синопские IV-II вв. до н.э.	4	3	—	7
Калиптеры синопские IV-II вв. до н.э.	4	—	—	4
Калиптера красноглиняного неопределённого	—	—	2	2
Пифосы	2	—	—	2
Амфоры:	264	214	45	523
Амфоры хиосские последней четверти VI — IV вв. до н.э.	11	3	5	19
Амфоры лесбосские IV-III вв. до н.э.	—	1	—	1
Амфоры милетские IV-III вв. до н.э.	2	—	—	2
Амфоры пепаретские IV в. до н.э.	1	—	—	1
Амфоры мендейские второй половины V-III в. до н.э.	12	6	5	23
Амфоры фасосские IV-III в. до н.э.	10	14	—	24
Амфоры круга Фасоса IV-III в. до н.э.	10	2	—	12
Амфоры косские IV-II в. до н.э.	20	11	—	31
Амфоры псевдокосские IV-II в. до н.э.	—	8	7	15
Амфоры кидские IV-III в. до н.э.	28	11	2	41
Амфоры гераклейские IV-III в. до н.э.	—	12	—	12
Амфоры синопские IV-III в. до н.э.	13	9	4	26
Амфоры херсонесские IV-I в. до н.э.	1	—	—	1
Амфоры родосские III-II в. до н.э.	61	32	5	98
Амфоры колхидские II в. до н.э. — II в. н.э.	19	—	2	21
Амфоры синопские II в. до н.э. — I в. н.э.	4	—	—	4
Амфоры гераклейские псевдокосские I в. до н.э. — I в. н.э.	21	54	5	80
Амфоры эгейские, тип 90 по Зеест II-IV вв. н.э.	1	—	—	1
Амфоры южнопонтские II-III вв. н.э.	4	—	—	4
Амфоры боспорские II-III вв. н.э.	—	17	3	20

Таблица находок из Раскопа 2 (продолжение)

Тип находки/Место находки — сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Амфоры гераклейские типа С по Шелову, II в. н.э.	1	—	—	1
Амфоры гераклейские типа F по Шелову, IV в. н.э.	1	—	—	1
Амфоры гераклейские, II-IV вв. н.э.	4	—	—	4
Амфоры понтийские, тип V по АДСВ-71, VI-VII вв.	1	—	1	2
Амфоры-кувшины «колхидские», тип 41 по ХК-95, X-XI вв.	1	—	—	1
Амфоры неопределённых центров	38	34	6	78
Чернолаковая керамика:	7	12	2	21
Миски, тарелки, блюда, кубки и канфары, скифосы IV-II в. до н.э.	7	12	2	21
Краснолаковая керамика:	6	19	—	25
Чаши мегарские III-I вв. до н.э.	1	—	—	1
Миски, тарелки и кубки II в. до н.э. — I в. н.э.	4	18	—	22
Сосуды с росписью барботином, II-I вв. до н.э.	—	1	—	1
Миски, канфары I-III вв. н.э.	1	—	—	1
Поливная керамика:	—	1	—	1
Миски XVII-XIX вв.	—	1	—	1
Простая гончарная посуда:	105	23	12	140
Кувшины, сосуды закрытого типа	67	17	8	92
Кувшины, чаши и кубки с росписью VI-IV вв. до н.э.	3	—	1	4
Кувшины, чаши и кубки с росписью VI-IV вв. до н.э.	3	—	1	4
Лагиносы	6	1	—	7
Миски, блюда, кубки, чаши	25	4	2	31
Блюда рыбные сероглиняные II-I вв. до н.э.	2	—	1	3
Сосуды неопределённого типа	2	1	—	3
Кухонная керамика:	62	37	6	105
Горшки и корчаги	22	7	—	29
Миски, чаши	2	1	—	3
Кастрюли и котлы	38	22	5	65
Сковороды	—	1	1	2
Сосудов неопределённого типа	—	6	—	6
Лутерии:	2	—	—	2
Лутерии красноглиняный IV-III вв. до н.э.	2	—	—	2
Крышки	6	1	1	8
Кости животных	8	17	3	28
Находки предметов XX в. (стеклянные бутылки и банки, провода и электроустановочные изделия и т.п.)	2	3	1	6
Всего находок	474	333	72	879

Таблица находок из Раскопа 8

Тип находки/Место находки — сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Строительная керамика:	3	6	3	12
Керамиды красноглиняные IV-II вв. до н.э.	2	3	—	5
Калиптеры неопределенного центра	—	—	1	1
Черепица южнопонтійская IV-II вв. до н.э.	—	2	2	4
Черепица красноглиняная XIX в. н.э.	1	1	—	2
Пифосы	—	—	4	4
Амфоры:	459	419	602	1480
Амфоры самосские конца VII — IV вв. до н.э.	1	—	1	2
Амфоры хиосские последней четверти VI — IV вв. до н.э.	49	51	73	173
Амфоры милетские второй половины VI — первой половине IV вв. до н.э.	2	1	—	3
Амфоры клазоменские второй половины VI в. до н.э.	—	—	1	1
Амфоры пепаретские IV в. до н.э.	2	—	—	2
Амфоры мендейские второй половины V-III в. до н.э.	16	23	30	69
Амфоры протофасосские последней трети VI в. до н.э.	1	—	—	1
Амфоры фасосские IV-III в. до н.э.	71	67	83	221
Амфоры круга Фасоса IV-III в. до н.э.	1	—	10	11
Амфоры косские IV-II в. до н.э.	21	35	50	106
Амфоры книдские IV-III в. до н.э.	60	21	81	162
Амфоры гераклеийские IV-III в. до н.э.	53	42	30	125
Амфоры синопские IV-III в. до н.э.	62	47	40	149
Амфоры южнопонтійские IV-III в. до н.э.	7	—	10	17
Амфоры родосские III-II в. до н.э.	72	88	132	292
Амфоры южнопонтійские I в. до н.э. — II в. н.э.	1	1	—	2
Амфоры колхидские II в. до н.э. — II в. н.э.	1	10	21	32
Амфоры псевдокосские I в. до н.э. — I в. н.э.	—	—	1	1
Амфоры синопские I-III вв. н.э.	—	—	1	1
Амфоры южнопонтійские II-III вв. н.э.	—	—	3	3
Амфоры боспорские II-III вв. н.э.	2	11	12	25
Амфоры гераклеийской типа D по Шелову III в. н.э.	—	—	3	3
Амфоры «причерноморского» типа VIII-XI вв. н.э.	1	1	—	2
Амфоры неопределённых центров IV-III вв. до н.э.	31	16	12	59
Амфоры неопределённых центров II вв. до н.э. — I в. н.э.	5	—	—	5
Амфоры неопределённых центров II-III в. н.э.	—	5	8	13
Чернолаковая керамика:	10	13	30	53
Миски, тарелки, блюда, кубки и канфары, скифосы IV-II в. до н.э.	6	13	29	48
Миски II-I в. до н.э.	4	—	—	4
Кувшины IV-III вв. до н.э.	—	—	1	1
Краснолаковая керамика:	22	27	9	58
Чаши мегарские III-I вв. до н.э.	3	—	3	6
Миски, тарелки и кубки II в. до н.э. — I в. н.э.	19	26	6	51
Кувшины II в. до н.э. — I в. н.э.	—	1	—	1

Таблица находок из Раскопа 8 (продолжение)

Тип находки/Место находки — сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
<i>Поливная керамика:</i>	1	—	—	1
Миски XVIII-XIX вв.	1	—	—	1
<i>Простая гончарная посуда:</i>	69	114	108	291
Кувшины	55	95	74	224
Кувшины и кубки с росписью II в. до н.э. — I в. н.э.	—	2	—	2
Ойнохои	1	1	—	2
Лагиносы	1	1	3	5
Лекифы IV-II в. до н.э.	1	—	1	2
Флаконы (унгвентарии) III-I вв. до н.э.	2	1	—	3
Миски, блюда, кубки	1	—	9	10
Блюда рыбные сероглиняные II-I вв. до н.э.	1	4	—	5
Миски чернолощенные II-I в. до н.э.	4	—	—	4
Сосуды неопределённого типа	3	10	21	34
<i>Кухонная керамика:</i>	75	72	80	227
Горшки и корчаги	23	21	23	67
Сосуды закрытого типа	2	—	5	7
Кастрюли и котлы	28	19	39	86
Сковороды	—	—	3	3
Сосудов неопределённого типа	22	32	10	64
<i>Лутерии:</i>	4	6	2	12
Лутерии красноглиняный IV-III вв. до н.э.	3	2	1	6
Лутерии синопские IV-III вв. до н.э.	1	4	—	5
Лутерии синопские II в. до н.э. — II в. н.э.	—	—	1	1
<i>Крышки</i>	6	3	9	18
<i>Кости животных</i>	19	28	27	74
<i>Пластины свинцовые со сквозными отверстиями</i>	—	2	1	3
<i>Изделия из кости</i>	—	—	2	2
<i>Находки предметов XX в. (стеклянные бутылки и флаконы, лист паронита, провода и электроустановочные изделия, шланги и т.п.)</i>	6	3	4	13
<i>Всего находок</i>	674	693	881	2248

Таблица находок из Раскопа 10

Тип находки/Место находки — сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Строительная керамика:	4	11	8	23
Керамиды боспорской IV-II вв. до н.э.	—	1	3	4
Калиптеры неопределённого центра IV-II вв. до н.э.	2	2	3	7
Керамиды южнопонтйской IV-II вв. до н.э.	2	5	—	7
Калиптера южнопонтйского IV-II вв. до н.э.	—	3	2	5
Пифосы	4	12	6	22
Амфоры:	361	482	573	1416
Амфоры хиосские последней четверти VI — IV вв. до н.э.	63	77	98	238
Амфоры коринфские IV-III вв. до н.э.	4	—	2	6
Амфоры клазоменские второй половины VI в. до н.э.	1	—	—	1
Амфоры пепаретские IV в. до н.э.	11	5	8	24
Амфоры мендейские второй половины V-III в. до н.э.	39	44	85	168
Амфоры протофасосские последней трети VI в. до н.э.	1	—	—	1
Амфоры фасосские IV-III в. до н.э.	98	133	135	366
Амфоры круга Фасоса IV-III в. до н.э.	39	10	33	82
Амфоры косские IV-II в. до н.э.	5	13	7	25
Амфоры квидские IV-III в. до н.э.	52	90	96	238
Амфоры гераклейские IV-III в. до н.э.	5	10	4	19
Амфоры синопские IV-III в. до н.э.	6	28	9	43
Амфоры родосские III-II в. до н.э.	22	52	64	138
Амфоры неопределённых центров IV-I вв. до н.э.	15	20	32	67
Чернолаковая керамика:	17	27	17	61
Миски, тарелки, блюда, кубки и канфары, скифосы V-III в. до н.э.	8	16	14	38
Миски II-I в. до н.э.	2	4	1	7
Кувшины IV-II вв. до н.э.	7	7	2	16
Краснолаковая керамика:	10	9	8	27
Чаши мегарские III-I вв. до н.э.	1	2	—	3
Кубки с росписью барботином	—	—	1	1
Миски, тарелки и кубки II в. до н.э. — I в. н.э.	7	6	7	20
Миски, тарелки и кубки I-III вв. н.э.	1	—	—	1
Кувшины II в. до н.э. — I в. н.э.	1	1	—	2
Поливная керамика:	—	—	1	1
Миски XIII-XIV вв.	—	—	1	1
Простая гончарная посуда:	40	63	66	169
Кувшины	18	37	34	89
Кувшины и кубки с росписью II в. до н.э. — I в. н.э.	—	2	4	6
Флаконы (унгвентарии) III-I вв. до н.э.	—	—	1	1
Миски, тарелки, блюда, кубки	11	14	19	44
Сосуды неопределённого типа	11	10	8	29
Кухонная керамика:	69	105	148	322
Горшки и корчаги	15	29	45	89

Таблица находок из Раскопа 10 (продолжение)

Тип находки/Место находки — сектор	С. 1, фр-в	С. 2, фр-в	С. 3, фр-в	Всего фр-в
Кастрюли и котлы	19	43	50	112
Сковороды	2	3	5	10
Сосудов неопределённого типа	33	30	48	111
Лутерии:	2	6	8	16
Лутерии аттические	—	1	—	1
Лутерии синопские IV-III вв. до н.э.	2	5	8	15
Крышки	8	10	12	30
Кости животных	17	31	49	97
Находки предметов XX в. (стеклянные бутылки и банки, провода, шланги и т.п.)	2	7	7	16
Всего находок	534	763	903	2200

1. Ольховский С. В., Степанов А. В. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. // Древности Боспора. Т.20. С.355-364. М., 2016.

In 2014-2016 the remote examination of the sea bottom part of the Kerch bridge route was held on the area of over 400 hectares and more than 7,000 magnetic and acoustic targets were identified. The most interesting archaeological site identified is a large cluster of ceramics at the Ak-Burun Cape. In 2015 within the boundaries of that area 1200 square meters were excavated with over 20,000 findings extracted.

Keywords: Kerch Strait; underwater exploration; underwater excavations; Ak-Burun Bay; Kerch bridge

УДК 572.08

Д. Ю. Пономарев, А. В. Никитаев

Антропологический материал из юго-восточного участка средневекового могильника на ул. Айвазовского в г. Керчи

Изучение погребальных памятников невозможно без анализа антропологического материала. Только данные антропологического и медико-криминалистического исследования могут осветить половозрастную структуру популяции, структуру роста, физический и антропологический тип населения, а также структуру заболеваемости и травматизма. В статье приведены данные исследования антропологического материала из юго-восточного участка средневекового могильника на ул. Айвазовского в г. Керчи.

Ключевые слова: антропологический материал; г. Керчь; средневековый плитовый могильник; болезнь Педжета; корытообразные вдавления теменных костей; «пяточная кость всадника»; «голень всадника»

Изучены кости скелета, обнаруженные в ходе зачисток погребений, разрушенных при строительных работах под водовод на ул. Айвазовского в г. Керчи в 2015 году. При обследовании траншеи был обнаружен разрушенный объект археологии в виде остатков двух плитовых могил, которые можно датировать в пределах VII–X вв.¹

В ходе исследования материала применены как классические антропологические методики [Алексеев, 1966, 249 с.], так и методики, широко используемые в судебно-медицинской криминалистике. Кости из каждой мо-

гилы первично исследовались методом сортировки с разделением их по названию в соответствии с международной анатомической номенклатурой [Международная анатомическая номенклатура, 1980, с. 15-39], а затем выделялись кости правой и левой стороны. Половая принадлежность костей определялась по плечевой и бедренной костям [Пашкова, Резников, 1978, 320 с.], а возраст — по степени зарастания швов свода черепа [Филипчук, 1992, с. 22-24], возрастным изменениям проксимального отдела бедренных и плечевых костей [Hansen, 1953-1954, цит. по Пашко-

¹ Остеологический материал был передан для исследования сотрудниками Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

ва, Резников, 1978, 320 с.], а также по Пашкова, Резников, 1978, 320 с.] и по-
 степени сформированности длинных ясных позвонков [Джамолов, 1978,
 трубчатых костей [Бондырев, цит. по с. 5,6].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Таблица № 1

**Определение половой принадлежности индивидов
 в соответствии с методиками Й. В. Й. Найниса
 (Найнис, 1972, с. 75-85) и А. К. Гармуса (Гармус, 1974, 14 с.),
 основанными на определении размерных характеристик костей
 и присвоении им диагностических коэффициентов**

Параметр кости	Размер, мм	Диагно- стический коэффици- ент	Сум- марный диагно- стический коэффици- ент
МОГИЛА № 1			
Скелет № 1			
Бедренная кость			
Длина в естественном положении	498	-∞	-∞
Окружность головки	163	-∞	
Окружность середины диафиза	97	-159	
Ширина дистального эпифиза	91	-∞	
Плечевая кость			
Наибольшая длина	368	-∞	-∞
Окружность головки	148	-176	
Окружность середины диафиза	80	-∞	
Минимальная окружность диафиза	73	-∞	
Ширина дистального эпифиза	72	-∞	
Пол — МУЖСКОЙ			
Скелет № 2			
Большая берцовая кость			
Общая длина	362	-56	-295
Суставная длина	349	-25	
Окружность на уровне питательного отверстия	97	-57	
Диаметр середины диафиза	25	-15	
Ширина проксимального эпифиза	78	-58	
Ширина дистального эпифиза	55	-84	
Пол — МУЖСКОЙ			

Рост индивидов определялся по методике К. Pearson [Пашкова, Резников, 1978, 320 с.]

Таблица № 2

Характеристика роста индивидов

Кость	Параметр кости	Размер, мм	Рост, см
МОГИЛА № 1			
СКЕЛЕТ № 1			
Бедренная	Длина в естественном положении	498	174,9
Плечевая	Наибольшая длина	368	171,1
Лучевая	Общая длина	258	170,3
Усредненный рост — 172,1 см			
СКЕЛЕТ № 2			
Большая берцовая	Общая длина	362	164,7
Рост — 164,7 см			
СКЕЛЕТ № 3			
Бедренная	Длина в естественном положении	414	159,1
Большая берцовая	Общая длина	327	156,4
Усредненный рост — 157,8 см			
СКЕЛЕТ № 5			
Бедренная	Длина в естественном положении	455	166,8
Рост — 166,8 см			
СКЕЛЕТ № 6			
Бедренная	Длина в естественном положении	361	143,1
Рост — 143,1 см			
СКЕЛЕТ № 7			
Бедренная	Длина в естественном положении	382	147,1
Рост — 147,1 см			
МОГИЛА № 2			
СКЕЛЕТ № 1			
Бедренная	Длина в естественном положении	424	161,1
Плечевая	Наибольшая длина	300	157,5
Большая берцовая	Общая длина	350	161,8
Усредненный рост — 160,1 см			
СКЕЛЕТ № 2			
Малая берцовая	Наибольшая длина	351	163,9
Рост — 163,9 см			
СКЕЛЕТ № 3			
Бедренная	Длина в естественном положении	431	162,3
Большая берцовая	Общая длина	362	164,7
Усредненный рост — 163,5 см			

Определение возраста индивидов проводилось по различным методикам, в зависимости от используемых костей-маркеров — плечевая и бедренная кости, череп, поясничные позвонки.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ НА КОСТЯХ СКЕЛЕТА.

ВРОЖДЕННЫЕ АНОМАЛИИ РАЗВИТИЯ КОСТЕЙ СКЕЛЕТА

Корытообразное вдавление теменных костей (*malum biparietale*)

На наличие корытообразных, а также менее выраженных углублений на своде черепа впервые обратили внимание Lobstein (1829), Virchow (1854), Rokitanski (1842-1846), Chiari (1912) и др. Ими и был предложен соответствующий термин *malum senile biparietale*, который закрепился в научной литературе [Рохлин, Маклецова, 1968, с. 43-47]. Большинство авторов рассматривали указанные изменения на теменных костях как проявления старческой атрофии. По мнению Д. Г. Рохлина и Н. П. Маклецовой [Рохлин, Маклецова, 1968, с. 43-47], которого мы и придерживаемся, их клинико-рентгенологические наблюдения не позволяют рассматривать крайне редкие находки симметричных и несимметричных уплощений и корытообразных углублений на теменных костях в качестве закономерно наступающих проявлений старения в пожилом и старческом возрасте. Несомненно, это аномалия развития костей черепа, и многие авторы на это указывают [Жмудь, 1968, с. 99, 100; Еникева, 1962, с. 68, 69; Ростовцева, 1983, с. 29 — 34]. Отдельные исследователи [Косинская, 1966, с. 233] также относят это изменение теменных костей «к области геронтологии» и даже не приводят подробный анализ своих наблюдений.

Биообъект: фрагмент свода черепа, представленный чешуей затылочной кости и теменными костями. Могила № 1, скелет № 6. Женщина 41-50 лет. На наружной поверхности теменных костей, на участках, примыкающих к стреловидному шву, локализованы

корытообразные углубления («вдавления») вытянуто-овальной формы, размерами справа 7,5x3,5 см и слева 8x4 см (рис. 1), дно которых образовано наружной компактной пластинкой, а края — пологие, закруглённые. Глубина вдавлений достигает 4-5 мм. В их проекции внутренняя компактная пластинка без особенностей.

РЕГИОНАРНЫЕ ДИСТРОФИЧЕСКИЕ ПОРАЖЕНИЯ КОСТЕЙ И СУСТАВОВ

Болезнь Педжета

Болезнь Педжета (син.: деформирующий остоз, деформирующий остит, деформирующая остеодистрофия) — хроническое заболевание скелета с поражением одной, или нескольких костей в результате патологической перестройки костной ткани, в которой усиливаются процессы метаболизма. В основе этого заболевания лежит дистрофический процесс в костной ткани, одновременно наблюдаются разрушительные и созидательные процессы [Дьяченко, 1958, с. 149]. Этиология болезни до сих пор не выяснена. Существует теория сосудистых, аутоиммунных и гормональных нарушений, а также теория нарушения биосинтеза соединительной ткани и пр. Английский хирург Джеймс Педжет (James Paget) впервые выделил и описал это заболе-

Рис. 1. Корытообразные вдавления теменных костей

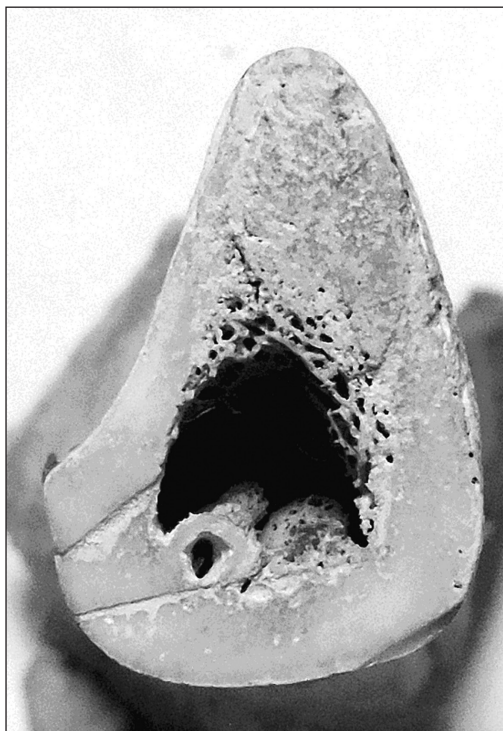

Рис. 2. Поперечный распил диафиза правой большой берцовой кости. Болезнь Педжета.

вание в 1876 году, который определил его как нозологию воспалительной природы и назвал его деформирующим остеоитом (*osteitis deformans*). Болезнь чаще поражает лиц в возрасте более 40 — 50 лет, в особенности мужчин. Шморль (G. Schmorl) на 4614 вскрытиях нашёл её в 3% случаев [Смолянников, 1961, с. 315-325]. Этот патологический процесс характеризуется образованием аномальных тканей, что приводит к размягчению и увеличению размеров костных структур. Deuxchaisnes и S. M. Kгане (1964) привели данные о типичных изменениях в костях при болезни Педжета, обнаруженных в черепе неандертальца, из древних захоронений американских индейцев и скелетов, найденных археологами в Египте [Зацепин, 2001, с. 12].

Биообъект. Фрагмент правой большой берцовой кости — верхние 2/3. Могила № 1, скелет № 2. Мужчина 30-40 лет. Наружная поверхность диафиза напоминает по структуре «кору старого дерева» и представлена чередующимися, расположенными параллельно друг другу невыраженными гребневидны-

ми выступами и углублениями. На отдельных участках наружная поверхность кортикального вещества диафиза имеет мелкопоздраватую структуру со множеством мелких отверстий. На поперечном распиле диафиза читаются изменения в виде наслоений на кортикальном костном веществе слоистобороздчатого характера, толщиной до 3-3,5 мм (рис. 2).

АДАПТАЦИОННО-КОМПЕНСАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОСТНО-СУСТАВНОГО АППАРАТА

Пяточная кость и голень «всадника»

В скелете человека обнаруживается целый ряд своеобразных особенностей, представляющих адаптационно-компенсаторные изменения, генез которых различен. Они нередко ошибочно рассматриваются как проявление патологии или следствие таковой. Они связаны с чрезмерной, несвойственной, обычной, но длительной (изо дня в день), или же нефункциональной нагрузкой на костно-суставной аппарат, в ответ на которую костная и соединительная ткань, как правило, реагирует гипертрофией. Часто большая нагрузка на отдельные мышцы или группы мышц сопровождается параоссальным окостенением в месте прикрепления сухожилий, которое происходит в результате метаплазии — перехода родственных кости опорных тканей (например, фиброзной) в кость (Рохлин, 1965, с. 175 — 179).

Как известно, на наружной поверхности тела пяточной кости расположена нерезко выраженная борозда сухожилия длинной малоберцовой мышцы (*sulcus m. peroneae longi*) [Воробьев, Синельников, 1946, с. 237]. В ней залегает сухожилие одноименной мышцы. Эта мышца сгибает стопу (подошвенное сгибание), отводит её наружу и пронирует. Как нельзя лучше это функциональное изменение положения стопы укладывается в механизм управления всадником конём в стременах, а также самой фиксации всадника на коне в стременах. То есть, с полной уверенно-

стью можно говорить, что мужчина — опытный всадник, в связи с этим и развился этот адаптационно-компенсаторный процесс.

Биообъект. Могила № 1, скелет № 2. Мужчина 30 — 40 лет. Правая пяточная кость. На наружной поверхности тела пяточной кости определяется резко выраженная борозда сухожилия длинной малоберцовой мышцы, которая сверху и снизу ограничена в норме не существующими костными выступами — бугорками размерами, соответственно, 1,4x0,8x0,4 см и 1x0,5x,3 см (рис. 3).

Биообъект. Могила № 1, скелет № 2. Мужчина 30-40 лет. Большая берцовая кость, правая. Кость, как было указано выше, имеет признаки заболевания — болезни Педжета. Макроскопическое строение кости имеет признаки адаптационно-компенсаторных изменений, связанных с длительной нагрузкой на мышцы голени, обычно встречающихся у людей, проводящих длительное время в седле. В науке эти изменения на костях получили название — «голень всадника». Диафиз кости массивный, наружный гребень диафиза заостренный, ярко выражен. Передний гребень резко выражен, дугообразно изогнут впереди, но без каких-либо утолщений и костных напластований, тонкий, как ребро трёхгранной призмы. На распиле кортикальное вещество средней трети диафиза в проекции переднего гребня резко утолщено (17 мм), на задней поверхности 7 мм, но визуально однородно (рис. 4) и не имеет слоистой структуры, характерной, например, для таких заболеваний, как сифилис, при котором утолщение происходит за счёт окостенения патологически видоизменённой надкостницы.

Как считает Д. Г. Рохлин [Рохлин, 1965, с. 202], такая форма и строение больших берцовых костей «иногда ошибочно рассматривается как проявление старого сифилитического остеоperiостита. Однако при этом заболевании передний гребень большеберцовой кости является неровным и волнистым,

Рис. 3. Правая пяточная кость (наружная поверхность). Стрелкой показана локализация «аномального» костного выступа.

местами сильно утолщённым». Автор выявил аналогичный случай на антропологическом материале из раскопок кочевнического могильника близ Саркела-Белой Вежи, датируемого началом IX в., расположенного на правом берегу реки Дон (автор раскопок С. А. Плетнева, 1958 г.). Скелет принадлежал скелету мужчины, умершему в возрасте около 30 лет. Изменения формы и строения больших берцовых костей были характерны для «всадника».

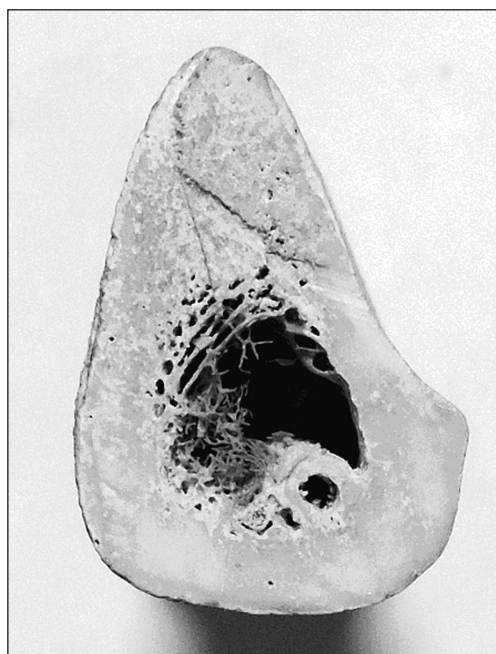

Рис. 4. Поперечный распил правой большой берцовой кости. Кортикальное вещество кости в области переднего края диафиза резко утолщено.

Выводы

В ходе исследования двух плитовых могил, обнаруженных при прокладке траншеи по ул. Айвазовского в г. Керчи в 2015 г., был получен достаточно обширный антропологический материал.

Судебно-osteологическим и медико-криминалистическим исследованием установлено, что находящиеся в могилах кости, принадлежали не менее, чем 10 индивидам разного пола и возраста (таблица № 3).

Таблица № 3

Половозрастной состав и характеристика роста погребённых в плитовых могилах, обнаруженных на ул. Айвазовского г. Керчи

Маркировка захоронения	Половая принадлежность индивида	Биологический возраст, лет	Рост, см min — max границы (усредненный)
МОГИЛА № 1			
Скелет № 1	мужчина	30-40	170,3-174,9 (172,1)
Скелет № 2	мужчина	30-40	164,7
Скелет № 3	мужчина	20-24	156,4-159,1 (157,8)
Скелет № 4	—	9-10	—
Скелет № 5	мужчина	20-30	166,8
Скелет № 6	женщина	40-50	143,1
Скелет № 7	женщина	20-30	147,1
МОГИЛА № 2			
Скелет № 1	мужчина	20-25	157,5-161,8 (160,1)
Скелет № 2	мужчина	30-40	163,9
Скелет № 3	мужчина	20-30	162,3-164,7 (163,5)

Данная выборка для палеопопуляции не репрезентативна, но, тем не менее, можно сделать некоторые предварительные статистические выкладки. Характерно для средневековой эпохи преобладание мужчин во взрослой части популяции, а это 7 — 77,8% индивидов, при этом женщин было только двое (22,2%). Лица детского возраста, наоборот, составили мизерную часть — один индивид 9-10 лет (10%). Средний возраст жизни в популяции характерен для большинства античных и средневековых популяций 23,9 — 31,9 лет, а среди мужчин и женщин он существенно отличается, что не характерно для средневекового населения, но это, вероятнее всего, обусловлено небольшой выборкой материала. Так, среди мужчин средний возраст смерти приходится на возрастной диапазон 24,3-32,7 лет, а среди женщин — 30-40 лет.

Структура роста также имеет свои особенности. Среди мужчин преобладали лица с ростом ниже среднего (42,9%) и маленького роста (28,6%). На долю мужчин с ростом выше среднего и высоким ростом пришлось одинаковое количество индивидов — по 14,25%. Женская выборка не репрезентативна — 2 наблюдения. Обе женщины маленького роста.

На одном скелете мужчины 30-40 лет (могила № 1, скелет № 2) обнаружены морфологические признаки адаптационно-компенсаторных изменений пяточной и большой берцовой костей, которые характерны для представителей народов, владеющими искусством верховой езды.

-
1. Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. Москва, 1966.
 2. Гармус А. К. Возможности идентификации личности по костям голени. Автореф. канд. дисс... канд. мед. наук. Каунас, 1974.
 3. Джамолов Д. Д. Методические рекомендации об определении видовой, половой и возрастной принадлежности поясничных позвонков скелета взрослого человека. Москва, 1978.
 4. Дьяченко В. А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Москва, 1958.
 5. Еникеева Р. А. Редкий случай аномалии черепа // Вестник радиологии и рентгенологии. Москва., 1962, № 6.
 6. Жмудь Л. Б. Симметричная атрофия теменных костей // Вестник радиологии и рентгенологии. Москва, 1968. №6.
 7. Зацепин С. Т. Костная патология взрослых. Москва, 2001.
 8. Косинская Н. С. Нарушения развития костно-суставного аппарата. Ленинград, 1966.
 9. Найнис Й.-В. Й. Идентификация личности по проксимальным костям конечностей. Вильнюс, 1972.
 10. Пашкова В. И., Резников Б. Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов, 1978.
 11. Ростовцева Т. Ф. Анатомические варианты строения костей черепа, сопровождающиеся костными дефектами // Вестник радиологии и рентгенологии. Москва, 1983. №3.
 12. Рохлин Д. Г. и Маклецова Н. П. О симметричных корытообразных углублениях на внешней поверхности теменных костей (анатомическое и рентгенологическое исследование) // Архив анатомии, гистологии и рентгенологии. Москва, 1968. №4.
 13. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. (Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). Москва-Ленинград, 1965.
 14. Смольяников А. Болезнь Педжета. (Деформирующая остеодистрофия) // Большая Медицинская Энциклопедия. Москва, Т. 22. 1961.

The study of burial sites is not possible without an analysis of the anthropological material. Only the data of anthropological, medical and forensic studies can illuminate the sex and age structure of the population, the structure of growth, physical and anthropological type of the population, as well as the structure of disease and injury. The article presents data from a study of anthropological material from the south-eastern section of the medieval burial ground at Ayvazovskogo Street in Kerch.

Keywords: *anthropological material; Kerch, a medieval burial ground of plate; Paget's disease; trough-shaped depressions of parietal bones; "Calcaneus rider"; "Shin of the rider"*

УДК 902(1-924.71):929

Т. А. Прохорова

**Материалы по подготовке К. Э. Гриневичем
работы «Древности Пантикапея»
(по архивным документам
Херсонесского музея-заповедника)**

На основе архивных материалов рассмотрен аспект исследовательской деятельности К. Э. Гриневича, связанный с изучением истории Боспорского царства в 20-е гг. XX в. Проанализирован вклад учёного в изучение материальной культуры Боспора. Представлена роль К. Э. Гриневича в систематизации археологических находок из раскопок Пантикапея и его окрестностей. Отмечено значение составленного им каталога терракот для всестороннего изучения истории Боспора.

Ключевые слова: К. Э. Гриневич; Боспор; терракота; археология; 20-е гг. XX в.

2016 год является юбилейным для ряда крымских музеев: Феодосийского музея древностей, Центрального музея Тавриды. 190 лет назад, в 1826 г., был основан Керченский музей древностей. Празднование 100-летнего юбилея совпало с проведением IV Крымской музейной конференции в Керчи в сентябре 1926 г. В работе конференции приняли участие и сотрудники Херсонесского музея, имевшего тесные связи с научным сообществом Восточного Крыма. Свои доклады на конференции представили Л. А. Моисеев, бывший директор Херсонесского музея, и сменивший его на этом посту К. Э. Гриневич, прежде возглавлявший Керченский музей.

В отчёте К. Э. Гриневича о командировке в г. Керчь и участии в юбилейной конференции археологов СССР с 5 по 10 сентября 1926 г. есть протокол мероприятий и выступлений участников. К. Э. Гриневич выступил с докладом «Итоги и перспективы научно-исследовательской работы в Крыму в области античной культуры» на торжественном пленуме, а также участвовал в работе секции по ирано-эллинской археологии и подготовил доклады на тему «Археологические раскопки в Керчи в 1920 г. и исследование вала в 1924 г.», «Мраморный таманский саркофаг», «Обломок аттической краснофигурной котилы с изображением Аполлона

из Керчи», «Раскопки в Херсонесе в 1926 г.» (НА ГМЗ ХТ, ф. 1, д. 261, л. 5).

Константину Эдуардовичу довелось связать два музейных сообщества — Юго-Западного и Восточного Крыма, что определило тесное сотрудничество двух музеев и в последующие десятилетия. Назначение его на должность заведующего Керченским музеем древностей, согласно приказу управления народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А. И. Деникина состоялось 6 ноября 1919 г. Музеем он руководил до 10 июля 1921 г, после чего вернулся в Петроград [Латышева 2004, с. 284–285; Марти 1926, с. 44–45; Асанова 2012]. 18 июня 1924 г. К. Э. Гриневич был назначен исполнять обязанности заведующего Севастопольским ОХРИСом, став, таким образом, единоличным руководителем всей музейной системы в городе. В сентябре 1924 г. к этой должности он добавил заведование Херсонесским музеем. Выбор К. Э. Гриневича на эту должность, очевидно, был продиктован наличием необходимой квалификации, а также опытом руководящей работы в музейном учреждении. Директором Херсонесского музея он оставался до 15 марта 1929 г.

В 20-х гг. XX в. Константин Эдуардович работал над статьёй «Пантикапей»¹. В научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (далее — ГМЗ ХТ), в фонде Л. А. Моисеева, хранится дело, содержащее материалы переписки Херсонесского музея с Керченским музеем древностей в 1926–1930 гг. (НА ГМЗ ХТ, ф. 1, д. 1573, л. 1-2). Дело сформировано в 1975 г. и содержит 10 листов рукописного текста и 12 фотографий (всего 22 листа). Некоторые документы не датированы, однако в инвентарной книге и каталоге указаны 1926–1930 гг. как —

время возникновения документов. Текстологически эта дата подтверждается. Документы сохранились удовлетворительно, без повреждений и утрат текста. Имеются пометки и незначительные исправления.

В подшивке этого дела (лист 1-2) имеется черновая рукопись, озаглавленная «Пантикапей». Содержательный анализ текста показал, что рукопись составлялась как комментированный конспект статьи о Пантикапее из «Большой энциклопедии: словаря общедоступных сведений по всем отраслям знания» под редакцией С. Н. Южакова [Большая энциклопедия, 1909, с. 225]. Документ не окончен и не подписан, поэтому установить авторство проблематично. Предположения об авторе документа можно сделать лишь на основании косвенных свидетельств. Составителями дела авторство было приписано Л. А. Моисееву, однако есть все основания полагать, что автором документа был К. Э. Гриневич.

Сюжеты истории Боспора нередко встречаются в научной деятельности первого директора Херсонесского археологического музея, ведь именно на Боспоре К. Э. Гриневич начинал свою археологическую деятельность, и потому судьба предметов, происходивших из Восточного Крыма, вызывала в нём живой интерес. Как следует из «Жизнеописания директора Херсонеса Константина Эдуардовича Гриневича», хранящегося в научном архиве ГМЗ Херсонес Таврический, «...К. Э. одно время специально занимался углубленной штудией боспорских древностей и ему ради этого пришлось долго пробыть в Керчи, где им были ведены и раскопки древнего могильника. Ввиду убийства директора Керченского музея ему пришлось одно время исполнять обязанности директора музея» (НА ГМЗ ХТ, ф. 1, д. 250, л. 67). В авангарде его научных публикаций имеется ряд статей, посвя-

¹ Материалы по данной теме были озвучены на международной научной конференции XVII Боспорские чтения, проходившие с 23 по 27 мая 2016 г. в г. Керчь. Данная статья является продолжением исследования по заявленной теме ввиду вновь выявленных материалов.

щённых вопросам боспорской истории [См. например: Гриневич, 1927; Гриневич, 1946; Гриневич, 1952; Гриневич 1924]. Вероятно, идея создания статьи о столице Боспорского царства возникла у него во время работы на Пантикапейском некрополе в качестве самостоятельного исследователя в 1920 г.

Работа над этой темой продолжалась и позже. Константин Эдуардович не оставлял идеи о написании серьёзного труда о Боспорской столице, учитывая уже проведенную им грандиозную работу по сбору материала. В письме директору Керченского музея древностей Ю. Ю. Марти, написанном, предположительно, уже после назначения на должность директора Херсонесского музея, К. Э. Гриневич отмечал свою заинтересованность в подготовке этого исследования. Как следует из письма, статья была задумана давно и со временем обрела более чёткую структуру. В новой проработке статья должна была состоять из пяти разделов. Во введении планировалось показать значение археологических открытий для изучения древней истории и роль юга России в развитии отечественной археологии. Второй раздел, посвящённый исторической судьбе Пантикапея, заключал характеристику древней истории города, перечисление и анализ причин колонизации на фоне истории Древней Греции, описание городской полиции, политики Археанактидов, Спартокидов, Митридата, господства Рима и последних боспорских царей. Третий раздел, посвящённый древностям Пантикапея, должен был содержать описание основных памятников Пантикапея — горы Митридат, так называемых «кресел» Митридата, раскопок, терм, истории исследований (по данным архива Музея). Четвёртый раздел — описанию типов погребений. В этом разделе автор статьи планировал объединить результаты собственных раскопок 1920 г. и исследований В. В. Шкорпила в 1917 г., а также дать характеристику Царскому, Мелек-Чесменскому курганам, задействовать ар-

хивные данные о раскопках Юз-Обы, Куль-Обы и других курганов.

Заслуживает внимания пятый, последний, раздел работы, где планировалось: а) показать работу Центрального музея с изданием собрания терракот (для этого автор систематизировал все терракоты из раскопок В. В. Шкорпила), изданием коллекции чёрнофигурных ваз (16 предметов) и других находок; б) издать индекс всех стел из фондов музея, с Митридата, а также предметы из экспозиции («витринные предметы»); в) переиздать краткий каталог Музея Мелек-Чесменского кургана (в работе Ю. Ю. Марти «Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства» в ЗООИДе [Марти, 1913]).

В научном архиве ГМЗ «Херсонес Таврический» сохранился сводный каталог терракот, подготовленный К. Э. Гриневичем к изданию в работе о древностях Пантикапея (НА ГМЗ ХТ, ф. 1, д. 454). Исследователь тщательно изучил архивные материалы Керченского музея и систематизировал отчёты В. В. Шкорпила за 1901–1917 гг. К. Э. Гриневич переписал на отдельные карточки все находки терракотовых фигур — в его каталоге оказалось 48 предметов, найденных в разных частях Керчи и её окрестностей. Все предметы происходили из могильников на Митридатовой горе, возле Карантинного шоссе, древнего Мирмекия, в районе Глиница, возле деревни Капканы, в отдельных районах Керчи (ул. Продольная, Аджимушкайская). Автор промаркировал каждую находку номером по порядку с литерой t (вероятно, terracotta). В каждой карточке отображены сведения о размерах, технике изготовления, дате и месте находки, содержится подробное описание изделия и сюжета фигурки или статуарной группы, имеются ссылки на архив Керченского музея с указанием дел и выписками из отчётов В. В. Шкорпила. К. Э. Гриневич проделал колоссальную работу по поиску аналогий найденных терракот, и эти сведения он также внёс в свой каталог.

К. Э. Гриневич планировал издать каталог и статью в виде отдельной книги. Составив план будущей работы, автор отметил, что издание уже вышло на французском языке, имея ввиду путеводитель на французском языке [Grinevitch 1920]. Русскоязычное издание планировалось более масштабным (ко времени написания письма 150 страниц Гриневичем уже было написано), завершить её автор хотел до сентября 1926 г. (вероятно, к проведению конференции) и уже даже определил, что печатать труд будет в бывшей типографии купца Х. Н. Лаго.

В 1926 г. в печати находилась 10 работ К. Э. Гриневича, в их числе — «Древности Пантикапей» (в 10 печатных листов). С подробным описанием раскопанных мест Митридатовой горы, Царского кургана и прочих достопримечательных мест Керчи (НА ГМЗ ХТ, ф. 1, д. 232, л. 4). В списке научных трудов К. Э. Гриневича в 1927 г. значилось

«научно-исследовательское описание памятников Керчи (в рукописи около 1[50] листов)» (НА ГМЗ ХТ, ф. 1, д. 250, л. 67). В 1926 г. издать его не удалось. Вместе с тем, этот труд мог стать серьёзным дополнением к имеющимся на тот момент работам о столице Боспорского царства и ввести в научный оборот ряд ценных сведений об исследовании региона в начале XX в. автором статьи и В. В. Шкорпиллом. Несмотря на то, что издание, которое К. Э. Гриневич планировал выпустить к юбилею Керченского музея, не увидело свет, необходимо обратить внимание исследователей на столь важные материалы его работы, сохранившиеся в архивах музеев. Публикация подготовленного К. Э. Гриневичем каталога спустя десятилетия, в свете отмечающегося 190-летнего юбилея Керченского музея, остается по-прежнему актуальной.

1. НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 250. Дело о личном составе (общая переписка). 1927 г. Л. 1-186.
2. НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 261. Научно-исследовательская работа музея (лекции, доклады, практические занятия и пр.). 1927 г. Л. 1-220.
3. НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 454. Описание терракоты, принадлежащей Керченскому музею древностей. Терракоты раскопок Шкорпила (1902-1917 гг.) на карточках. Л. 1-48.
4. НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1573. [Фонд Л. А. Моисеева]. Начало статьи Л. А. Моисеева «Пантикапей» и переписка с Керченским музеем 1926-1930 гг. Л. 1-22.
5. Асанова У. К. Развитие музейной сети в Крымской АССР: археологические профильные музеи 1920-1930 гг. // Культура народов Причерноморья. 2012. №228. С. 29–32.
6. Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1909.
7. Гриневич К. Э. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток. 1924. № 6. С. 524–525.
8. Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского п-ва // ИТОИАЭ. 1927. Вып. 1. С. 47–52.
9. Гриневич К. Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. № 2. 1946. С. 160–164.
10. Гриневич К. Э. Юз-Оба: (Боспорский могильник IV в. до н. э.) // Археология и история Боспора: сборник статей. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 129–147.
11. Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности 2004. Харьков, 2004. С. 284–294.
12. Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея: исторический очерк. Керчь, 1926.
13. Марти Ю. Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей боспорского царства // ЗООИД. Одесса, 1913. Т. XXXI. Отд. 3. С. 1–88.
14. Grinevitch C. L'Archeologie classique de Pantikapee. Kertch, 1920. 16 p.

On the basis of an extensive complex of archive sources the author considers the aspects of the research activities of K. E. Grinevitch, which are connected with the investigation of the history of the Bosphorus in 1920-s. The article analyses the contribution of the archeologist to research of the material culture of the Bosphorus. The author represents the role of K.E. Grinevitch in systematization of archeological the finds from the excavations of Panticapaeum and its vicinity. It is noted the value of the compiled catalogue of terracottas in the overall study of the history of the Bosphoran Kingdom.

Key words: K. E. Grinevitch; Bosphorus; terracotta; archeology; 1920-s.

УДК 903.22

О. Ю. Соколова

Коллекция оружия из раскопок Нимфея в собрании Государственного Эрмитажа

В данной статье даётся общая характеристика коллекции защитного вооружения и оружия из боспорского города Нимфея, которая хранится в фондах Государственного Эрмитажа. Учеными найдены находки из раскопок Императорской Археологической комиссии в 1876–1880 гг., а также раскопки Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа с 1939 по 1991 г.

Ключевые слова: Нимфей; защитное вооружение; шлем; панцирь; кнемиды; оружие; меч; копье; наконечники стрел

Коллекция защитного вооружения и оружия, найденного при раскопках боспорского города Нимфея и хранящегося в Государственном Эрмитаже, насчитывает 390 экземпляров. Это материалы из раскопок нимфейского некрополя Императорской Археологической комиссии в 1876–1880 гг., из раскопок Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа на городище с 1939 по 1991 гг. и из раскопок некрополя в 1966 и 1973–1978 гг.

В коллекции представлены образцы как защитного вооружения, так и наступательного. К защитному вооружению относятся: шлем, детали панцирей и кнемида, которые происходят из рас-

копок Императорской Археологической комиссии на территории городского некрополя Нимфея.

Шлем бронзовый, закрытый, с монолитными нащечниками, вырезами для ушей и с короткой носовой стрелкой (ГЭ, инв. № ГК/Н. 68) был найден в 1876 г. в каменной гробнице 16 в сплошной могильной насыпи [ОАК 1876, с. XX, № 1; ОАК 1877, рис. на с. 234; Черненко, 1968, с. 83, рис. 45, 1; Силантьева, 1959, с. 82, рис. 46]. Этот шлем относится к халкидскому типу и датируется началом V в. до н. э. [Рабинович, 1941, с. 138–139, рис. 13; Древний город, 1999, с. 101 кат. 249, илл. на с. 100; Алексинский, 2013, с. 48, рис.]. При его изготовлении исполь-

зовалась комбинированная технология, совмещающая литьё заготовки (лицевой части) с последующей отковкой тульи и назатыльника [Алексинский, 2013, с. 48, рис.]. В отчётах комиссии о раскопках некрополя есть упоминание о том, что в гробнице 8 кургана 17 найден фрагмент подобного бронзового шлема, но он не был передан в Эрмитаж и его описание отсутствует [Силантьева, 1959, с. 106]. Ещё один шлем, найденный в 1867 г. при раскопках частными лицами нимфейских курганов [А. Л., 1869, с. 54–55; Рабинович, 1941, с. 139–140, рис. 14; Силантьева, 1959, с. 10–11; Черненко, 1966; Черненко, 1968, с. 92–93, рис. 51], вместе с другими находками попал в Ашмолеан музей и издан Е. Гарднером [Gardner, 1884, p. 65, pl. XLV, 2]. Он относится к шлемам иллирийского типа, которые датируются VI–V вв. до н. э. [Черненко, 1966; Черненко, 1968, с. 93].

Элементом защитного вооружения служили также панцири, среди которых выделяется несколько типов: целиком металлические (кирасы), изготовленные из двух или более пластин, чешуйчатые панцири и кожаные, некоторые из которых имели металлические нагрудники [Мелюкова, 1964, с. 69; Черненко, 1968, с. 123–148]. Согласно отчётам о раскопках нимфейского некрополя обломки чешуйчатых панцирей найдены в ряде богатых погребений, датируемых в пределах V в. до н. э.: это гробница 19 в кургане № 24 [Силантьева, 1958, с. 56, 104–105, рис. 25 — ГЭ, инв. № ГК/Н. 86–88], гробница 8 в кургане 17 [Силантьева, 1959, с. 71, 106], гробница 16 в сплошной могильной насыпи [Силантьева, 1959, с. 78, 106], гробница 14 в кургане 1 [Силантьева, 1959, с. 106]. Обломки панцирей состоят из тонких, узких, длинных пластинок, находящихся частично друг на друга [Силантьева, 1959, рис. 25], в одном случае отмечено наличие кусочков кожи, на которой были закреплены эти пластинки [Силантьева, 1959, с. 78, 106]. Следует отметить единичную находку бронзовой панцирной чешуйки, длиной 3,3 см, при раскопках на городище (ГЭ, инв.

№ НФ. 53. 224). Возможно, что подобные предметы из-за плохой сохранности не всегда могут быть атрибутированы среди находок на городище.

Для защиты ног воина от колена до ступни использовались поножи, один из наиболее популярных видов греческого защитного доспеха [Черненко, 1968, с. 112–122]. Развитый тип поножей с рельефно выделенными коленями и мускулатурой голени сложился уже в VII в. до н. э. и без существенных изменений использовался в классическое и эллинистическое время. К середине V в. до н. э. они появляются в Северном Причерноморье [Черненко, 1968, с. 153–154]. В гробнице 8 кургана 17 нимфейского некрополя были найдены бронзовые кнемиды, из которых в собрании Государственного Эрмитажа представлен только обломок кнемиды с правой ноги от колена до середины голени, с рельефной моделировкой колена [ГЭ, инв. № ГК/Н. 35 — Силантьева, 1959, с. 71, 106, рис. 39, 1]. Их датируют второй половиной V в. до н. э. [Черненко, 1968, с. 120].

К группе наступательного вооружения относятся мечи и кинжалы, копья и дротики, луки и наконечники стрел.

Коллекция мечей и кинжалов (29 экз.) происходит, преимущественно, из раскопок нимфейского некрополя 1966, 1973–1978 гг. [Грач, 1999, с. 48–49, 56, 73–74, 97, 100, 116, 119, 122, 126, 138, 141, 147, 160], и только 6 фрагментов мечей были найдены на городище. Следует отметить, что в отчётах Императорской Археологической комиссии о раскопках в 1876–1880 гг. неоднократно упоминаются находки мечей, но, ни один из них не поступил в Эрмитаж. Фрагменты мечей были отмечены среди погребального инвентаря в гробницах 11 [Силантьева, 1959, с. 100] и 14 [Силантьева, 1959, с. 106] кургана 1, в гробнице 8 кургана 17 [Силантьева, 1959, с. 78, 106], в гробнице 16, в сплошной могильной насыпи [Силантьева, 1959, с. 100].

Сохранность большинства найденных предметов плохая, в основном, это фрагменты лезвий мечей, с сохранившимися следами деревянных ножен на

отдельных экземплярах, которые датируются, преимущественно, по сопровождающему инвентарю. Среди хорошо сохранившихся мечей можно выделить несколько типов.

Сережиной — второй половиной VI в. до н. э. датируются мечи из погребений воинов **А-60**, **А-171**, **Г-8**.

Меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем, ромбовидным в сечении клинком, длиной 50 см (ГЭ, инв. № ННФ. 76. 228) из погребения воина **Г-8** [Грач, 1981, с. 262; Грач, 1999, с. 100, рис. 44, тб. 143, 5; Древний город, 1999, с. 101, кат. 250] относится к 1 типу I отдела мечей по классификации А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 47] и датируется в пределах второй половины VI в. до н. э.

Мечи из погребений **А-60** и **А-171** относятся ко 2 типу I отдела мечей по классификации А. И. Мелюковой, которые появляются в Скифии в начале VI в. до н. э. и получают наибольшее распространение в VI — первой половине V вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 49–50].

Акинак с брусковидным навершием, бабочковидным перекрестьем и линзовидным в сечении клинком, длиной 25,5 см, с сохранившимися следами дерева от ножен и части лезвия ножа (ГЭ, инв. № ННФ. 76. 32) найден в погребении **А-60**, датирующемся второй половиной VI в. до н. э. [Грач, 1981, с. 262; Грач, 1999, с. 48–49, рис. 12; Древний город, 1999, с. 101, кат. 251].

А другой меч этого типа, длиной 51,4 см, (ГЭ, инв. № ННФ. 77. 36) происходит из погребения **А-171**, которое датируется концом VI в. до н. э. [Грач, 1999, с. 73–74, рис. 32, тб. 94, 8].

Акинак с простым антенным навершием, прямой рукоятью, бабочковидным перекрестьем и линзовидным в сечении клинком (ГЭ, инв. № ННФ. 76. 99), длиной 49 см, найден в мужском погребении **А-78**, датируемом рубежом VI–V вв. до н. э. Следует отметить, что меч лежал у погребённого под головой, поперёк шеи [Грач, 1999, с. 56, рис. 18, тб. 45, 4]. Мечи подобного типа относятся ко 2 типу II отдела мечей по

классификации А. И. Мелюковой и датируются VI — первой половиной V вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 54–55].

Остальные находки мечей происходят из погребений I–III вв. н. э., в основном, из погребений катакомбного некрополя **К-1** [ГЭ, инв. № ННФ. 66. 36–37 — Грач, 1999, с. 116], **К-4** [ГЭ, инв. № ННФ. 73. 21–28 — Грач, 1999, с. 141, тб. 165, 7–10], **К-6** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 79 — Грач, 1999, с. 138], **К-11** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 174 — Грач, 1999, с. 126], **К-13** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 215 — Грач, 1999, с. 122], **К-15** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 283 — Грач, 1999, с. 147], **К-17** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 327 — Грач, 1999, с. 150], **К-22** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 391 — Грач, 1999, с. 119], **К-25** [ГЭ, инв. № ННФ. 74. 490–492 — Грач, 1999, с. 160], а также из погребения **Г-2**, осуществленного по обряду кремации [ГЭ, инв. № ННФ. 76. 211 — Грач, 1999, с. 97, рис. 40, тб. 138, 11; инв. № НН. 76. 118а — Грач, 1999, с. 98]. Основная масса этих находок представляет собой фрагменты лезвий мечей, без наверший и перекрестий, что не позволяет определить их тип, и они датируются, преимущественно, на основании сопровождающего инвентаря.

Представляет интерес меч сарматского типа с кольцевым навершием, брусковидным перекрестьем, обоюдоострым клинком и с остатками деревянных ножен (ГЭ, инв. № ННФ. 76. 211), найденный в богатом погребении юноши 12–13 лет, осуществлённом по греческому обряду кремации. Погребение **Г-2** датируется первой половиной I в. н. э. [Грач, 1989, с. 67; Грач, 1999, с. 97–98, 277, тб. 138, 11; Древний город, 1999, с. 101, кат. 252]. По мнению М. Ю. Трейстера, меч, помещённый в могилу этого юноши, можно рассматривать как «статусный» предмет, подчеркивающий принадлежность его к определённому социальному слою [Трейстер, 2010, с. 527].

Следует отметить также находку полусферического каннелированного навершия меча, изготовленного из стекла чёрного, голубого и белого цветов, в катакомбе **К-26** [ГЭ, инв. № ННФ.

74.523 — Грач, 1999, с. 167, рис. 82, тб. 175, 32]. Погребения в этой катакомбе датируются в пределах I–II вв. н. э.

Среди предметов вооружения отметим находки наконечников копий в количестве 7 экземпляров. Только один наконечник копья (в 2 фрагментах) был найден в погребении [ГЭ, инв. № ННФ. 78.14 — Грач, 1999, с. 177], остальные происходят из раскопок городища. Наконечник копья из погребения в кургане 14 относится к группе наконечников копий с ребром посередине пера. Так как он сохранился частично, то определить к какому конкретно типу относится наше копье затруднительно [Мелюкова, 1964, с. 36–40, тб. 12]. Остальные наконечники копий листовидной формы (ГЭ, инв. №№ НФ. 39.55, НФ. 88.422–423, НФ. 89.238, НФ. 91.278, НФ. 91.281), с сильно поврежденной поверхностью. Они происходят из слоёв V–III вв. до н. э. Следует отметить, что и при раскопках нимфейского некрополя в 1876–1880 гг. в ряде захоронений были найдены наконечники копий, но сами находки не передавались в Эрмитаж [Силантьева, 1959, с. 102 — плитовая гробница 3, с. 104 — гробница 19 в кургане 24, с. 105–106 — гробница 8 у кургане 17 и гробница 16].

Самое большое количество находок приходится на наконечники стрел (351 экз.), среди которых основная масса изготовлена из бронзы, а 9 экземпляров — из железа. Они найдены как на городище, так и в погребениях, от 1 до 40 наконечников в наборе. Следует отметить находки наборов бронзовых наконечников стрел в богатых воинских захоронениях, исследованных на территории нимфейского некрополя в 1876–1880 гг. Согласно отчётам Императорской археологической комиссии, наборы наконечников стрел найдены в гробнице 19 кургана 24 (ГЭ, инв. № ГК/Н. 89–90) [Силантьева, 1959, с. 104, рис. 25], в гробнице 8 кургана 17 [Силантьева, 1959, с. 106], в гробнице 16 сплошной могильной насыпи (ГЭ, инв. № ГК/Н. 183) [Силантьева, 1959, с. 105–106] и

в плитовой гробнице 3, раскопанной в 1878 г., где обнаружено 50 наконечников [Силантьева, 1959, с. 102].

С. Н. Сенаторовым было дано описание и характеристика небольшой группе бронзовых наконечников стрел (36 экз.) из раскопок М. М. Худяка в 1939–1941 гг. [Сенаторов, 2001, с. 108–115], но полный анализ этой группы материалы ещё впереди.

Концом VI в. до н. э. датируется железный листовидный наконечник стрелы с длинной втулкой (ГЭ, инв. № ННФ. 77.38), найденный в погребении А–171 вместе с набором из 23 бронзовых наконечников стрел [Грач, 1999, с. 74, тб. 94, 7]. Два железных наконечника — трёхгранный и листовидный (ГЭ, инв. № ННФ. 77.59) — входили в состав погребального инвентаря из склепа А–195, в котором было захоронено не менее 13 человек на протяжении длительного времени — с III в. до н. э. по II в. н. э. [Грач, 1999, с. 79–81, тб. 110]. Трёхлопастной черешковый наконечник стрелы (ГЭ, инв. № ННФ. 76.214), происходит из богатого захоронения юноши Г–2, датирующемся первой половиной I в. н. э. [Грач, 1999, с. 97–98, тб. 138, 6]. Черешковые наконечники стрел были широко распространены у сармат начиная с VI в. до н. э. V в. до н. э. — I в. н. э. трёхлопастные черешковые наконечники появляются в погребениях некрополей боспорских городов [Хазанов, 2008, с. 93–98]. Ещё три железных трёхлопастных втульчатых наконечника с остатками деревянных древков были найдены в разграбленной катакомбе К–8 (ГЭ, инв. № ННФ. 74.122–124), захоронения в которой производились со второй половины I в. н. э. до конца II в. н. э. [Грач, 1999, с. 127–132], и один наконечник (ГЭ, инв. № ННФ. 74.579) — в заполнении разграбленного расписного склепа 1, захоронения в котором осуществлялись на протяжении второй половины I — II вв. н. э. [Грач, 1999, с. 160–162, тб. 174]. Ещё два железных наконечника обнаружены при раскопках на городище (ГЭ, инв. № НФ. 50.207, НФ. 78.232).

По форме насада все бронзовые наконечники стрел, найденные при раскопках Нимфея, относятся к группе втульчатых, а по форме поперечного сечения головки выделяются три группы: двухлопастные, трёхлопастные и трёхгранные. Следующая группа признаков определяет форму головки — округлую или треугольную и наличие выделенной или скрытой втулки. А также учитывается форма нижней части лопастей или граней наконечников. Третья группа признаков отражает размеры наконечников [Сенаторов, 2001, с. 109].

Самые ранние находки наконечников стрел датируются С. Н. Сенаторовым второй половиной VII — второй — третьей четвертями VI в. до н. э.: это двухлопастной наконечник с округлой формой головки и шипом на втулке [Сенаторов, 2001, с. 109, рис. 1, 1, тб. 2], трёхлопастной наконечник с округлой головкой и шипом на втулке [Сенаторов, 2001, с. 110, рис. 1, 4, тб. 2], трёхлопастной крупный наконечник с головкой треугольной формы и подрезанными под тупым углом ко втулке лопастями [Сенаторов, 2001, с. 110, рис. 1, 17, тб. 2], два трёхлопастных с головкой треугольной формы и подрезанными лопастями под острым углом ко втулке [Сенаторов, 2001, с. 110, рис. 1, 27, 29, тб. 2], трёхгранный наконечник с головкой треугольной формы и гранями, подрезанными под тупым углом ко втулке [Сенаторов, 2001, с. 110, рис. 1, 18, тб. 2]. Эти наконечники стрел С. Н. Сенаторов связывает с поселением кизил-кобинской культуры VIII — первой половины VI в. до н. э., которое, по его мнению,

существовало на этом месте до основания Нимфея [Сенаторов, 2001, с. 111].

Основной массив втульчатых наконечников С. Н. Сенаторов датирует второй половиной VI–IV вв. до н. э., считая их обычным вооружением населения Нимфея и отмечая наличие ближайших аналогий в наборах наконечников стрел из Ольвии и Херсонеса [Сенаторов, 2001, с. 111].

Отметим также находки наконечников стрел в захоронениях I–II вв. н. э. катакомбного некрополя Нимфея. Это трёхлопастные втульчатые наконечники стрел из *K-1* (ГЭ, инв. № ННФ. 66. 27), *K-8* (ГЭ, инв. № 122–124) и *K-26* (ГЭ, инв. № ННФ. 74. 518).

Особый интерес представляет двухлопастной наконечник стрелы с округлой головкой и обломанным черешком (ГЭ, инв. № НФ. 40. 367), найденный в нимфейском святилище Деметры. С. Н. Сенаторов интерпретировал его как монету-стрелку, которые были распространены в Северо-Западном Причерноморье в VI в. до н. э. [Сенаторов, 2001, с. 111, рис. 3].

Таким образом, в рассмотренной коллекции из раскопок Нимфея представлены образцы как защитного вооружения, так и группа наступательного оружия, представленная мечами и кинжалами, копьями и наконечниками стрел. Предметы защитного вооружения были найдены в богатых погребениях воинов с местными, варварскими чертами погребального обряда [Силантьева, 1959, с. 56, 71, 78]. Основной массив оружия датируется в пределах VI–V вв. до н. э.

1. А. Л. (Люценко). Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1869. Т. II, вып. I. С. 54–55

2. Алексинский Д. П. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа (Античность в Эрмитаже). СПб., изд. Государственного Эрмитажа, 2013. 120 с.: ил.

3. Грач Н. Л. К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI–V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Цхалтубо, 1979. Тб., 1981. С. 260–267.

4. Грач Н. Л. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследования за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989. С. 61–79.

-
5. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
 6. Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., изд. Государственного Эрмитажа, 1999. 140 с.
 7. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. М., «Наука», 1964.
 8. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // ТОИПК. 1941. Т. I. С. 99–171.
 9. Сенаторов С. Н. Бронзовые наконечники стрел из Нимфея. I. По материалам раскопок 1939–1941 гг. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. СПб., изд. ГЭ, 2001. Ч. 1. С. 108–115.
 10. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 3–107.
 11. Трейстер М. Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // ДБ. Т. 14, С. 484–561.
 12. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008.
 13. Черненко Е. В. Шлем из Нимфея // СА. 1966. № 4. С. 194–196.
 14. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев: «Наукова думка», 1968. 192 с.
 15. Gardner E. A. Ornaments and armour from Kertch in the New Museum at Oxford // JHS. 1884. Vol. 5. P. 62–73, pl. 46–47.

Список сокращений.

ГЭ — Государственный Эрмитаж. СПб.

ДБ — Древности Боспора. М.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.

ТОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры.

This article provides a general description of the collection of protective arms and weapons of the Bosphorus city of Nymphaeum, which is stored in the collections of the State Hermitage. The findings from the excavations of the Imperial Archaeological Commission in 1876–1880 are taken into account, as well as excavations of the Nymphaeum archaeological expedition of the State Hermitage from 1939 to 1991.

Keywords: *Nymphaeum; defensive armament; helmet; armor; knemides; weapons; sword; spear and arrow heads*

УДК 903.5

П. Г. Столяренко, В. В. Кропотов

Комплекс позднеэллинистического времени из городища Парфений

В статье представлены результаты исследования одного из позднеэллинистических комплексов городища Парфений — хозяйственной ямы №14. Собранный материал позволяет датировать её засыпку концом II в. до н.э. Отсутствие синхронных культурных напластований на изученном участке придаёт объекту особое значение для общей характеристики памятника.

Ключевые слова: античное городище; Парфений; поздний эллинизм; культурный слой; хозяйственная яма

Городище, отождествляемое с античным Парфением, расположено на восточной оконечности Керченского полуострова, близ северной окраины пос. Опасное, в пределах административной территории г. Керчи (Республика Крым) и занимает участок возвышенного плато площадью 3,5 га, выдающийся на юго-восток небольшим мысом в низменную часть пересыхающего Целимберного лимана. Последний, вероятно, в древности являлся обширным морским заливом.

Хотя памятник известен давно [Гриневич, 1927, с. 51-52; Гайдукевич, 1951, с. 196; Веселов, 1952, с. 227; Кастанаян, 1958, с. 254-265], его систематическое

изучение было начато лишь в 2006 — 2008 гг. охранно-археологической экспедицией «Парфений» ИА НАН Украины под руководством С. С. Бессоновой [Бессонова, Столяренко, Кропотов, 2010, с. 22-23]. С 2011 г. городище планомерно исследуется одноименной экспедицией Керченского историко-культурного заповедника (ныне ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник») во главе с П. Г. Столяренко [Столяренко, Кропотов, 2012, с. 120-122; 2013, с. 89-91; Столяренко, 2014, с. 77-78]. На сегодняшний день открыто почти 400 м² площади памятника.

Работы археологической экспедиции «Парфений» КИКЗ (ВКИКМЗ) кон-

центрировались, в основном, на раскопе 1, так как именно здесь ранее были выявлены очень интересные объекты: хозяйственный комплекс римского времени (I в. н. э.) и культурные остатки второй половины VI — V вв. до н. э., включающие фрагменты монументальной двухпанцирной кладки оборонительной стены городища,

Рис. 1. Северная часть раскопа 1, вид с севера.

предварительно датированной в пределах первой трети V в. до н. э. Одновременные оборонительные стены до этого были известны только на нескольких античных памятниках Керченского полуострова, в частности, Порфмии, Мирмекии и Тиритакке, поэтому одной из основных задач данных работ стало продолжение изучения этого уникального комплекса.

В результате исследования на раскопе 1 был открыт участок общей площадью 350 м², толщина культурных напластований на котором достигала 1,5 м. Стратиграфическая ситуация изученного участка следующая. Под слоем дёрна и мусорными отложениями второй половины XX в. был выявлен слой плотного гуммированного суглинка темно-серого цвета с включением щебня и каменной крошки. Последний содержал выразительный материал второй половины I — первой половины II в. н. э. и отдельные находки более раннего времени. Под ним находился довольно значительный завал из бутового камня средних и мелких размеров, в свою очередь, перекрывавший слой плотного суглинка светло-коричневого цвета. В этом слое также были обнаружены развалы бутового камня средних и мелких размеров, но, кроме них, зафиксированы и более полные архитектурные остатки: участок стены длиной

1,65 м, уходящий под северо-восточный борт раскопа, вымостка из крупных известняковых плит, рыбозасолочные ванны, фрагмент водостока и т. п., являющиеся частью большого жилищно-хозяйственного комплекса I в. н. э. Находки в слое плотного суглинка светло-коричневого цвета представлены артефактами V — I вв. до н. э. и массовым материалом I — начала II в. н. э. В том числе — ряд целых форм лепной и краснолаковой посуды, миниатюрные фибулы с завитком на конце приёмника, боспорские монеты первой половины — середины I в. н. э., фрагменты стеклянной посуды, бусы и т. п. В северной части раскопа упомянутый слой лежал непосредственно на материке, в южной — его подстилала прослойка золистой супеси серого цвета, датированная находками второй половины VI — первой трети V в. до н. э. Её мощность постепенно увеличивалась в восточном направлении. Частично, в прослойке золистой супеси находились остатки двухпанцирной оборонительной стены городища, прослеженной на протяжении 9,3 м. Эта стена имела ширину до 2,48 м и сохранилась в высоту до 0,5 м (в один — три ряда камней). Под всеми этими культурными напластованиями, на уровне материка, обнаружено более двух десятков разновременных хозяйственных ям, содержащих выразитель-

ный материал второй половины VI в. до н. э. — первой половины II в. н. э., в том числе монеты указанного периода, крупные части амфор греческих центров, целые формы черно- и краснолаковой керамики, обломки «мегарских» чаш и лепной посуды, фрагменты терракот и проч.

Если древнейшие археологические объекты, открытые на городище, представляют культурный слой архаического времени, а связанные с ним хозяйственные ямы и участок оборонительной стены в значительной степени уже опубликованы [Столяренко, 2012, с. 404-408; 2013, с. 52-57], то более поздние артефакты, в частности, находки классического и эллинистического времени из хозяйственных ям, остаются ещё неизвестными широкому кругу исследователей.

Данное сообщение посвящено одному из таких комплексов — хозяйственной яме № 14. Это сооружение отличалось особенно большими размерами и содержало наибольшее число находок, представляющих интерес.

Хозяйственная яма № 14 располагалась в самом центре северной части раскопа 1, на границе квадратов 3 и 4 (рис. 1). На уровне материка её частично перекрывал участок В вымостки 1, являющийся частью хозяйственного комплекса римского времени. Повидимому, первоначально яма имела ярко выраженную грушевидную форму с относительно узким горлом (диаметром около 0,6 — 0,7 м) и стенками, вертикальными до глубины 0,4 — 0,5 м,

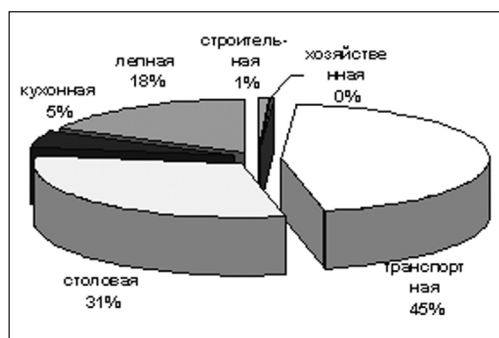

Табл. 1. Схема распределения по категориям керамического материала, происходящего из хозяйственной ямы № 14.

затем резко расширяющимися. Однако на момент раскопок конструкция была сильно повреждена из-за значительного обрушения стен и свода. Последнее произошло ещё в древности до сооружения вымостки 1, так как на момент раскопок каких-либо повреждений или просадок на вымостке замечено не было. Размеры хозяйственной ямы: диаметр дна 2,53 м, глубина от уровня материка 1,95 м.

Заполнение ямы отличалось слоистой структурой, имевшей в основе лёгкий золистый суглинок светло-серого цвета, чередующийся прослойками золы серого пепельного и чёрного цветов, а также пластинами материковой глины, отколовшейся от стен и свода. Самый мощный материковый пласт (толщиной до 0,45 м) лежал в нижней части заполнения, непосредственно над уровнем дна; от последнего его отделял только тонкий слой золистого суглинка. На дне ямы зафиксирована прослойка гари и золы, толщиной не более 0,02 м. Материковая глина на дне ямы также отличалась более темным бурым оттенком, возможно, свидетельствующем о температурном воздействии на неё.

Среди находок из заполнения ямы следует отметить кости животных, створки устриц и мидий, а также многочисленные камни средних и мелких размеров. Керамический материал, происходящий из хозяйственной ямы № 14, представлен 1295 фрагментами, которые в количественном и процентном соотношении распределяются следующим образом (табл. 1):

- 1) строительная керамика — 12 фрагментов (0,9%);
- 2) хозяйственная керамика — 1 фрагмент (0,1%);
- 3) транспортная керамика — 593 фрагмента (45,8%);
- 4) столовая керамика — 397 фрагментов (30,6%);
- 5) кухонная керамика — 66 фрагментов (5,1%);
- 6) лепная керамика — 227 фрагментов (17,5%).

Строительная керамика представлена фрагментом боспорского ка-

липтера и непрофильными частями боспорских керамид; хозяйственная — обломком венчика синопского лутерия.

Среди *транспортной керамики* примесь архаического времени представлена фрагментами хиосских пухлогорлых амфор, в том числе венчика с дипинто на горле в виде кольца последней трети VI — первой половины V в. до н. э. К IV — III вв. до н. э. относятся фрагменты хиосской конической амфоры с острым дном, фасосских, родосских, книдских, косских, гераклейских и синопских амфор. Особого внимания заслуживают датирующие находки наиболее позднего материала этой категории, к которому следует отнести обломки венчиков синопских амфор позднего типа вариантов III-C — III-D [Монахов, 2003, с. 154] (последняя треть III — II вв. до н. э.), верхней части родосской амфоры поздней серии варианта Вилланова [Монахов, 2003, с. 118-120], датированной второй половиной II в. до н. э. (рис. 2,2) и верхней части коричневоглиняной колхидской амфоры с графито в виде вертикальной линии, прочерченной на горле ещё по сырой глине (рис. 2,1). Кроме того, необходимо отметить находку фрагмента ручки синопской амфоры с клеймом в 3 строки:

Ἀστυνο[μοῦντος]
Μνησικ[λέος τοῦ]
Ἀριστ[έως].

Эмблема — эрот вправо, дата: 220-210 гг. до н. э. (рис. 2,4) [Fedoseev, 1999, p. 33];

и ручку родосской амфоры с клеймом с надписью в 1 строку:

Ἀ[υσίων]οῦς.

Ниже эмблема — якорь, дата: 145-108 гг. до н. э. (рис. 2,3)¹.

Столовая керамика из заполнения хозяйственной ямы № 14 представлена фрагментами эллинистических гончарных красноглиняных кув-

шинов, рыбных блюд и мисок, а также сероглиняных кувшинов.

Среди посуды с чёрным лаковым покрытием — фрагменты тарелок с отогнутым наружу краем III — II вв. до н. э. и тарелок с утолщенным округлым венчиком грибовидной формы, характерным в основном для второй половины II в. до н. э., верхняя часть тарелки с округлым валикообразным венчиком, обломки рыбных блюд, киликов, чашек и лекифов, предусматривающими достаточно широкие датировки в пределах IV — II вв. до н. э. Не менее многочисленна буролаковая керамика II в. до н. э. В её числе фрагменты тарелок с венчиком в виде уплощенного валика, тарелок со слегка отогнутым утолщенным ободком, обломки чаши с загнутым внутрь краем, фрагменты венчика рыбного блюда, а также часть венчика канфара и фрагмент ручки сосуда с налёпом-«косточкой» предшествующего периода.

Среди рельефной керамики необходимо отметить полный профиль «мегарской» чаши, украшенной тремя орнаментальными поясами: сверху — фриз из ов со стрелками, под ним — фриз из виноградных побегов с гроздьями, ниже — фриз из листьев кувшинки и аканфа, на доньшке — многолепестковая розетка; глина сосуда — серая,

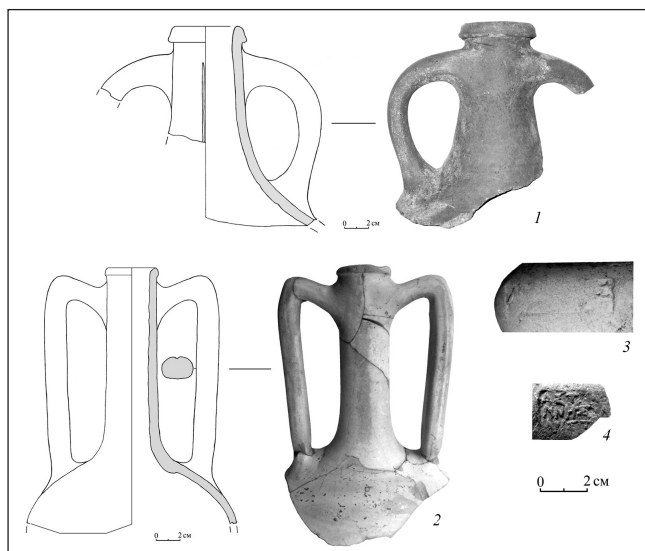

Рис. 2. Находки тарной керамики из хозяйственной ямы № 14.

¹ Авторы благодарны Н.Ф. Федосееву за помощь в определении клейм.

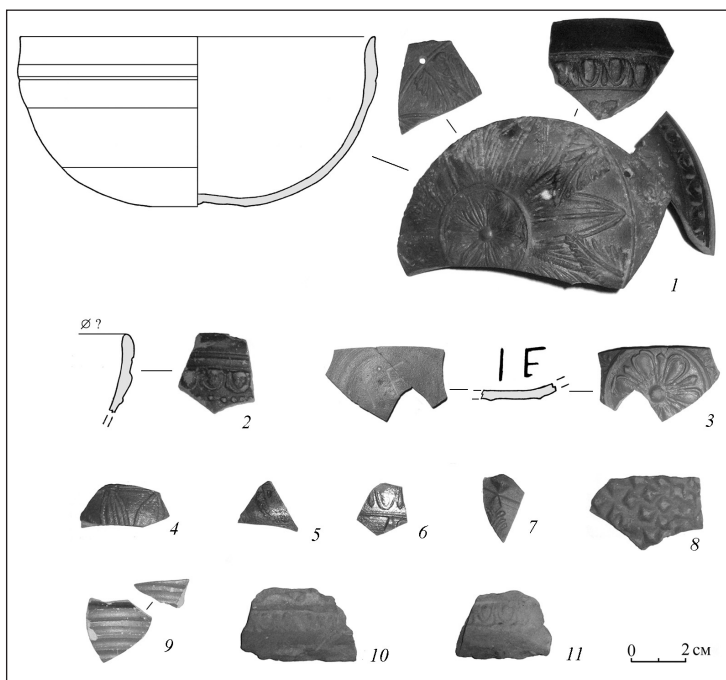

Рис. 3. Находки рельефной керамики из хозяйственной ямы № 14.

лак на венчике — чёрный, внутри и на тулове — оливковый (рис. 3,1). В числе других образцов рельефной керамики — фрагмент венчика красноглиняной чаши, покрытой ровным чёрным лаком, с орнаментом из ов и жемчужника (рис. 3,2); часть поддона краснолаковой чаши, украшенной на дне медальоном с многолепестковой розеткой, на внутренней поверхности которого нанесено граффити ИЕ (рис. 3,3); обломок стенки краснолаковой чаши с растительным орнаментом (рис. 3,4); фрагмент стенки буролаковой чаши с аналогичным узором (рис. 3,5); фрагмент стенки буролаковой чаши, орнаментированной фризом с овами и стрелками между ними (рис. 3,6); фрагмент стенки краснолаковой чаши, украшенной двумя фризами с шишкой пинии и растительным орнаментом (рис. 3,7); фрагмент стенки подобного сосуда (рис. 3,8); фрагмент стенки буролаковой чаши с рельефными каннелюрами на корпусе (рис. 3,9).

Кухонная керамика представлена фрагментами венчиков и ручек кастрюль, а также обломком крышки и частью небольшого плоского поддона сосуда неопределенной формы.

Среди *лепной посуды* — фрагменты горшков и мисок.

Остальные находки из публикуемого комплекса — четыре фрагмента терракотовых изделий, орнаментированных фризом с овами (рис. 3,10-11), а также шесть бронзовых боспорских монет:

- монета Пантикапей, третья четверть III в. до н. э., на лицевой стороне — изображение безбородого сатира в венке влево; на оборотной стороне — двурогий лук, стрела, вправо ПАН [Анохин, 1986, с. 141, табл. 4, 133];

- монета Пантикапей, последняя четверть III в. до н. э., на лицевой стороне — изображение треножника, слева в строку легенда сверху вниз: ПАН; на оборотной стороне — крыло [Анохин, 1986, с. 142, табл. 4, 142];

- монета Пантикапей, около середины II в. до н. э., на лицевой стороне — изображение головы быка на $\frac{3}{4}$ вправо; на оборотной стороне — плуг влево, над ним — колос влево, легенда П-А-Н [Анохин, 1986, с. 143, табл. 5, 165];

- монета Пантикапей, около середины II в. до н. э., на лицевой стороне — изображение головы Аполлона в венке вправо, на оборотной стороне — изображение горита, легенда П-А-Н [Анохин, 1986, с. 143, табл. 5, 169];

- монета Пантикапей, около середины II в. до н. э., на лицевой стороне — голова Аполлона в венке вправо; на оборотной стороне — изображение горита, легенда П-А-Н [Анохин, 1986, с. 143, табл. 5, 169];

Тип ещё одной монеты установить невозможно из-за плохой сохранности.

Приведенный выше обзор обнаруженного в хозяйственной яме № 14 материала показывает, что, хотя в комплексе и присутствует значительное

количество артефактов архаического — классического времени, основная масса предметов относится уже к эллинистическому периоду. Самые поздние датировки — вторая половина II — начало I в. до н. э. — предполагают следующие находки: три монеты середины — третьей четверти II в. до н. э. (150-130 гг. до н. э.), горло родосской амфоры варианта Вилланова поздней серии (вторая половина II в. до н. э.), фрагмент ручки родосской амфоры с клеймом 145-108 гг. до н. э. и ряд профильных частей черно- и буролокаковых сосудов, вышедших из употребления в начале I в. до н. э. Особо следует отметить полное отсутствие в публикуемом комплексе обломков гончарных краснолаковых сосудов, получивших широкое распространение с рубежа II — I вв. до н. э. Последний факт позволяет отнести консервацию хозяйственной ямы № 14 к концу II в. до н. э.

Описанный комплекс для городища Парфений не уникален. К позднеэллинистическому времени также относятся хозяйственные ямы №№ 12, 18 и 19, расположенные в непосредственной близости к публикуемой. Нередки находки II — начала I в. до н. э. в культурных отложениях и хозяйственных ямах первых веков н. э. Кроме того,

позднеэллинистический слой был зафиксирован в зольнике городища в ходе разведочных работ 1949 г. [Кастанаян, 1958, с. 258].

Все эти данные в совокупности позволяют уверенно констатировать достаточно высокую интенсивность жизни на памятнике в последние века до н. э. Вместе с тем, пока не удалось выявить культурные напластования и остатки жилых построек данного периода на исследованной площади древнего поселения, что, вероятно, объясняется грандиозной перестройкой изученного участка в I в. н. э. В ходе этого строительства большая часть накопившихся за предшествующие столетия культурных слоёв была снесена, а на освобожденной площади построен большой жилищно-хозяйственный комплекс, сохранивший под собой в непо потревоженном виде лишь часть напластований архаического времени и хозяйственные ямы последующих периодов.

Возможно, в будущем полевые исследования на других участках городища позволят открыть культурные слои последних веков до н. э., с необходимым материалом для всесторонней характеристики жизни античного Парфения в позднеэллинистический период.

-
1. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. К., 1986. 184 с., 40 табл.
 2. Бессонова С. С., Столяренко П. Г., Кропотов В. В. Начало исследований на городище Парфений // СΥΜΒΟΛΑ Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М. -К., 2010. С. 22-23.
 3. Веселов В. В. Древние городища в районе Синягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // АИБ. Т. I. Симферополь, 1952. С. 227-237.
 4. Гайдукевич В. Ф. Новые исследования Илурата // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 196-211.
 5. Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 1. Симферополь, 1927. С. 47-52.
 6. Кастанаян Е. Г. Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. №85. С. 254-265.
 7. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва-Саратов, 2003. 352 с.
 8. Столяренко П. Г. О раннем этапе урбанизации античного Парфения // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: проблемы урбанизации. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2012. С. 404-408.
 9. Столяренко П. Г. Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 52-57.

10. Столяренко П. Г. Исследования на городище Парфений // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. К., 2014. С. 77-78.

11. Столяренко П. Г., Кропотов В. В. Исследование городища Парфений // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. К., 2012. С. 120-122.

12. Столяренко П. Г., Кропотов В. В. Работы экспедиции «Парфений» // Археологічні дослідження в Україні 2012 р. К., 2013. С. 89-91.

13. Fedoseev N. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et Commerce des Amphores anciennes en Mer Noire. (Ed. Yvon Garlan). Provence, 1999. P. 27-48.

Results of research of one of Late-Hellinistic complexes from ancient settlement of Parthenios — the economic pit №14 are published. The collected material allows dating its preservation by the end of II century BC. The object of research receives special significance for a general characteristic of this monument as there are no synchronous cultural layers on the investigated site.

Keywords: *ancient settlement; Parthenios; Late-Hellinism; cultural layer; economic pit*

УДК 737.1

А. Е. Терещенко

Феодосия конца V в. до н.э. в свете нумизматики

В статье рассматривается изображение человека, представленное на ранних монетах Феодосии. Речь идет о том, что это изображение следует интерпретировать как портретное. Также рассматривается возможность связать политическую ситуацию в полисе в конце V в. и изменения стандартов монетных выпусков, что подтверждается благодаря ольвийской чеканке соответствующего периода.

Ключевые слова: античные монеты; эмиссия Феодосии; ольвийская чеканка

О раннем периоде жизни Феодосии нам мало чего известно. Наиболее вероятным временем появления колонии на берегу Феодосийского залива является середина VI в. до н. э. Её, как и многие другие северо-причерноморские полисы, основали выходцы из Милета [подробнее см. Петрова. 2000. С. 46 и далее]. По описанию Страбона, Феодосия обладала гаванью «пригодной даже для сотни судов», а вокруг неё простиралась плодородная равнина (Strab. VII. 4). С другой стороны, северо-восточные ветры, приводившие к сильному понижению температуры, малое количество осадков и недостаток поверхностных вод мешает называть Феодосию «гром-

ким и многообещающим именем «Богом данная» [Петрова. 2000. С. 51].

Слабая археологическая изученность полиса и его округа не позволяет сделать сколь-нибудь определенные выводы об экономической жизни Феодосии в VI-V вв. до н. э. Если согласиться с мнением о том, что появление местной чеканки в конце V в. до н. э. вызвано, в первую очередь, сугубо экономическими причинами [Петрова. 2000. С. 67; Суханов. 2005. С. 431-432], то можно предположить, что развитие полиса происходило достаточно скромными (как, впрочем, и остальных боспорских полисов) темпами, по сравнению с Пантикапеем. Весьма

примечательным в этом случае представляется пассаж из речи Демосфена против Лептина, в котором, рассказывается о благодеяниях Левкона. Демосфен пишет, что Левкон устроил новый торговый порт — Феодосию, который, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора (*Contra Lept.* XX. 33). Как видим, феодосийцы, владея превосходной гаванью, не могли эксплуатировать её в полном объёме, вплоть до присоединения к державе Спартокидов. Впрочем, они использовали доставшиеся им природные ресурсы в той мере, в какой позволяли их собственные силы.

В целом, можно заключить, что только через полтора столетия своего существования Феодосия достигла такого уровня развития, которое потребовало введения своей монеты. Отметим, что это вполне нормальный срок, соответствующий появлению монетного дела во многих других греческих колониях с момента их основания. Вместе с тем, существует мнение об исключительно политическом, декларативном характере феодосийских выпусков, направленном на демонстрацию в Пантикапею своей самостоятельности, поскольку город ещё не испытывал необходимости в собственной монете [Дюков. 1968. С. 12-13].

Как представляется, отнюдь, не ослабление отношений с Пантикапеем стало причиной появления феодосийской чеканки. Конечно, если взять за пример нимфейскую или фанагорийскую эмиссию, то желание дистанцироваться от сильного соседа проявляется в них вполне отчётливо. Тем не менее, главная задача этих чеканок заключалась, скорее всего, в устранении зависимости от поступлений пантикапейской монеты для нужд внутреннего рынка. Существование же подобной зависимости в Феодосии вызывает сильнейшие сомнения. Нужно учесть, что достаточно значительная удаленность (по сухопутью) Феодосии от Панти-

капея должна была препятствовать массовому проникновению пантикапейской монеты¹. Наконец, выпуск собственной монеты исключительно в *политических* целях в преддверии военных действий, с экономической точки зрения выглядит действием совершенно бессмысленным.

Но рассмотрим эту проблему в несколько ином аспекте, а, именно, с позиции типологического анализа монет первой серии феодосийской чеканки: Л. с. — голова бородатого мужчины в головной повязке вправо. О. с. — голова быка в углублённом квадрате вправо, справа, идущая сверху вниз по краю квадрата надпись ΘΕΟΔΕΟ[Σ] (таб. I,1). Каковы особенности данного типа?

Реверсный рисунок — «голова быка» — образ широко распространённый в греческой чеканке и, практически, не имеющий однозначной трактовки. Единственно, необходимо упомянуть, что изображение этого животного на серебре первой феодосийской серии весьма схоже с тем, что присутствует на самосских и лесбосских монетах VI-V вв. до н. э. С. А. Коваленко и А. А. Молчанов прямо указывают на «поразительную типологическую и стилистическую близость» феодосийских монет к электровым гектам Митилены [Коваленко, Молчанов. 2005. С. 51-52. Рис. 1,2-3; См. таб. I,12-14].

Рисунок же лицевой стороны чрезвычайно интересен и необычен. Как правило, это изображение идентифицируется просто как «голова мужчины» [Шелов. 1956. С. 40; Анохин. 1986. С. 138; Мельников. 2000. С. 214]. Н. А. Фролова определяла его то как «мужскую голову (Геракл)» [Фролова. 1999. С. 303], то как «голову Афины» [Фролова. 2000. С. 12]. Теперь же, с появлением новых, хорошо сохранившихся экземпляров, совершенно ясно, что перед нами портрет(?) молодого мужчины в головной повязке, с усами и небольшой бородкой (см. таб. I,1).

¹ К сегодняшнему дню находки пантикапейских монет VI-V вв. до н.э. в Феодосии и её окрестностях не зафиксированы.

Таблица I (фото монет увеличено)

Феодосия (серия Ф-1). Вторая половина последнего десятилетия V в. до н.э. – рубеж V-IV вв. до н.э.: Рис.1 – диобол, серебро. Рис.2 – халк (?), медь. Рис.3 – гемихалк (?), медь.

Феодосия (серия Ф-2). Рубеж V-IV вв. до н.э. – середина/начало второй половины 90-х гг. IV в. до н.э.: Рис.4 – тетробол, серебро. Рис.5 – диобол, серебро. Рис.6,7 – халки (?), медь. Рис.8 – гемихалк (?), медь.

Рис.11. **Феодосия.** Драхма, серебро. III в. до н.э. Рис.12. **Самос.** Тригемииобол, серебро. 522-513 гг. до н.э. Рис.13. **Лесбос.** Статер, билон. 510-500 гг. до н.э. Рис.14. **Лесбос.** Гекта, электр. Ок.465 гг. до н.э. Рис.15. **Ольвия.** Гемииобол, серебро. Рубеж V-IV вв., начало IV в. до н.э. Рис.16. **Ольвия.** Обол, медь. Вторая четверть V в. до н.э. Рис.17. **Абдера.** Статер, серебро. 415-395 гг. до н.э. Рис.18. **Милет.** Тетрадрахма, серебро. 413-412 гг. до н.э.

Так кто же изображён на первых монетах Феодосии? Одним из наиболее подходящих кандидатов сразу представляется самый известный и чтимый герой греческой мифологии — Геракл. Во всяком случае, его образ присутствует на феодосийских драхмах III в. до н. э. [Шелов. 1956. Таб. IX,111; Анохин. 1986. Таб. 2,90; Гаврилов, Шонов. 2007. Рис. 2,6; См. таб. I,11]. Однако рисунок на диоболах и гемииоболах первой

серии слишком уж не соответствует каноническому облику Геракла. На монетах его изображают обязательно или в львиной шкуре, или с соответствующими атрибутами (палица, лук). Нередки и сюжеты со сценами его подвигов.

Более того, при всестороннем анализе изображения, следует признать, что оно совершенно нетипично для иконографии Геракла. Причём, не только в монетной чеканке, но и в вазовой жи-

вописи. Например, в Мюнхенском каталоге расписной античной керамики имеются всего два рисунка Геракла, которые, лишь в малой степени, можно стилистически сопоставить с изображением на монетах Феодосии [Pfuhl. 1923. III. 314,392]. Но, что характерно, на этих рисунках также присутствуют и атрибуты, принадлежащие герою и ассоциирующиеся только с ним.

Отсутствие какой-либо конкретной атрибутики не позволяет считать рассматриваемого персонажа любым другим божеством из мужского состава греческого пантеона. Таким образом, если допустить, что на первых монетах Феодосии изображён Геракл, то он представлен в совершенно нетрадиционной манере, и дать этой загадке логическое объяснение не представляется возможным.

Другие варианты идентификации образа целиком зависят от интерпретации монетной легенды. По версии Б. В. Кене, поддержанной Д. Б. Шеловым, именно легенда ΘΕΟΔΕΟ является изначальным названием Феодосии, поскольку от него невозможно образовать известное нам сейчас полное имя полиса — Θεοδοσία [Кене. 1857. С. 271, 276; Шелов. 1956. С. 41-42].

Не исключено, что надпись ΘΕΟΔΕΟ(Σ) представляет собой сокращенное или полное имя какого-то конкретного человека. В этом случае, аверсное изображение на серебре серии Ф-1 можно рассматривать как портретное, тем более, что подобные прецеденты известны. Например, согласно В. Швабахеру самые ранние монеты с портретами — электровые экземпляры Фокеи (около 450 г. до н. э.). Имя же, как монетная легенда, появляется впервые на тетрадрахме Абдеры (430-425 гг. до н. э.), где портретное изображение дополнено надписью «Пифагор» [Schwabacher. 1968. S. 795; См. таб. I,17].

Слабое место нашей гипотезы в том, что на феодосийских экземплярах надпись находится с обратной стороны предполагаемого портрета, в то время как имена помещались, как правило, ря-

дом с персонажем. Хотя и здесь имеется исключение — серебряная тетрадрахма Милета (413-412 г. до н. э.) с изображением персидского сатрапа Тиссаферна (Таб. I,18).

В. Ф. Столба, в свою очередь, высказал мнение, что надпись ΘΕΟΔΕΟ могла быть родительным падежом единственного числа от личного имени тирана неизвестного центра, либо героя — ктиста Феодосии, склоняясь ко второму варианту [Столба. 1989. С. 147-148]. Его точку зрения разделяет Э. Б. Петрова, причем, зная уже о существовании новых экземпляров, она с большей долей уверенности полагает монетную легенду ΘΕΟΔΕΟΣ личным именем ойкиста Феодосии — Теодоеса [Петрова. 2000. С. 51; Она же. 2010. С. 335]. По версии С. Р. Тохтасьева, на монетах присутствует имя героизированного основателя и эпонима Феодосии, которое могло звучать как θεοδοσιος (Феодосий) или θεοδοτιος (Феодотий) [Тохтасев. 2004. С. 154, прим. 39]. Учитывая, что аверсный рисунок на серебре первой серии, как мне кажется, действительно имеет некоторые личностные черты, следует признать точку зрения В. Ф. Столбы, Э. Б. Петровой и С. Р. Тохтасьева наиболее вероятной.

Со своей стороны, рискну предложить следующий сценарий появления феодосийской чеканки. Как представляется, к концу V в. до н. э. экономическое развитие Феодосии достигло такого уровня, при котором выпуск собственной монеты стал насущной необходимостью. Вместе с тем, данное «мероприятие», несомненно, преследовало и политические, в каком-то смысле, даже декларативные цели.

Если согласиться, что аверсный рисунок на серебре серии Ф-1 — это идеализированный образ основателя — эпонима Феодосии, то такого рода чеканка могла быть инспирирована кем-то из членов его рода, занимавшего немалую должность. Более того, прямой потомок ктиста-эпонима Феодосии вполне мог и сам быть тираном. В таком случае, выпуск подобной монеты стал наиболее

действенным способом увековечивания заслуг предка.

Ещё одним фактом в пользу данной гипотезы, на мой взгляд, выступает дальнейшее развитие феодосийской монетной эмиссии. В первую очередь, настораживает внезапное появление новых, практически ничем не связанных с предшествующим выпуском, сюжетов на серебре, и новой формы написания городской легенды (см. таб. I,4,5). Правда, характер оформления медных монеток, демонстрирующих равномерное типологическое развитие, полностью сохраняется (см. таб. I,2,3,6-10). Тем не менее, радикальное изменение внешнего вида серебряных номиналов заставляет подозревать наличие каких-то серьёзных событий в жизни полиса, нашедших отражение в его монетной чеканке.

В. А. Сидоренко и И. В. Шонов предположили, что «...отчётливое влияние афинской типологии...» вызвано вхождением Феодосии (не ранее 410 г. до н. э.) в Афинский морской союз [Сидоренко, Шонов. 2009. С. 504]. В. Л. Строкин, как наиболее убеждённый сторонник теории о сильнейшем влиянии Афин на политическую и экономическую жизнь полисов Северного Причерноморья, увязывает инициацию выпуска монет с головой Афины с победой Алкивиада над спартанским флотом при Кизике в 410 г. до н. э., после которой, якобы, «...самым решительным образом укрепились обороноспособность города (т. е. — Феодосии. — А. Т.), а также позиции проафинской (и, разумеется, антиспартокидовской) партии власти» [Строкин. 2011. С. 46]. Таким образом, автор подразумевает существование не то чтобы открытой конфронтации, но серьёзного противостояния Афин и Боспора в конце V в. до н. э. [Строкин. 2011. С. 48]².

Все эти версии кажутся излишне прямолинейными и ведут в неправильном направлении. Данную ситуацию необходимо рассматривать в совершенно ином ракурсе, поскольку при интерпретации

сюжетов античных монет основополагающим является их сакральное значение [Терещенко. 2012. С. 120].

Для обоснования этого утверждения следует обратиться к истории монетного дела северо-западного Причерноморья.

Ближайшую по времени аналогию реверсному рисунку (букраний) феодосийских монет мы встречаем в Ольвии, которая, как и Феодосия, основана выходцами из Милета. В Ольвии же, как известно из сообщения Геродота и иных эпиграфических документов, уже с конца VI в. до н. э. существовал культ Диониса [Карышковский. 2003. С. 94; Шауб. 2007. С. 201]. Выпуск оболлов и гемиоболлов с изображением букрания и тирса и легендой ОΛΒΙ/ΟΛΤΤ свидетельствует о государственном характере почитания божества [Шауб. 2007. С. 202; См. таб. I,15]. Датируются эти весьма редкие монетки 410-400 гг. до н. э. [Анохин. 1989. С. 23], или первой половиной IV в. до н. э. [Карышковский. 1988. С. 52-53; Алексеев, Лобода. 2013. С. 111].

Другой интересующий нас сюжет — голова Афины — также присутствует в ольвийской эмиссии. Довольно неожиданно то, что хотя в Ольвии культ Афины фиксируется, по меньшей мере, с конца VI в. до н. э., П. О. Карышковский предпочёл искать причины изображения образа богини на полисной монете исключительно во внешних факторах — победе Афин в греко-персидской войне и формировании Афинского морского союза [Карышковский. 1988. С. 45-46].

На мой взгляд, посредством выпуска первой серии знаменитых литых ассов типа «голова Афины, дельфин — солярное колесо», датируемых второй четвертью V в. до н. э. [Карышковский. 1988. С. 41-45; См. таб. I,16] подтверждался официальный статус культа богини.

Здесь необходимо сказать несколько слов об особенностях данного культа. В частности, по мнению И. Ю. Шауба, богиня изначально воспринималась верующими как покровительница и защитница

² Правда, подобные умозаключения нивелируются исследованиями И. Е. Сурикова, согласно которым, от первых лет Спартокидов и до времени Александра, между этими государствами всегда были дружеские отношения [Суриков. 2013. С.283-293; Он же. 2015. С.347].

полиса. Кроме того, как считает уважаемый исследователь, поскольку, Афина никогда не теряла «...явственных следов своего происхождения от Великой богини Эгеиды», то эти следы сохранились в Ольвии [Шауб. 2007. С. 222-223]. Как представляется, данные наблюдения чрезвычайно важны для истинного понимания глубинной «сущности» божества и многоплановости образов, используемых в монетной чеканке.

В начале же IV в. до н. э. в Ольвии начинается производство свинцовых предметов в виде букраниев и двулезвийных секир (лабрисов). Предполагается, что в этих культовых вещичках возродились древнейшие представления религии минойского Крита, где «...лабрис был не только одним из символов могущества Великой богини, но и одним из её воплощений, а букраний — символом её умирающего и воскресающего спутника, почитавшегося в виде быка» [Шауб. 2007. С. 204-205]. Эти находки наглядно подтверждают то, что тесная связь между хтоническим Дионисом и Великой богиней была хорошо известна в Северном Причерноморье.

Отсюда, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что связка «Афина — букраний» на феодосийских монетах обусловлена, в первую очередь, мифологической схемой, наследуемой от религиозных воззрений мира Эгеиды. Конечно, помещение на монеты наиболее яркого дионисийского символа, официально подтверждает государственный статус культа, но, как представляется, для монетариев Феодосии это была, так сказать, сопутствующая задача. Так что же стало причиной, повлекшей смену облика феодосийского серебра?

Ответ на этот вопрос, как мне кажется, мы можем найти всё в той же Ольвии, на примере её монет с изображением букрания. Чрезвычайно изящное обоснование выпуска этой серии было предложено В. П. Алексеевым и П. Г. Лободой: «Основная религиозная идея культа орфического Диониса — освобождение души от тела-тюрьмы — могла быть сконцентрирована в самом общем виде в понятии «освобождение» и экстраполирована в социально-политическую и военную сферу для прокламации на монетах полиса («букраний — тирс») освобождения Ольвии от двойного гнёта — от собственных тиранов и скифского протектората (рубеж V-IV вв. или начало IV в. до н. э.)» [Алексеев, Лобода. 2013. С. 112]. Хотя, на сегодняшний день превалирует мнение, что ознаменованием этих событий, стало введение в Ольвии культа Зевса Элевтерия [Виноградов. 1989. С. 138], тем не менее, это ни в коей мере не противоречит версии В. П. Алексеева и П. Г. Лободы.

Представляется, что до насильственного включения в державу Спартокидов, Феодосия шла по пути развития классического греческого полиса. Т. е, вполне вероятно, что в истории Феодосии имелся период, когда город управлялся тиранами (последняя четверть V в. до н. э.?). Следовательно, появление образа Афины — защитницы полиса и Диониса-освободителя на второй серии феодосийских монет, по аналогии с Ольвией, можно воспринимать как символ свержения тирании. Этим же, вероятно, объясняется и новая форма начертания имени города.

-
1. Алексеев В. П., Лобода П. Г. Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций // *Stratum plus*. № 6. 2013. С. 109-125.
 2. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 183 с.
 3. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. 128 с.
 4. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII — I вв. до н. э. М., 1989. 288 с.

5. Гаврилов А. В., Шонов И. В. Арес на монетах Феодосии // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 147-152.
6. Дюков Ю. Л. О монетной чеканке Феодосии и Фанагории // Тезисы докладов научной сессии, посвящённой итогам работы Гос. Эрмитажа за 1967 год. Л-д, 1968. Стр. 11-13.
7. Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988. 168 стр.
8. Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Одесса, 2003. 697 стр.
9. Кёне Б. Описание музеума князя В. В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. Т. I. СПб, 1857. 483 стр.
10. Коваленко С. А., Молчанов А. А. О монетной чеканке Феодосии в V — IV вв. до н. э. // ВДИ. №1. 2005. С. 49-62.
11. Мельников О. Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. Вып. VII. 2000. С. 208-218.
12. Петрова Э. Б. Античная Феодосия. Симферополь, 2000. 264 стр.
13. Петрова Э. Б. Античная Феодосия и феодосийский музей древностей в исследованиях 2006-2010 гг. // МАИЭТ. Вып. XVI. 2010. С. 328-364.
14. Сидоренко В. А., Шонов И. В. К типологии монетной чеканки античной Феодосии. // МАИЭТ. Вып. XV. 2009. С. 501-524.
15. Столба В. Ф. О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ–ΘΕΟΔΕΥ // Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Б. Н. Гракова. Вып. I. Запорожье, 1989. С. 147-148.
16. Строкин В. Л. Афинский след в монетном деле Феодосии // ПИФК. №1. 2011. С. 37-52.
17. Суриков И. Е. «Молчание ягнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н. э.) // Древности Боспора. №17. 2013. С. 280-296.
18. Суриков И. Е. Афинские Фанагоры // Древности Боспора. №19. 2015. С. 340-350.
19. Суханов В. И. Две редкие монеты Феодосии начала IV в. до н. э. // Stratum plus. № 6. 2005 (2003-2004). С. 431-435.
20. Терещенко А. Е. Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи // Stratum plus. №6. 2012. С. 119-170.
21. Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. №3. 2004. С. 144-180.
22. Фролова Н. А. Чеканка Феодосии конца V — IV вв. до н. э. // ПИФК. Вып. VIII. 1999. С. 302-313.
23. Фролова Н. А. Монеты Феодосии (конец V– III вв. до н. э.) // Тезисы восьмой всероссийской нумизматической конференции. М., 2000. С. 12-14.
24. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII — IV вв. до н. э.). СПб., 2007. 484 стр.
25. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956. 221 стр.
26. Pfuhl E. Malerei und zeichnung der greichen. Band III. München, 1923. 361 ss.; 805 illustrations.
27. Schwabacher W. Portraitkunst auf griekichen Munzen vor Alexander der Crosen // Archeologischer Anzeiger. Bend 83. Heft 4. Berlin, 1968. P. 795-796.

Список сокращений

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М. Магнитогорск.

A human image minted on early coins of the city of Theodosia is discussed in the paper. It is argued that the image should rather be interpreted as a portrayal one. The paper also deals with a concept that political situation in the polis in late 400s and alternation of coin emission standards are tightly connected, which is proved by Olbian mintage of the period.

Key words: ancient coins; emission of Theodosia; Olbian mintage

УДК 902.2

В. А. Хрищановский

Разведки курганных некрополей возле Илурата и Китея

Публикация результатов археологических полевых разведок 2013-2015 гг. дополняет известный археологический контекст боспорских городов Илурата, Китея и расположенных возле них грунтовых некрополей курганными группами. Проблема принадлежности погребённых в курганах обитателям близлежащих городов или степных кочевников остаётся актуальной и важной для всей истории Боспорского Царства.

Ключевые слова: Боспорское царство; Илурат; Китей; курганные группы; топографическая съёмка; археологическая разведка; принадлежность некрополей

В 2013-2015 годах археологическая экспедиция ИИМК РАН — ИА РАН под руководством автора публикации произвела разведку и топографическую съёмку курганных групп возле малых боспорских городов Илурата и Китея.

Первая курганная группа находилась на расстоянии 0,3-0,5 км к юго-западу от южной границы Илуратского плато и расположенных здесь некрополей скального и скально-грунтового (Рис. 1-2). До произведенной в 2013 году разведки она была условно (без уточнения количества и плана расположения отдельных курганов) зафиксирована под №№ 4403 и 4404 на археологической карте Крыма С. Л. Смекалова

[<http://www.archmap.ru/97.htm>]. Возможно, с курганами этой группы, были связаны каменные валики и ограда, отмеченные в «Сводной ведомости» В. В. Веселова [Веселов, 2005. С. 169. №№ 600 и 601].

Визуальная разведка, сопровождавшаяся топографической (теодолитной) съёмкой, выполненной Ю. Г. Кутимовым и А. В. Реппо в 2013 году, позволила установить, что эта компактная курганная группа с координатами по GPS 45. 27660 с. ш., 36. 28505 в. д. состояла из 32 курганов (Рис. 2). Высота большинства курганов от 1 до 4-5 м, насыпи оплыли. На некоторых из них (например, на втором с востока в северной

цепочке, с высотой насыпи 5,5 м и абсолютной высотой по балтийской системе 70 м, координаты по JPS 45. 27825 с. ш., 36.28715 в. д.) поверх насыпи имеется каменная обкладка. Во многих насыпях зафиксированы грабительские шурфы.

Между курганами и на курганных насыпях имеются выложенные отдельными камнями «дорожки» и выгородки, как представляется, синхронные курганам и составляющие с ними единый погребально-поминальный комплекс.

Вопрос о датировке курганов остается открытым. Малочисленный подъемный материал, в том числе, несколько непрофильных фрагментов античных амфор не является достаточным основанием для этого. Однако распространённый в скифское время способ размещения курганных некрополей на естественных выходах мшанковых известняковых останцов (скальных грядах и кряжах) [Смекалова, Горнчаровский, 2016. С. 445], позволяет, предположительно, отнести к нему и эту курганную группу. Косвенным подтверждением этого являются результаты охранных

Рис. 1. Курганная группа на юго-западе Илуратского плато. Вид с востока.

работ на курганах ближайшей к ней Михайловской гряды, большинство из которых датировалось IV-III вв. до н. э. (Ефимова, Кожин, Петерс, 1972. С. 97).

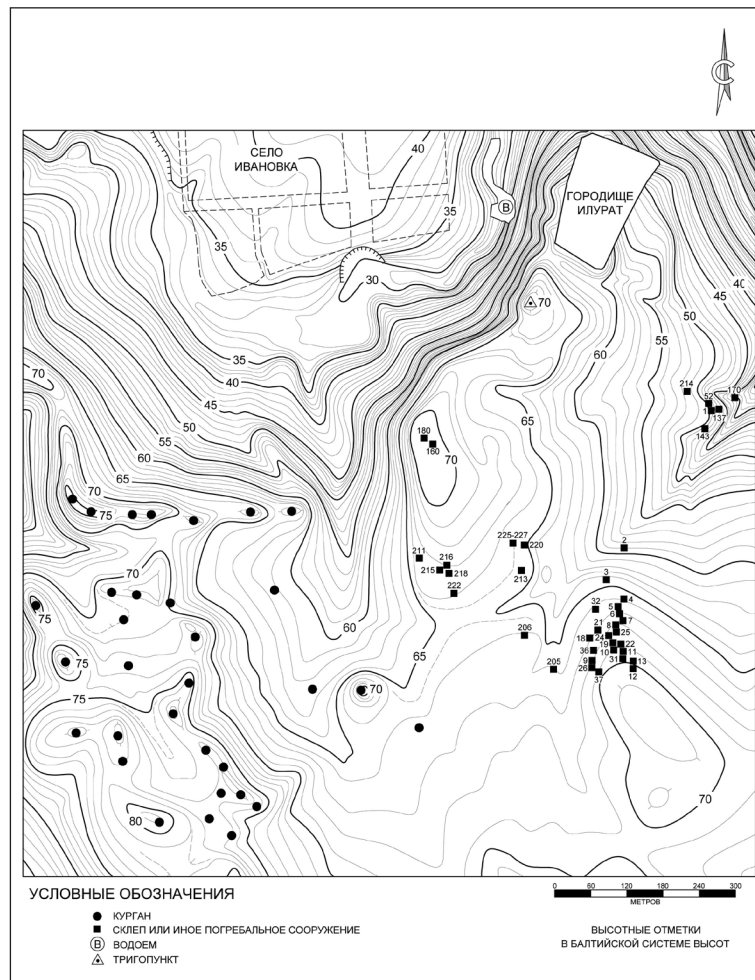

Рис. 2. Курганная группа на юго-западе Илуратского плато. Топографический план.

Более аргументированное суждение о времени сооружения курганов на ближних юго-западных подступах к Илуратскому плато и, соответственно, их возможной корреляции с Илуратом римского времени или предполагаемым эллинистическим протоилуратом [Хршановский, 2014. С. 181] будет возможно только после проведения на них полномасштабных археологических исследований.

Вторым объектом археологических разведок в 2014-2015 гг. стал кряж Чатр-Тав, расположенный в 1,5-2 км к западу от северо-западного угла городища Китея с шестью курганными насыпями. Координаты по GPS между самым западным курганом № 1 и самым восточным № 5: 45. 08060 с. ш., 36. 39885 в. д. и 45. 08200 с. ш., 36. 40195 в. д. Высота сохранившихся насыпей от 1 до 3 м., самого кряжа от подножья до хребта 20-30 м.

На археологической карте Крыма С. Л. Смекалова на кряже Чатр-Тав также условно зафиксирована группа курганов, и, помимо этого, под № 4079 некрополь, учтенный Веселовым, под № 0376 «Протокитей» [Смекалов, <http://www.archmap.ru/97.htm>]. В «Сводной ведомости» В. В. Веселова на горе Черкентау (Чатр-Тав?) под № 133 значится некрополь римского времени [Веселов, 2005, с. 122].

На протяжении последних двадцати лет периодически появлялась информация о грабительских раскопках на кряжах Джург-Оба и Чатр-Тав, расположенных к северо-западу и западу от китейского городища. На последнем из кряжей невооруженным глазом видны

6 возвышений, производящих впечатление искусственных — курганных (?) — насыпей (Рис. 3). После осмотра кряжа в 2014 году, на следующий сезон была запланирована полномасштабная археологическая разведка. Поставленная задача в 2015 году была успешно решена: создан топографический план кряжа Чатр-Тав, на котором обозначены 6 курганных насыпей, зафиксированы грабительские ямы (Рис. 4), и над одной из них, на восточной оконечности возле одноименной вершины горы Чатр-Тав (курган № 5 с координатами по GPS 45 градусов 04 минуты 55,15 секунды с. ш., 36 градусов 24 минуты 07,10 секунды в. д.), был заложен разведочный шурф.

Помимо этого, совместно с С. Л. Смекаловым, в восточной части Чатр-Тав, возле кургана № 6, была произведена магниторазведка.

У подножья южного склона горы встречались обработанные блоки известняка, явно представлявшие собой часть какой-то конструкции.

На срезанной и перекопанной вершине горы, в восточной части образовавшейся площадки, находилась грабительская яма. Над ней для выявления и фиксации границ ямы и потенциальных археологических объектов был заложен разведочный шурф (5×5 м) с метровой координатной сеткой, ориентированный по сторонам света. Верхняя часть ямы была заполнена грабительским отвалом из камней и щебня с небольшим количеством грунта. Среди камней и обломков известняка в заполнении ямы встречались плитки и небольшие блоки с обработанными гранями.

Рис. 3. Курганная группа на кряже Чатр-Тав. Вид с востока.

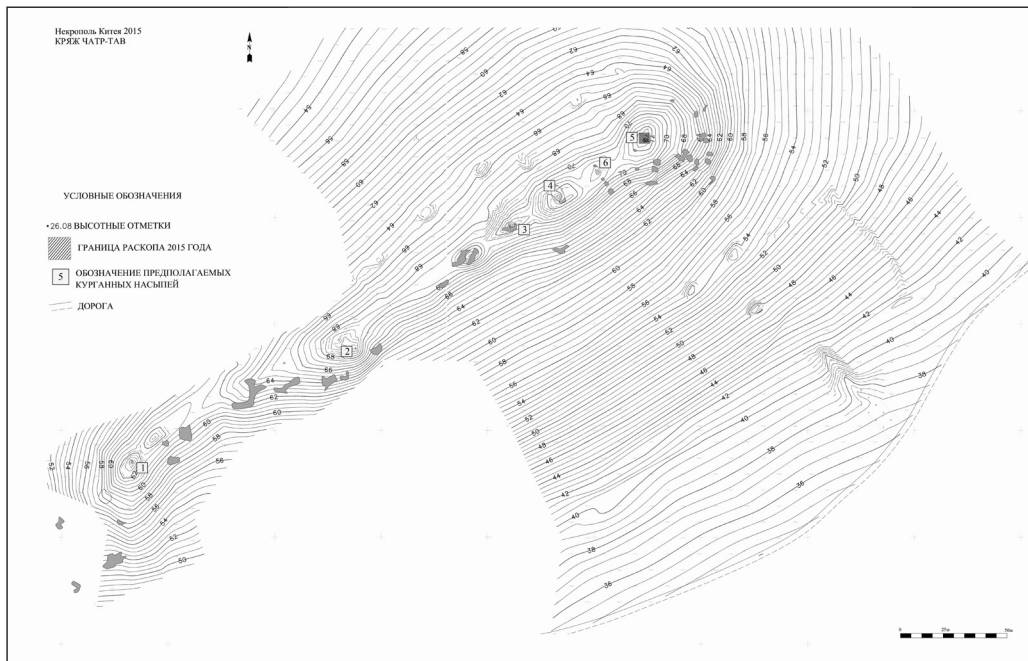

Рис. 4. Курганная группа на кряже Чатр-Тав. Топографический план.

Под нижним слоем камней и щебня грабительского отвала, на глубине около 1,5 м от современной дневной поверхности, начала вырисовываться в плане конструкция из состыкованных блоков известняка, превратившаяся после расчистки в монументальную гробницу.

В плане гробница имела форму правильного прямоугольника, вытянутого в широтном направлении. Длина гробницы — не менее 3 м (юго-западная оконечность уходит в борт), ширина (по внешнему контуру) — 1,8 м. Стенки гробницы сложены из нескольких рядов гладко отёсанных блоков известняка. Блоки верхнего ряда в сечении представляют собой почти правильные квадраты (0,35×0,4 м). Устанавливаемая длина их варьируется от 0,4 до 1,5 м. Высота верхнего ряда кладки, соответственно, равна высоте образующих его квадратов — 0,4 м. На них лежали разбитые и сдвинутые грабителями плиты перекрытия. У самой большой из них, Г-образной формы (1,4×1,25 м), отсутствовала северо-западная часть. Толщина плиты — 0,3-0,4 м. Вторая — над средней частью, толщиной 0,25-0,4 м, имела подпрямоугольную форму (1,3-1,4×0,7-0,85 м). Из-за сдвинувшихся верхних блоков северной стенки она

просела с этой стороны внутрь могилы и опиралась не на стенку, а на грунт заполнения. Над западной частью гробницы обломки перекрывавшей её плиты сохранились лишь на блоках верхнего ряда стен.

Обращал на себя внимание разнокалиберный характер плит перекрытия и, особенно, блоков и плит, из которых сложены стены. Блоки верхнего ряда (тщательно отесанные квадраты) стоят на гораздо более узких плитах, что наводит на мысль о возможном вторичном использовании при сооружении гробницы «деталей» от какого-то другого, более раннего сооружения. В пользу этого предположения свидетельствовали и, упомянутые ранее, обработанные блоки известняка, найденные на южном склоне горы и при выборке грабительской ямы. Однако лишь дальнейшие исследования покажут, найдет ли оно себе подтверждение.

Стратиграфия шурфа на данном этапе исследования малоинформативна, так как только в северо-западном углу раскопа удалось, бесспорно, выйти за границу засыпанной отвалами грабительской ямы и открыть край скалы, прикрытый нетронутым (?) грабителями грунтом. Как можно предположить, гробница (и, возможно, предшество-

вавшее ей сооружение) была впущена в скальный массив. О том, что это погребальное сооружение грабилось (и не раз), помимо самой ямы, свидетельствуют современные автографы, оставленные на стенах.

Находки в разведочном шурфе были весьма немногочисленны. В нетронutom (?) грабителями слое, на уровне скального выхода в северо-западной части разведочного шурфа, были найдены: венчик хиосской амфоры, два венчика лепных сосудов и два фрагмента железных предметов: стержня и наконечника (?). Близкие по форме венчики характерны для хиосских амфор с прямым горлом нимфейского варианта IV-A, и датируются 30-40-ми годами V в. до н. э. Среди профильных фрагментов из грабительского отвала оказались стенки хиосской амфоры со следами полос, нанесенных красной краской, фрагменты венчика и дна чернолаковых сосудов, которые могут относиться к тому же историческому периоду. Кроме них, в отвале найдены фрагменты венчика красноглиняного сосуда со светлой обмазкой, ребристого горла красноглиняного кувшина, красноглиняной стенки со сглаженными рёбрами (возможно от того же сосуда) и два фрагмента лепных сосудов: дна и ручки. Однако они не могут быть привлечены для уточнения датировки, как и немногочисленные вещевые находки из того же грабительского отвала: фрагменты железных предметов и подработанный круглый камень. По свидетельству одного из местных жителей, в 70-х годах XX века возле этой же разграбленной могилы на вершине Чатр-Тав он подобрал красноглиняный кувшин и железный наконечник копья. Местонахождение их в настоящее время неизвестно.

Для хронологии открытого сооружения может быть важен фрагмент стеклянной ручки — возможное свидетельство его функционирования (и/или сооружения) в римское время. Последнее предположение косвенно подтверждается В. В. Веселовым, зафиксировавшим на этой же горе

(под названием Черкетау) некрополь римского времени [Веселов, 2005. № 133. С. 122]. Однако и оно носит исключительно предварительный характер. Для более основательных выводов материала, собранного в результате разведочных работ недостаточно.

Помимо разведочного шурфа, над грабительской ямой возле курганной насыпи № 5, в рамках исследований по совместному с С. Л. Смекаловым проекту «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки», на кряже Чатр-Тав была произведена магниторазведка. Для неё был выбран участок на северном склоне кряже Чатр-Тав. Исследованный участок, размером 45×40 м, захватывал курганную насыпь № 6, грабительскую яму и прилегающую к ним площадь. Разведочный шурф для проверки результатов магниторазведки предполагается заложить в ближайшие полевые сезоны.

Наличие курганных некрополей возле боспорских городов факт, на который давно обратили внимание исследователи. Малые, окраинные города Боспора — Илурад и Китей — не исключение. Но за признанием этого бесспорного факта стоит спорная и актуальная проблема их принадлежности и причин появления в данное время, в данном месте. Давно уже было отмечено, что «... топографическое положение курганов около боспорских городов не случайно» [Виноградов, 1993. С. 247-248]. В ходе археологических работ многие исследователи сталкиваются с этой проблемой и, исходя из конкретной ситуации, предлагают свое решение [Хршановский, 2013. С. 253-254], или напоминают о её существовании [Смекалова, Горончаровский, 2016. С. 445]. Без полномасштабного и всестороннего изучения самих курганных некрополей это невозможно. Хочется надеяться, что проведённая разведка курганных групп возле Илкратского плато и на кряже Чатр-Тав даст дополнительный импульс этому важнейшему «общепоспорскому» делу.

-
1. Веселов В. В. Сводная ведомость Результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. Древности Боспора. Supplementum II. — М., 2005.
 2. Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский// Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. — Спб., 2005.
 3. Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Б. Г. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка// КСИА 130 — М., 1972.
 4. Смекалова Т. Н., Горончаровский В. А. Курганный некрополь в ландшафте Нимфея. История изучения и современное состояние// XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. — Керчь, 2016.
 5. Хршановский В. А. Сакральная топография Илуратского плато// Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. — СПб., 2013.
 6. Хршановский В. А. Археологические исследования Илуратского плато (ретроспектива и перспектива)// Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию М. М. Кубланова. — Спб., 2014.
 7. Интернет-ресурс: Смекалов С. Л. <http://www.archmap.ru/97.htm>

The publication of the archeological field survey results 2013-2015 puts in the archeological context, situated near Iluraton and Kytaiion and its ground necropolis, the group of mounds. The problem is to determine the owners of the mounds — were they the inhabitants of the towns or the nomads. That problem remains actual and important for the history of the Kingdom of Bosphorus.

Keywords: *Bosporus kingdom; Ilurat, Kiteum; burial groups; surveying; archaeological exploration; necropolis belonging*

УДК 904

О. В. Шаров

Раскопки Поля Дюбрюкса в Керчи в 1816-1817 годах: хронология комплексов кургана № 1*

В статье рассмотрена хронология погребальных комплексов кургана № 1 в Керчи, раскопанного в 1816-1817 годах Полем Дюбрюксом. Основное погребение датируется третьей четвертью V в. до н. э. Впускные погребения датируются римской эпохой (I-III вв. н. э.) и эпохой раннего средневековья (VI-VII вв. н. э.). Полевые работы Поля Дюбрюкса в 1816-1817 гг. положили начало первым научным раскопкам на юге России.

Ключевые слова: курган; Керчь; Польш Дюбрюкс; погребение; урна; бальзамарий; пряжка; фибула; римское время; раннее средневековье

В 2010 году вышли в свет два тома великолепного издания, подготовленного И. В. Тункиной и коллективом авторов, которые были посвящены отцу-основателю боспорской археологии Полю Дюбрюксу (1770-1835)¹. Многие факты биографии Поля Дюбрюкса, материалы археологических открытий самого археолога, его современников А. Б. Ашика и Д. В. Карейши 1831–

1835 гг., неизвестные рисунки, планы раскопок, фотографии рукописей и находок, хранящиеся в различных архивах, библиотеках и музеях, были опубликованы впервые. Среди этих материалов особое место занимают дневники первых раскопок П. Дюбрюкса в 1816–1818 гг. в Керчи и её окрестностях, которые уже издавались ранее (Латышев 1889; Бич, 1959)². Ценность

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

¹ Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х томах / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина; подготовка текстов И. В. Тункина и Н. Л. Сухачёв; пер. с фр. яз.: Н. Л. Сухачёв. СПб.: «Коло». 2010. Т. I. Тексты. 728 с. Т. II: Иллюстрации. 312 с.

² Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов. Комментарии // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 140–141.

двухтомника состоит в том, что здесь впервые на языке оригинала и в новом русском переводе приведён тщательно выверенный по разным рукописям и изданиям французский текст с переводом, снабжённый комментариями современных специалистов³. Тем не менее, новая уточнённая и расширенная публикация дневников первых раскопок в некрополе Керчи не вызвала широкого резонанса в научной среде, поэтому мне хотелось бы вновь привлечь внимание к хорошо документированным для того времени первым научным раскопкам в Керчи.

Как известно из архивных документов (Тункина, 2002, 2009), П. Дюбрюкс в 1816 году получил одобрение херсонского военного генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона на проведение раскопок в Керчи. Первоначально, в 1816 году раскопки П. Дюбрюкса проводились на личные средства графа А. Ф. Ланжерона, в октябре 1816 года выделившего на них 100 руб., и с разрешения таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина, т. е. уже с 1816 г., археолог имел разрешение начальства и исключительное право проводить раскопки античных некрополей в окрестностях Керчи⁴. В марте 1817 года после обращения А. Ф. Ланжерона к министру народного просвещения князю

А. Н. Голицыну с просьбой о выделении средств на продолжение раскопок в Керчи государь император Александр I «соизволил для продолжения работ отпустить из Кабинета Его Величества 500 р.» Таким образом, уже с 1817 г. раскопки античных памятников стали проводиться на средства и по разрешению высшей государственной власти России⁵.

Судя по краткому описанию П. Дюбрюкса, курган № 1 расположен в районе южного склона Митридата, в 0.5 км к юго-западу от окраины города⁶, а, по плану Керчи 1821 года, курган мог быть расположен где-то в районе 2-го кресла Митридата.

Курган имел продолговато-овальную форму и был вытянут в направлении северо-запад — юго-восток. Согласно чертежу П. Дюбрюкса, курган предположительно имел размеры 22 x 28 м и высоту в центре около 4,2 м (Рис. 1). Чертёж разреза насыпи был сделан лишь для центральной части кургана, где было совершено основное погребение. П. Дюбрюкс заложил на кургане

³ Там же. С. 136–141. Авторы археологических комментариев к подразделу «Описание раскопок некоторых керченских курганов» — Ю. А. Виноградов, О. В. Шаров; исторических, археологических и лингвистических — И. В. Тункина и Н. Л. Сухачев.

⁴ Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х томах / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. Т. I. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. 1. С. 124: «вдоль одной из тропинок, под углом идущей по горе, именуемой Митридатовой, юго-западнее Керчи..... близ небольшого кургана или холма в полуверсте от города».

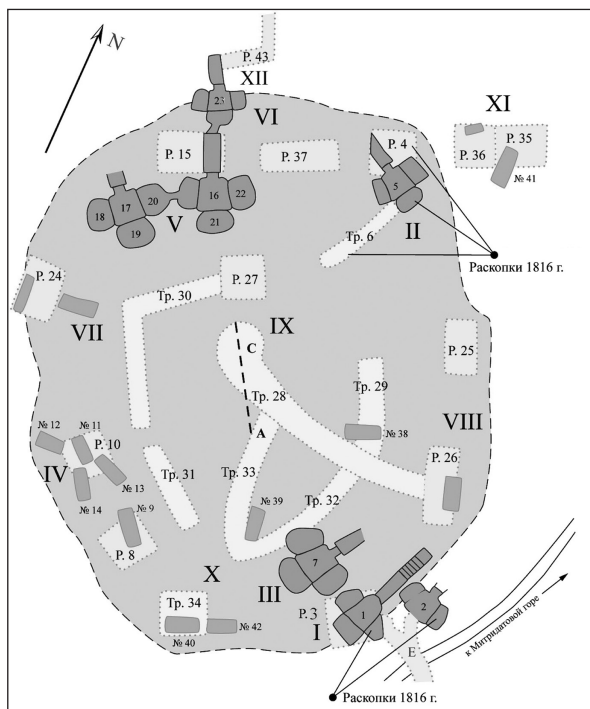

Рис. 1. Авторская реконструкция 2009 г. плана кургана № 1 в Керчи (Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х томах / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. Т. II: Иллюстрации. Рис. 164).

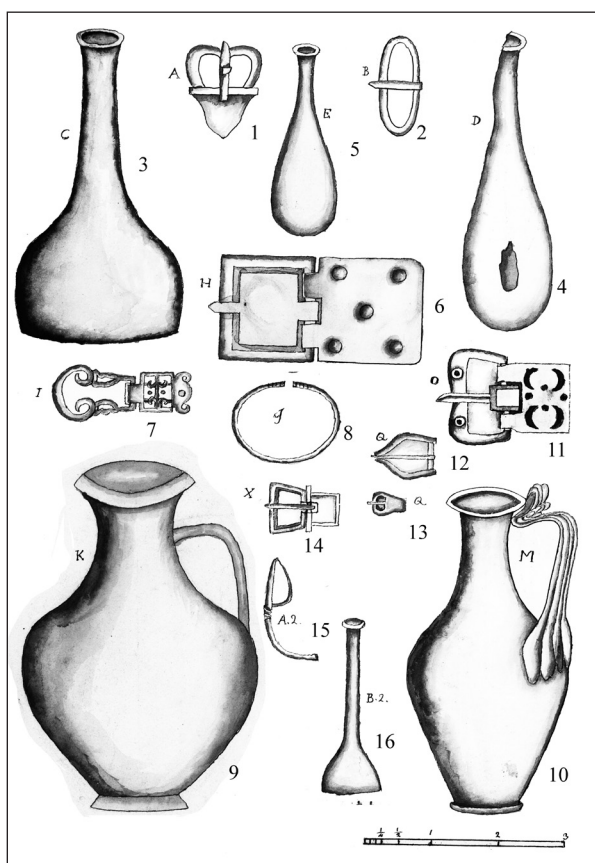

Рис. 2. Находки из впускных погребений кургана № 1. Рисунки П. Дюбрюкса. (Там же, Рис. 177-178).

всего 12 раскопов и 9 траншей, причем следует отметить, что автор раскопок ввел единую нумерацию не только для всех заложенных им раскопов и траншей, но и для всех открытых в раскопах и траншеях погребений. При этом, склеп с тремя лежанками и центральной камерой мог иметь 4 присвоенных номера, как, в частности, склеп на участке V в северной части кургана (№№ 17–20), а другой аналогичный склеп с тремя лежанками всего 1 номер (участок I, склепы № 1 и 2). На плане видны

прямоугольные раскопы: №№ 3, 4, 8, 10, 15, 24–27, 35–37 и длинные продолговатые траншеи, не всегда прямые: №№ 6, 28–34, 43. Остальные номера получили как отдельные грунтовые погребения: №№ 9, 11–14, 38–42, так и отдельные погребения на лежанках в склепах, вырубленных в скале: №№ 1, 2, 5, 7, 16–23. Мной, в комментариях к раскопкам кургана 1, все раскопы и траншеи для удобства описания были разделены на 12 участков⁷ (Рис. 1). Я коснусь в этой статье лишь тех комплексов, которые можно датировать, исходя из приведенных Полем Дюбрюксом рисунков погребального инвентаря⁸ (Рис. 2, 3).

Не полностью ограбленные комплексы в курганной насыпи стали фиксироваться лишь в марте 1817 года, уже после получения известия от графа А. Ф. Ланжерона о выделении денег на раскопки Александром I. До этого, летом и осенью 1816 года, Поль Дюбрюкс исследовал участки I и II в юго-восточной и северо-восточной частях курганной насыпи, где склепы были полностью ограблены. Автор приводит подробное описание лишь склепа № 1, остальные склепы имели близкие или аналогичные размеры⁹.

На участке III был открыт грабителями склеп (№ 7) с тремя лежанками¹⁰, который и был П. Дюбрюксом доследован. Судя по тому, что цифрами обозначена лишь центральная камера (№ 7), все вещи лежали уже на полу, безотносительно лежанок. «Я обнаружил среди обломков,

⁷ Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х томах / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. Т. II: Иллюстрации. Рис. 163–176.

⁸ Там же. Рис. 177–182.

⁹ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 121. Склеп № 1 «имел в ширину с южной стороны 2 аршина 12 вершков (1.96 м), а с северной стороны — 1 аршин 8 вершков (1.07 м). Его длина, одинаковая с обеих сторон, западной и восточной, равна двум с половиной аршинам (1.77 м). Вход высотой в один аршин 4 вершка (0.9 м) и шириной в аршин (0.7 м) был закрыт большим тесаным камнем. Он расположен с северной стороны. По трем другим сторонам в скале было высечено нечто вроде ложа или лежанок, на один аршин (0.71 м) возвышающихся над полом склепа».

¹⁰ Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х томах / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. Т. II: Иллюстрации. Рис. 167.

ускользнувших от внимания первых любопытствующих: 1. пряжку для ремня из серебра, вид которой представлен под буквой А (Рис. 2-1). Ширина её чуть более дюйма (2.5-2.6 см) и длина — полтора дюйма (3.75 см); 2. Другая пряжка — медная или из низкопробного золота, обозначенная буквой В (Рис. 2-2), шириной в полдюйма (1.27 см) при полутора дюймах длины (3.8 см); 3. серебряный предмет, который мог бы быть частью застежки, длиной в 2 дюйма (5.1 см), шириной в 9 линий (2.25 см), толщиной в поллинии (0.13 см.) 4. часть медной медали, очень тонкой, чей диаметр мог быть таким же, как у монеты в 5 копеек, и на которой имеются буквы, но её хрупкость не позволила мне расчистить их из опасения утратить их окончательно»¹¹.

Хронология комплекса. Первая серебряная пряжка из склепа № 7 относится к раннесредневековым В-образным пряжкам 1-го типа по А. К. Амброзу и датируется им VI—VII вв. н. э. (Амброз 1974: 236–252). А. И. Айбабин относит подобные пряжки к 1 типу, 3 варианту; он их датирует серединой V—VI вв. (Айбабин 1990: 38). И. О. Гавритухин атрибутирует их как В-образные пряжки с площадкой и вырезами в задней части рамки, которые изготовлены вместе с обоймой щитовидной формы и датирует концом VI — первой половиной VII в. (Гавритухин 1999: 160–209, рис. 1–25, 28).

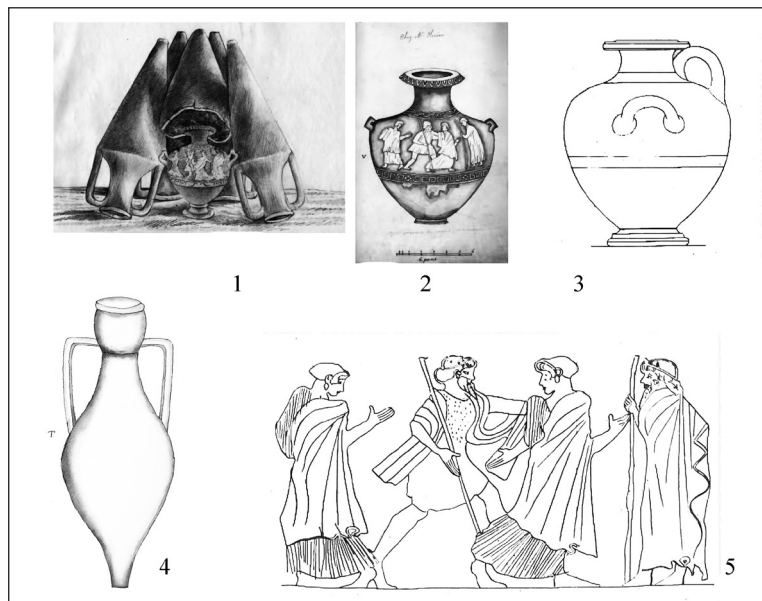

Рис. 3. Центральное погребение кургана № 1. 1 — Вид центрального погребения (Там же, Рис. 182); 2 — краснофигурная гидрия с росписью — погребальная урна (Там же, Рис. 183); 3 — профиль краснофигурной гидрии (Там же, Рис. 185); 4 — тип амфор из центрального погребения (Там же, Рис. 179Т); 5 — рисунок росписи краснофигурной гидрии (Там же, Рис. 184);

Вторая пряжка относится к поздне-римским пряжкам с удлинённо-овальной рамкой. Они появляются в константиновское время и существуют в V—VI вв. н. э. Судя по очень удлинённой рамке и сильно выступающему за нее язычку, эта пряжка является относительно поздней (Шаров 1992: 177–179, табл. IV). Склеп № 7 можно датировать, исходя из этого, второй половиной VI — первой половиной VII в. н. э.¹²

На участке IV, на раскопе № 8, в юго-восточной части кургана на глубине два аршина (4. 26 м) было обнаружено грунтовое захоронение № 9, заложенное большими тесаными камнями. «Погребение № 9. После того как его с предосторожностями расчистили внутри, в месте, где находилась голова, нашли две бутылки, которые могли быть большими лакримариями; они целы, а их [зарисованная] форма обозначена буквой С: 1. Один лакрима-

¹¹ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 125; Т. II. Рис. 177.

¹² Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов. Комментарии // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 141. Коммент. 2, 3.

рий тёмно-синего цвета (С) (Рис. 2-3); 2. Второй лакримарий (С) красноватый, высота 4 с половиной дюйма (11.4 см), ширина тулова 2 дюйма с половиной (6.3 см), ширина отверстия 7 линий (1.8 см). 3. Другая бутылка или лакримарий, несколько повреждённый, чей вид показан под буквой D (Рис. 2-4), белёсого цвета, высота 4 дюйма 4 линии (11.16 см), ширина тулова 1 дюйм 2 линии (3 см), ширина отверстий 5 линий (1.25 см); 4. Ещё один лакримарий также стеклянный, обычного цвета и очень лёгкий, чья форма показана под буквой E (Рис. 2-5), высотой 2 дюйма 9 линий (7.2 см), ширина тулова 1 дюйм (2.54 см), отверстия — 4 линии (1 см); 5. Две фигуры и небольшой бюст из гипса повреждены, таковые как мне кажется, представляли изображения идолов, обозначены буквой F; 6. Гипсовые же изображения цветов, почти одинаковые, обозначены буквой G — их насчитывается семь; 7. Железное кольцо диаметром один дюйм 9 линий (4.8 см); 8. Другой фрагмент из того же металла — *особой* и трудно определяемой формы; 9. Небольшой фрагмент золотой фольги треугольной формы. Глубина этой могилы 2 аршина 4 вершка (1.6 м), ширина 1 аршин 4 вершка (0.88 м) и длина 3 аршина 8 вершков (2.48 м). Там была большая и целая кость руки, но она обратилась в прах от прикосновения»¹³.

Хронология комплекса. Один из двух сосудов, описанных П. Дюбрюксом (Дюбрюкс, 2010. Т. II. Рис. 177С), относится к типу 2, группе 2 стеклянных бальзамариев с полусферическим туловом. Наиболее близкий по форме стеклянный бальзамарий происходит из погребения № 516, 1902 г. некрополя Керчи и датируется по стеклянной фиале типа «Rieperschale» второй четвертью — серединой I в. н. э. (Кунина, Сорокина 1972: 166, рис. 10, 15).

Другой стеклянный сосуд (Дюбрюкс, 2010. Т. II. Рис. 177D) может быть от-

несен по форме к бальзамариям типа 1 группы 2, варианту А по классификации Н. З. Куниной–Н. П. Сорокиной, и датируется концом I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. (Кунина, Сорокина 1972: 157-158, рис. 1). Этот тип сосудов характеризуется тем, что у них не выделено горло и очень мягкий переход от горла к тулову, дно округлое, стекло прозрачное, очень тонкое и лёгкое. Наиболее близкие аналогии происходят из некрополя Тузлы, мог. № 81, 1911 г. и некрополя Кеп, склепа № 245, 1963 г. (Кунина, Сорокина 1972, рис. 6, 19; рис. 7, 6). К тому же типу — 1, 2А — относится стеклянный бальзамарий, обозначенный литерой E. (Дюбрюкс, 2010. Т. II. Рис. 177E).

Таким образом, на основании датировки трёх стеклянных сосудов, погребение № 9 можно датировать второй четвертью — серединой I в. н. э.¹⁴

На раскопе № 10, в 2. 13 м к западу от погребения № 9, на той же глубине, были найдены 4 захоронения: три грунтовых с каменным закладом и одно грунтовое.

Погребение № 11 (грунтовое). «В последнем, № 11, мы нашли костяки двух покойников и следующие предметы: 1. большая ременная пряжка из меди или низкопробного золота, длина 3 дюйма (7.6 см), ширина 1 дюйм 7 линий (4.2 см), её вид приведён под буквой H (Рис. 2-6); 2. застёжка из того же металла, обозначенная буквой I (Рис. 2-7), длина 2 дюйма 9 линий (7.5 см), ширина 1 дюйм (2.54 см); 3. два круглых браслета — один целый, другой сломан, обозначены буквой J (Рис. 2-8), диаметр 2 дюйма 4 линии (6 см), золотые; 4. металлический фрагмент; 5. стеклянная бусина; 6. горшочек из обычной глины; 7. небольшой камень для заточки ножей, напоминающий те, которые у черкесов ещё и сегодня носят хозяйки дома; 8. осколки чёрной стеклянной бутылки»¹⁵.

¹³ Там же. Т. I, С. 125; Т. II. Рис. 168, 177.

¹⁴ Там же. Т. I. С. 141. Комментар. 4, 5.

¹⁵ Там же. Т. I. С. 125–126; Т. II. Рис. 168, 177–178.

Хронология комплекса. Дату в этом комплексе определяют две пряжки. Большая ременная бляха из меди или низкопробного золота. По типологии Р. Мадды такие пряжки (рис. Н) относятся к группе D, типу 25 и датируются поздним периодом B2 и переходным периодом B2/C1 (Madyda-Legutko 1986: 31–32), т. е. серединой — второй половиной II в. н. э.

Вторая пряжка обозначена литерой I. Такой тип пряжек, если судить по форме дужки, относится к типу «С» по К. Раддату и датируется всем I — началом II в. н. э. Пряжки этого типа — частые находки в богатых сарматских погребениях конца I — начала II в. н. э., к примеру, близкие находки известны в Давыдовке, Золотом кладбище и пр. (Гущина, Засецкая 1994: Табл. 10, 15, №№ 91, 156). Различные модификации этих пряжек развиваются из пряжек римских военных поясов начала I в. (Madyda-Legutko 1986: Taf. 1–3). Судя по типу обоймы и орнаментации её прорезями, речь в данном случае идёт об имитации или подражании пряжкам римских легионеров в стиле «Opus interassile». Такого рода обоймы в поясных наборах появляются не ранее середины II века н. э. (Oldenstein, 1976, Taf. 74–76).

Комплекс погребения № 11, в целом, можно датировать серединой — второй половиной II в. н. э.¹⁶

Погребение № 13. Грунтовая могила с каменным закладом «таких же размеров, как и погребение № 9 (0.88 x 2.48 м). В ней не содержалось ничего, кроме: хорошо сохранившейся глиняной вазы, наполненной пеплом и обозначенной буквой К (Рис. 2-9), высота 7 дюймов (17.8 см), ширина тулова 5 дюймов с половиной (14 см) и отверстие — 2 дюйма с половиной (6.3 см)»¹⁷.

Хронология комплекса. Хорошо известны специально изготовленные для урновых захоронений краснолаковые и красноглиняные кувшины. По типологии урн могильника «Совхоз

№10», данный сосуд по морфологическим признакам можно отнести к типу VIII одноручных кувшинов с цилиндрическим, слегка расширяющимся к тулову горлом, отогнутым венчиком, шаровидным туловом и кольцевым поддоном (Стржелецкий и др, 2005:105, рис. XXV). Кувшины III — IV вв., в основном, покрыты красным лаком и имеют значительные размеры — 24–36 см, а более ранние — I–II вв. — имеют высоту не более 15 см и встречены в могильниках Боспора и Юго-Западного Крыма. Данный сосуд, и, соответственно, погребение № 13 можно датировать в широких рамках I–II вв. н. э.

Погребение № 14. также грунтовое с каменным закладом, аналогичное по размерам и форме. В составе инвентаря были найдены следующие предметы:

1) медная медаль, очень тонкая и очень хрупкая, одна сторона чистая и какие-то неясные буквы на другой. Эта медаль обозначена буквой L. Её размер такой же, как у монеты в пять копеек; 2) маленький сосуд или стеклянный пузырь, очень красивой формы и очень лёгкий, обозначенный буквой M (Рис. 2-10), высота 6 дюймов (15.2 см), ширина тулова 3 дюйма с половиной (9 см) и ширина отверстия полтора дюйма (3.8 см)¹⁸.

Хронология комплекса. Стеклянный кувшин относится, по классификации Н. З. Куниной, к биконическим кувшинам на поддоне II группы и может датироваться в широких пределах от середины I до середины II в. н. э. (Кунина 1997: 45–48). Наиболее близок морфологически по форме плоской ручки с тремя рёбрами и форме тулова с максимальным расширением в верхней части сосуда кувшин из погребения № 184, 1903 г. на Глинище в Керчи. Этот комплекс датируется монетой Котиса I (45–62 гг.) (Кунина 1997: рис. 7). На основании этой параллели можно датировать данное погребение более узко, в пределах второй половины I в. н. э.¹⁹

¹⁶ Там же. Т. I. С. 141–142. Комментарий. 7–8.

¹⁷ Там же. Т. I. С. 123; Т. II. Рис. 168, 178К.

¹⁸ Там же. Т. I. С. 123, Т. II. Рис. 168, 178 L, M.

¹⁹ Там же. Т. I. С. 138. Комментарий. 12.

На участках V-VI, в северной поле кургана, П. Дюбрюксом был заложен раскоп № 15 «... глубиной в два аршина (1.42 м). Мы нашли проход в 22 вершка (96.8 см); расчистив его на глубину в 5 аршин (3.55 м), обнаружили вход в склеп, заложенный тёсаными камнями, как и предыдущие, с той лишь разницей, что здесь их было больше и таких размеров, что восемь человек с трудом их извлекли..... Форма этих двух склепов (Рис. 1) такая же, как и у предыдущих, только они обширнее, имея 4 аршина в длину (2.84 м), и ложа также на пол-аршина шире (на 0.35 м), а их углы закруглены. Обломки сосудов и стеклянных бутылок были разбросаны в обоих склепах. В склепе № 17 (назван по номеру центральной камеры склепа) на одной из лежанок (№ 18) находился: небольшой горшок из чёрной глины — половина в изголовье и другая в ногах. Его вид и покрывавший его рисунок изображены под буквой **Н**. На этом первом ложе, помимо глиняного горшка, о котором я говорил выше, была ременная пряжка, которая, полагаю, как и найденные ранее, сделана из низкопробного золота. Её ширина два дюйма (5,1 см) и длина два с половиной дюйма (6.37 см) (буква О)»²⁰.

Хронология комплекса. Пряжка (Рис. 2-11) с прямоугольным щитком относится к раннесредневековым В-образным застежкам и может обобщенно датироваться VI—VII вв. по А. К. Амброзу (Амброз 1974) или второй половиной VI в. по А. И. Айбабину (Айбабин 1999: Табл. XXX). Наиболее близкие аналогии данной пряжке происходят из могильника Суук-Су. Прорезной узор типа «точка-запятая» наиболее характерен для пост-юстиниановской эпохи и, по мнению М. Казанского и И. О. Гавритухина, типичен для времени расцвета «геральдического стиля» и датируется концом VI — первой половиной VII в. (Гавритухин 1999: 160–

209). Этим же временем можно датировать данное погребение²¹.

На центральной лежанке (№ 19) этого же склепа находились два покойника, уложенные на доски и прикрытые, как и первый. Погребальный инвентарь: 1. На передней части ложа окисью меди была обрисована форма меча, но я нашёл только серебряный наконечник ножен, однако настолько разъеденный, что он ломается, стоит его неосторожно коснуться; 2. Маленький колокольчик из низкопробного золота, чей железный язычок отвалился при прикосновении. Его ширина в основании 9 линий (2.28 см) и высота один дюйм (2.54 см) (изображён под буквой Р). Его поставили в изголовье между двумя покойниками. 3. Две маленьких пряжки, которые могли служить для узды; они из того же металла, что и другие (изображены под буквой Q). Первая шириной в дюйм и столько же в длину (2.54 x 2.54 см) (Рис. 2-12), а вторая шириной в полдюйма (1.27 см) при длине 9 линий (2.28 см). (Рис. 2-13) 4. Небольшой круглый камушек с дыркой посередине, диаметр 2 дюйма (5.1 см), толщина 1 дюйм (2.54 см). 5. Несколько металлических предметов, золото или серебро, большей частью сломанных, которые могли бы служить для украшения узды»²².

Хронология комплекса. Дату совершения данного погребения можно определить по двум маленьким обувным пряжкам. Одна из них относится к бесщитковым треугольно-рамчатым пряжкам, отлитым из бронзы. А. И. Айбабин относит их к 1 варианту 1 типа своей классификации и датирует второй половиной VI—VII вв. (Айбабин 1990: 40–41). В хронологической таблице, приведенной в более поздней работе, он разместил такие пряжки только в пределах второй половины VI в. н. э. (Айбабин 1999: Табл. XXX).

Вторая пряжка относится к раннесредневековым цельнорамчатым

²⁰ Там же. Т. I. С. 123; Т. II, Рис. 169, 178.

²¹ Там же. Т. I. С. 138. Комментарий. 15.

²² Там же. Т. I. С. 124; Т. II. Рис. 169, 178 P,Q.

В-образным пряжкам. По А. И. Айбабину, она принадлежит к пряжкам типа П, варианту 4 — с гладким прямоугольным щитком. Он их датирует второй половиной VI — первой половиной VII вв. (*Айбабин* 1990: 39). Скорее всего, нужно датировать данный комплекс на лежанке 19 второй половиной VI — началом VII в. н. э.²³

Позднее были подняты вверх из склепа, после просеивания земли, ещё ряд предметов, среди которых П. Дюбрюкс нашёл маленькую серебряную застёжку без отделки, которая представлена под буквой X (Рис. 2-14), ширина 1 дюйм 2 линии (3 см), длина 1 дюйм 6 линий (4 см)²⁴. Эта находка ещё раз подтверждает правильность датировки склепов №№ 16 и 17 раннесредневековым временем. Пряжка относится к изделиям с трапецевидной рамкой и прямоугольным щитком типа 1, варианта 9 по А. И. Айбабину. Её можно датировать первой половиной VII в. н. э. (*Айбабин* 1990: 49).

На центральном участке IX, где был заложен раскоп № 27 и траншея № 28, открыто основное погребение кургана. «На глубине двух саженей (4.26 м) мы достигли скалы. Заметив в этом месте на уровне грунта несомненные следы костра почти в центре, я решил заложить раскоп, пронумерованный на плане как 28, то есть проход²⁵ от раскопа № 28 к № 27, проходящий через наиболее воз-

вышенную часть кургана. Этот проход шириной в 2 аршина (1.42 м) привёл на второй день работы к открытию на глубине одного туаза (1.9 м) и в самом центре [кургана] пирамиды из 13 глиняных сосудов продолговатой формы с погребальной урной в середине, прикрытой одним из сосудов, разбитым пополам (Рис. 3-1). Их высота 2 фута и 2 дюйма (66 см), ширина тулова 10 дюймов 9 линий (27,7 см), диаметр основания 1 дюйм 7 линий (диаметр ножки-4.3 см), отверстие [венчика] овальной формы имеет в длину 4 дюйма 3 линии (10.8 см) при ширине 2 дюйма и 5 линий (6.35 см). Существуют разночтения в размерах сосудов и описании центрального погребения, они все подробно разобраны в последнем документированном переводе²⁶. «Эти сосуды того типа, который антиквари в просторечии именуют деревенским, были, как я полагаю, предназначены для предохранения урны. Три были раздавлены под тяжестью земли, а десять целы. Они были пустыми, обмазаны изнутри дёгтем и поставлены венчиком вниз и дном вверх. Их форма изображена под буквой Т» (Рис. 3-4). У В. В. Латышева дана совершенно иная глубина центрального погребения — 3.2 м, которая, по моему мнению, более соответствует истине²⁷. ... После раскопок, произведенных к северу, к югу и к востоку от места, где находилась урна, дабы убедиться, не было ли в центре

²³ Там же. Т. I. С. 138. Комментарий. 17–18.

²⁴ Там же. Т. I. С. 126. Комментарий. 2: где приведены иные размеры пряжки: «шириною в шесть линий (1.5 см), длиною в один дюйм (2.5 см)» (Бич, 1959:306);

²⁵ Иной текст приведён в других изданиях: Латышев, 1889: 122: «Так как один раскоп, произведённый около центра, дал мне несомненный след костра, то я решился разрезать курган надвое с востока на северо-запад»; Бич, 1959: 304: «произвели, чтобы разрезать курган надвое, раскоп № 28, т.е. проход...».

²⁶ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 125. Комментарий. 5–13; В частности, в тексте, приведенном О. И. Бич, существует другое описание этих сосудов, которое отличается от приведенного выше: «они высотой в один аршин (71 см), ширина туловища семь вершков (31 см), диаметр основания один вершок (4.4 см), отверстие овальной формы два с половиной вершка длины (11 см) на вершок и три четверти ширины» (7.7 см) (Бич, 1959: 304).

²⁷ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 125. Комментарий. 8. Ср.: «В двух саженях от центра (4.26 м) мы нашли след костра и, следуя за ним, как раз в самом возвышенном пункте кургана на глубине 1 ½ саж. (3.2 м) открыли пирамиду, составленную из 13 больших сосудов из обыкновенной глины, из числа тех, которые антиквари называют деревенскими сосудами. Они были пусты, вымазаны изнутри смолою и опрокинуты отверстием книзу: они служили для охранения погребальной урны, которая находится в середине, прикрытая одним из этих сосудов, разбитым надвое» (Латышев, 1889:122).

кургана склепа, а если таковой здесь был, то найти вход в него, я измерил диаметр костра, отчётливо обозначенный слоем пепла и углей толщиной в полтора дюйма (3. 8 см); и этот диаметр костра в 4 сажени (8. 4 м)²⁸. Некоторые параллели этому типу кремации на месте можно увидеть в обряде центрального погребения, совершённого в 7-метровом кургане, раскопанного А. А. Бобринским на северном склоне горы Митридат в 1891 году и названного им «пепелищем». На середине высоты кургана было обнаружено мощное кострище, в центре которого находилась урна — краснофигурная гидрия с изображением Гермеса, а вокруг лежали обломки чернофигурной ойнохои и фрагменты расплавленных бронзовых изделий. В. Д. Блаватский датировал и урну (краснофигурную гидрию) и чернофигурную ойнохою 470 гг. до н. э. (Цветаева, 1957: 232). Аналогии другой детали обряда: амфоры вокруг урны, стоящие горлами вниз, мне неизвестны».

Хронология комплекса. П. Дюбрюкс открыл центральное курганное погребение — сожжение в краснофигурной вазе. Погребальная конструкция состояла из тринадцати вертикально поставленных вверх дном амфор, в центре, между амфор, находилась аттическая краснофигурная гидрия с остатками кремации. Сверху это ваза была перекрыта половиной такой же амфоры. Нельзя утверждать, что все тринадцать амфор относились к одному типу, но сосуд, представленный на рис. Т (Рис. 3-4), ближе всего к типу хиосских позднепухлогорлых амфор по С. Ю. Монахову. Если мы доверяем точности рисунка П. Дюбрюкса, то на нём пред-

ставлены следующие немаловажные детали: ручки крепятся не под венчиком, а в нижней или средней части горла, они имеют изгиб под прямым углом, максимальное расширение тулова амфоры находится в центре, ножка керченской амфоры очень узкая, подпрямоугольная, не гранённая. Ближе к нарисованной П. Дюбрюксом амфоре, по указанным морфологическим признакам, хиосские амфоры типа III-B, у которых в ряде случаев, ручки крепятся в центре горла, имеют подпрямоугольный изгиб, не имеют ребра в верхней части тулова, и ножки, в ряде случаев, имеют прямоугольную форму (Монахов, 2003, табл. 7, 1-3), но при этом, у них нет чёткого перехвата в месте окончания горла к верхней части тулова, который есть у амфоры на рисунке Т. Поэтому амфора П. Дюбрюкса, ближе всего к типу III-C хиосских позднепухлогорлых амфор с чётким перехватом по С. Ю. Монахову, которые можно датировать третьей четвертью V в. до н. э. (Монахов 2003: 18–19, 237, табл. 7, 4–6). «Урна содержала пепел и наполовину сгоревшие человеческие кости. Её высота 11 дюймов 9 линий (30 см), наибольшая ширина 10 дюймов и 8 линий (27.4 см), ширина отверстия 4 дюйма 6 линий (11.5 см) и диаметр основания над поддоном 2 дюйма 9 линий (7.35 см)» (Рис. 3-3). О. И. Бич приводит также иные размеры гидрии²⁹. Существуют также не совпадающих описания росписи гидрии (Рис. 3-2, 5), различия между которыми указаны в последнем издании³⁰. «Урна хорошо сохранилась; ... у неё три ручки — две горизонтальные по сторонам, а третья позади вертикальная. Урна дана под буквой V»³¹. По мнению

²⁸ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 126. Комментарий. 6. Существуют также разночтения по поводу мощности и размеров кострища в разных текстах. У В. В. Латышева «Под пирамидой был аршин пепла (0.71м), смешанного с угольями, диаметр костра в 4 сажени (8.4 м) (Латышев, 1889:123).

²⁹ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 125. Комментарий. 10: «вышина её семь вершков, наибольшая ширина шесть вершков, ширина отверстия три вершка и диаметр основания над ножкой два вершка и одна шестая».

³⁰ Там же. Т. I. С. 125. Комментарий. 13

³¹ Там же. Т. II. Рис. 182–185.

Ю. А. Виноградова, краснофигурная гидрия относится, скорее всего, также к 3 четверти V в до н. э.³² Исходя из анализа краснофигурных гидрий, проведенных М. Мур (Moore, 1997: 229, № 603) можно отнести данную вазу по стилю росписи к 430 гг. до н. э., что вполне соответствует дате, полученной по амфорной таре. Таким образом, можно датировать основное погребение кургана № 1 третьей четвертью V в. до н. э.

На участке X, в юго-восточной части курганный насыпи, были открыты ещё 2 грунтовых погребения, содержащие погребальный инвентарь. В погребении «№ 40, прикрытом большими тесаными камнями, я нашёл: 1. медную медаль, где на одной стороне можно было различить мужскую или женскую голову в короне, другая сторона сплошная; 2. Сломанный надвое наконечник копья, помещённый с двух сторон черепа; 3. Небольшой металлический фрагмент, медь или низкопробное золото, уникальной формы, изображенный под буквой А. 2 (Рис. 2-15); 4. Маленький шарик бледно-розового цвета; 5. другой белый; 6. несколько листков золота, сходных с найденными в раскопе № 9; 7. На камнях, закрывавших могилу, лежали кости двух покойников и глиняный сосуд, похоже, побывавший в огне»³³.

Из предметов, датирующих комплекс, можно выбрать лишь предмет под номером А. 2, который в реальности является фрагментом арбалетной подвязной фибулы или по европейском классификации «Fibel mit umgeschlagenem Fuss. Такие фибулы относятся к группе VI О. Альмгрена и датируются суммарно II-IV вв. н. э.» (Almgren, 1923, Taf. VI:158-162, 168). Определить точнее тип фибулы, её одночастность — двухчастность, очень трудно ввиду несохранившейся верхней части, но, скорее

всего, по типу приемника иглы, и размерам фибулы (около 6-6,5 см) она относится к подвязным двучленным фибулам 16 группы 2 подгруппы 1 серии по А. К. Амброзу, который разделил их на 4 варианта. Ввиду того, что не видны фасетки, и дужка фибулы не уплощена, а сделана из бронзовой круглой в сечении проволоки, она может относиться к 1 варианту и датироваться со 170/180 гг. до 260/270 гг. н. э. (Амброз, 1966: 61-66). Важно отметить, что большинство восточноевропейских фибул имеют колленчатую спинку, а фибулы, изогнутые в виде лука, более характерны для вельбаркской и пшеворской культур³⁴.

В погребении № 42 был найден «прекрасной формы лакримарий из стекла, изображенный под буквой В. 2»³⁵. (Рис. 2-16).

Хронология комплекса. Лакримарий, слезница — название стеклянных бальзамариев римского времени. Данный сосуд относится, по классификации Н. З. Куниной — Н. П. Сорокиной, к типу I, группе 2, варианту «Д» бальзамариев с коническим туловом (Кунина-Сорокина, 1972:161-164, рис. 9). Такие сосуды датируются в основном серединой II — серединой III в. по их максимальному распространению на Боспоре, но при этом они встречены в комплексах Керчи с монетами Савромата I и с монетами Фофорса, т. е. время их бытования падает на начало II века н. э., а полностью они исчезают из обращения в начале IV века н. э. Ближе по типу к данному сосуду бальзамарий из погребения 1, склепа 245, 1963 года некрополя Кеп (Кунина-Сорокина, 1972, рис. 9-1). Судя по ажурной пряжке с волютами и длинной прямоугольной обойме, комплекс относится к середине II века н. э. Этот тип пряжек был скопирован боспорскими мастера-

³² Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов. Комментарии // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 139. Комментар. 22.

³³ Там же. Т. I. С. 126; Т. II. Рис. 178.

³⁴ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов. Комментарии // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 139. Комментар. 25.

³⁵ Там же. Т. I. С. 126; Т. II. Рис. 178. Размеры сосуда приведены у О.И. Бич: «вышина его пять дюймов две линии (13 см), а диаметр туловища один дюйм три линии (3,3 см)». (Бич, 1959: 307).

ми с пряжек римских легионеров эпохи Траяна-Адриана³⁶.

В итоге, исходя из данных, приведённых Полем Дюбрюксом и хронологии комплексов по типам погребального инвентаря, можно предложить следующую хронологию событий, связанных с курганом № 1 в Керчи.

В третьей четверти V в. до н. э., на древней дневной поверхности, в центре будущего кургана (С), был сооружён значительных размеров погребально-поминальный комплекс, который сгорел в сильном огне (диаметр кострища около 8,4 м, мощность до 0,7 м); затем на слой углей и золы была поставлена урна — краснофигурная гидрия, куда были собраны кости умершей/умершего. Вокруг урны поставлены горлом вниз 13 хиосских амфор, половина одной из амфор послужила крышкой урны. После этого сооружена курганная насыпь.

В римское время, на протяжении I–III вв. н. э., в курган были впущены грунтовые погребения, как с каменным закладом, так и без него (№№ 9, 11–14,

38–42). Все грунтовые погребения располагаются по краям курганной насыпи, более всего их открыто в юго-западной части.

Во второй половине VI — первой половине VII вв. н. э. в северной поле кургана были вырезаны в скале 4 склепа с тремя лежанками, вход в которые с севера-северо-запада (№№ 5, 16–23). Два склепа в юго-восточной части однотипны с предыдущими (№№ 1, 7), один — другого типа: с двумя лежанками (№ 2), вход в них располагается с северо-востока (№№ 1, 2, 7).

В заключение следует отметить, что все описания комплексов, чертежи и планы, а также рисунки находок выполнены на высоком профессиональном уровне и могли служить, если бы были своевременно изданы, образцом полевой и научной работы для археологов-античников XIX столетия. Поль Дюбрюкс, по праву, считается родоначальником боспорской археологии, положившим начало первым научным раскопкам на юге России.

-
1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 5–86.
 2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
 3. Амброз А. К. Фибулы Европейской части СССР. М., 1966 (САИ Д1–30).
 4. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. (07.00.06) / Ин-т археологии АН СССР. Москва, 1974. — 450 с.
 5. Бич О. И. Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816–1817 гг. // МИА. № 69:1959: Некрополи Боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. С. 296–321.
 6. Гавритухин И. О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем Средневековье. Ижевск, 1999. С. 160–209.
 7. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
 8. Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.
 9. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Т. 13. С. 146–177.
 10. Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 годах // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 116–149.
 11. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
 12. Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2-х томах. / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина; подготовка текстов: И. В. Тункина и Н. Л. Сухачёв пер. с фр. яз.: Н. Л. Сухачёв. / РАН, СПФ Архива РАН, ИИМК РАН. // СПб: «Коло». 2010. Т. I. Тексты. 728 с. Т. II: Иллюстрации. 312 с.

³⁶ Дюбрюкс П. I. Дневники раскопок 1816–1818 гг.: Описание раскопок некоторых керченских курганов. Комментарии // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. С. 139. Комментар. 26.

13. Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. Н. Население округа Херсонеса в первой половине I тыс. н. э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus* за 2003-2005. 2005. № 4. С. 27-277.

14. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб: Наука, 2002. 676 с. 156 ил.

15. Тункина И. В. Отец археологии Боспора Поль Дюбрюкс (Новые архивные материалы) // *Вестник истории, литературы, искусства*. М., 2009. Т. 6. С. 369–378.

16. Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея // *МИА*. 1957. № 56. С. 227-250.

17. Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // *Проблемы хронологии латена и римского времени*. СПб., 1994. С. 158-207.

18. Almgren O. Studien über nordeneuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.

19. Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. London, 1986. (BAR IS. Vol. 360.)

20. Moore M. B. Attic Red-Figured and White Ground Pottery // *Athenian Agora* vol. 30. 1997, Princeton New Jersey.

21. Oldenstein Ju. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 57. 1975. S. 51-284.

The article deals with the chronology of the burial complex of the mound number 1 in Kerch, excavated in 1816-1817 by Paul Dubrux. The main burial is dated back to the third quarter of the V century BC. Inlet burials are dated back to the Roman Era (I-III centuries AD) and the early Middle Ages (VI-VII centuries AD). Fieldworks of Paul Dubrux in 1816-1817 initiated the first scientific excavations in southern Russia.

Keywords: barrow; Kerch; Paul Dubrux; burial; urn; balzamary; buckle; brooch; Roman times; the early Middle Ages

Сведения об авторах

Бейлин Денис Владиславович, научный сотрудник отдела археологических исследований и охраны памятников ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Бутягин Александр Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Северного Причерноморья отдела Античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Вахонеев Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований» (Россия, г. Симферополь)

Вахтина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Виноградов Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии Института истории материальной культуры (Россия, г. Санкт-Петербург)

Винокуров Николай Игоревич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Россия, г. Москва)

Власова Елена Валерьевна, научный сотрудник ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Горончаровский Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Грицик Екатерина Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Дианова Татьяна Валерьевна, старший научный сотрудник Научно-архивного отдела ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (Россия, г. Севастополь)

Зайцев Юрий Павлович, кандидат исторических наук, директор ГБУ РК «Историко-археологический музей-заповедник "Неаполь Скифский"» (Россия, г. Симферополь)

Знаменская Людмила Константиновна, заведующая сектором научной библиотеки научно-архивного отдела ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (Россия, г. Севастополь)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

Колосов Владимир Павлович, младший научный сотрудник ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Кропотов Виктор Валерьевич, старший научный сотрудник ГБНУ РК «Институт археологии Крыма» (Россия, г. Симферополь)

Кучеревская Нина Львовна, кандидат искусствоведения, начальник отдела «Лапидарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор ГБНУ РК «Институт археологии Крыма» (Россия, г. Симферополь)

Матвеев Станислав Павлович, магистр истории, научный сотрудник историко-археологического отдела ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Медведева Мария Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая архивом Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Михайлов Арсений Михайлович, заместитель начальника отдела археологических исследований и охраны памятников ГБУ РК «Восточно-крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Михайленко Александра Викторовна, главный библиограф сектора филиальных библиотек научной библиотеки ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической Академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Россия, г. Симферополь)

Никитаев Алексей Владимирович, врач, судебно-медицинский эксперт Керченского отделения ГБУЗ РК «Крымское Республиканское Бюро судебно-медицинской экспертизы» (Россия, г. Керчь)

Ольховский Сергей Валерьевич, научный сотрудник Института археологии РАН (Россия, г. Москва)

Пигин Александр Петрович, кандидат технических наук кафедры, консультант кафедры инженерной геодезии Белорусского Национального Технического Университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Пономарев Леонид Юрьевич, старший научный сотрудник археологического центра БФ «Деметра» (Россия, Керчь)

Пономарёв Денис Юрьевич, врач, судебно-медицинский эксперт Керченского отделения ГБУЗ РК «Крымское Республиканское Бюро судебно-медицинской экспертизы» (Россия, г. Керчь,)

Прохорова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-фондового отдела ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (Россия, г. Севастополь)

Решетникова Ольга Владимировна, научный сотрудник отдела научно-просветительской работы ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Соловьев Сергей Львович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела охранной археологии Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Соколова Ольга Юрьевна, старший научный сотрудник отдела античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Столяренко Павел Геннадьевич, старший научный сотрудник отдела археологических исследований и охраны памятников ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

Терещенко Андрей Евгеньевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом экспозиционно-выставочной работы Государственного Русского музея (Россия, г. Санкт-Петербург)

Хршановский Владимир Андреевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Россия, г. Москва)

Четвёркина Екатерина Вячеславовна, старший лаборант Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Шаров Олег Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Ярцев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н.Толстого» (Россия, г. Тула)

Authors

Beylin Denis Vladislavovich, research associate of the Archeological Research and Protection Department at the State Budget Institution of the Republic of Crimea “Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve” (Russia, Kerch)

Butyagin Aleksandr Mikhailovich, Head of Northern Black Sea Region Archeology Division at the Classical Antiquity Department of the Federal State Institution of Culture “State Hermitage” (Russia, city of Saint-Petersburg)

Vakhoneev Viktor Vasilievich, candidate of historical science, Deputy Director for Science at the State Budget Institution of the Republic of Crimea “Black Sea Underwater Research Center” (Russia, city of Simferopol)

Vakhtina Marina Yurievna, candidate of historical science, senior research associate of the Classical Antiquity Department at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Vinogradov Yuriy Alekseevich, doctor of historical science, head research associate of the Classical Antiquity Department at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Vinokurov Nikolay Igorevich, doctor of historical science, professor, Chairmen of the Department of Ancient and Medieval History at the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Moscow Pedagogical State University” (Russia, city of Moscow)

Vlasova Elena Valerievna, research associate at the Federal State Institution of Culture “State Hermitage” (Russia, city of Saint-Petersburg)

Goroncharovsky Vladimir Anatolievich, doctor of historical science, head of the History of Classical Culture Department at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Gritsik Ekaterina Vasilievna, candidate of historical science, research associate of the History of Classical Culture Department at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Dianova Tatiana Valerievna, senior research associate of the Scientific and Archives Department at the Federal State Budget Institution of Culture “State historical and archeological museum-preserve “Tauric Chersonese” (Russia, city of Sevastopol)

Zaitsev Yuriy Pavlovich, candidate of historical science, director of the State Budget Institution at the Republic of Crimea “Historical and archeological museum-preserve “Scythian Naples” (Russia, city of Simferopol)

Znamenskaya Lyudmila Konstantinovna, Division Head of the Scientific Library of Scientific and Archival Department at the Federal State Budget Institution of Culture “State Historical and Archeological Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Russia, city of Sevastopol)

Zubarev Viktor Gennadievich, doctor of historical science, professor at the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy” (Russia, city of Tula)

Kolossov Vladimir Pavlovich, junior research at the Federal State Institution of Culture “State Hermitage” (Russia, city of Saint-Petersburg)

Kropotov Viktor Valerievich, senior research associate at the State Budget Scientific Institution of the Republic of Crimea “Institute of Archeology of Crimea” (Russia, city of Simferopol)

Kucherevskaya Nina Lvovna, candidate of cultural studies, Head of the Department “Lapidarium” of the State Budget Institution of the Republic of Crimea “Eastern-Crimean His-torical and Cultural Museum-Preserve” (Russia, city of Kerch)

Mayko Vadim Vladislavovich, doctor of historical science, temporary acting as Director at the State Budget Scientific Institution of the Republic of Crimea “Institute of archeology of Crimea” (Russia, city of Simferopol)

Matveev Stanislav Pavlovich, master of history, research associate of Historical and Archeolog-ical Department at the State Budget Institution of the Republic of Crimea “Eastern-Crimean His-torical and Cultural Museum-Preserve” (Russia, city of Kerch)

Medvedeva Maria Vladimirovna, candidate of historical science, Head of the Archives at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Mikhailov Arseniy Mikhailovich, Deputy Head of Archeological Research and Protection De-partment at the State Budget Institution at the Republic of Crimea “Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve”(Russia, Kerch)

Mikhailenko Aleksandra Viktorovna, Head Bibliographer of the Affiliated Libraries Sector of the Scientific Library at the State Hermitage (Russia, city of Saint-Petersburg)

Nepomnyascshiy Andrey Anatolievich, doctor of historical science, Head of the Areas Studies Department of the Taurida Academy of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky” (Russia, city of Simferopol)

Nikitaev Aleksey Vladimirovich, doctor, Forensic Investigator at the Kerch Department of the State Budget Healthcare Institution of the Republic of Crimea “Crimean Republican Bureau of Forensic and Medical Examination” (Russia, city of Kerch)

Olkhovsky Sergey Valerievich, research associate at the Institute for Archeology of the Russian Academy of Science (Russia, city of Moscow)

Pigin Aleksandr Petrovich, candidate of technical science at the Engineering Geodesy De-partment at the Belorussia National Technical University (Republic of Belorussia, City of Minsk)

Ponomaryev Leonid Yurievich, senior research associate at the Archeological Center of the Beneficiary Fund “Demeter” (Russia, city of Kerch)

Ponomaryev Denis Yurievich, doctor, Forensic Investigator at the Kerch Department of the State Budget Healthcare Institution of the Republic of Crimea “Crimean Republican Bureau of Forensic and Medical Examination” (Russia, city of Kerch)

Prokhorova Tatiana Aleksandrovna, candidate of historical science, senior research associate of the scientific and holdings department at the Federal State Budget Institution of Culture “State Historical and Archeological Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Russia, city of Sevastopol)

Reshetnikova Olga Vladimirovna, research associate of the Scientific and Educational Department at the State Budget Institution of the Republic of Crimea “Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve” (Russia, Kerch)

Soloviov Sergey Lvovich, candidate of historical science, research associate of the Salvage Archeology Department at the Institute for the Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Sokolova Olga Yurievna, senior research associate of the Department of Classical Antiquity at the Federal State Institution of Culture “State Hermitage” (Russia, city of Saint-Petersburg)

Stolyarenko Pavel Gennadievich, senior research associate of the Archeological Research and Protection Department at the State Budget Institution at the Republic of Crimea “Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve” (Russia, Kerch)

Tereshchenko Andrey Evgenievich, candidate of historical science, Head of the Division for Exhibition and Design work of the State Russian Museum (Russia, city of Saint-Petersburg)

Khrshanovsky Vladimir Andreevich, candidate of philosophy, research associate at the Federal State Budget Institution of Science of the Russian Academy of Science (Russia, city of Moscow)

Chetverkina Ekaterina Vyacheslavovna, research technician at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Sharov Oleg Vasilievich, doctor of historical science, head research associate at the Institute for Material Culture of the Russian Academy of Science (Russia, city of Saint-Petersburg)

Yartsev Sergey Vladimirovich, candidate of historical science, head of the historical and archeological department at the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy” (Russia, city of Tula)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Умрихина Т. В.</i> Дорогой читатель!	4
<i>Бейлин Д. В.</i> К вопросу об основных направлениях транспортных коммуникаций Европейского Боспора в первые века н. э.	6
<i>Бутягин А. М.</i> Боспорский город в системе греко-варварских взаимоотношений в доримскую эпоху	13
<i>Вахонеев В. В., Соловьев С. Л.</i> Подводные археологические исследования Акры в 2015 г.	19
<i>Вахтина М. Ю.</i> Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН)	24
<i>Виноградов Ю. А.</i> Изучение молотильного тока на поселении Артющенко — 1 в 2015 г.	32
<i>Винокуров Н. И., Пигин А. П.</i> Топографические работы 2015 г. на археологическом памятнике Багерово-Северное	37
<i>Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю.</i> Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан	44
<i>Власова Е. В.</i> Серебряные изделия из кургана Куль-Оба	51

<i>Горончаровский В. А.</i> К вопросу об этногенезе синдов (по материалам Боспорских курганов)	60
<i>Грицик Е. В.</i> Хозяйственные комплексы Порфмия (по материалам раскопок 2012-2013 гг.)	66
<i>Дианова Т. В.</i> Некоторые факты из биографии М. И. Скубетова (По материалам архива Херсонесского заповедника)	70
<i>Зайцев Ю. П.</i> У западных границ Боспора: к 10-летию с начала раскопок крепости Ак-Кая	76
<i>Знаменская Л. К.</i> Загадка одной брошюры из научной библиотеки «Херсонеса Таврического»	81
<i>Колосов В. П., Четвёркина Е. В., Михайленко А. В.</i> Статистический анализ кухонной керамики из Мирмекия	85
<i>Кучеревская Н. Л.</i> Сцена прощания в Боспорском надгробном рельефе: эволюция изобразительных средств и семантика сюжета	90
<i>Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В.</i> Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» ...	98

<i>Матвеев С. П.</i> Охрана историко-культурных и археологических памятников Керчь-Еникальского градоначальства в XIX в.	105
<i>Медведева М. В.</i> К истории поступления и атрибуции архивных документов по изучению склепа Деметры (по материалам научного архива ИИМК РАН)	111
<i>Решетникова О. В.</i> Археологическое наследие Керчи в материалах англоязычных периодических изданий периода Крымской войны	118
<i>Михайлов А. М.</i> Использование топографии для реконструкции разрушенного памятника	123
<i>Непомнящий А. А.</i> Древние памятники Крыма в эпистолярном наследии Ю. А. Кулаковского	126
<i>Ольховский С. В., Степанов А. В.</i> Подводные археологические исследования на трассе Керченского моста	133

<i>Пономарев Д. Ю., Никитаев А. В.</i> Антропологический материал из юго-восточного участка средневекового могильника на ул. Айвазовского г. Керчи	142
<i>Прохорова Т. А.</i> Материалы по подготовке К. Э. Гриневичем работы «Древности Пантикапея» (по архивным документам Херсонесского музея-заповедника)	150
<i>Соколова О. Ю.</i> Коллекция оружия из раскопок Нимфея в собрании Государственного Эрмитажа	154
<i>Столяренко П. Г., Кропотов В. В.</i> Комплекс позднеэллинистического времени из городища Парфений	160
<i>Терещенко А. Е.</i> Феодосия конца V в. до н. э. в свете нумизматики	167
<i>Хрищановский В. А.</i> Разведки курганных некрополей возле Илурата и Китея	174
<i>Шаров О. В.</i> Раскопки Поля Дюбрюкса в Керчи в 1816-1817 гг.: хронология комплексов кургана № 1	180

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 10 (2016)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашинок*

Подписано к печати 29.07.2016
Формат 189x283, Усл. печ. л. 23,48
Гарнитура Times New Roman
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Напечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.